

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

вып. 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
КИЕВ — 1954

Редакционная коллегия:

Действ. член АН УССР *Л. П. Ефименко* (ответственный редактор), член-корр. АН УССР *Л. М. Славин*, доктор истор. наук *М. Я. Рудинский*.

Редактор издательства *И. А. Сергеева*.

Техредактор *Е. К. Сиваченко*.

Корректор *З. М. Шамо-*

БФ 00463. Зак. 264. Тираж 1000. Формат бумаги 70 × 108. Печ. листов 9,2. Учетно-издат. листов 8,65. Бум. листов 3,5. Подписано к печати 17.VI 1954 г.

Типография Издательства АН УССР, Киев, Чудновского, 2.

ИТОГИ И ЗАДАЧИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ УКРАИНЫ

Русский и украинский народы, все народы нашей страны отмечают славную дату — 300-летие воссоединения Украины с Россией. Этот всенародный праздник советские люди встречают большими успехами в движении нашей страны вперед к полной победе коммунизма.

Под руководством Коммунистической партии советский народ уверенно идет по пути строительства коммунистического общества. Гигантских успехов добилась наша промышленность и социалистическое сельское хозяйство. Каждый день отмечается у нас все новыми и новыми успехами в области культуры и науки.

Вооруженная всепобеждающим революционным учением Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, советская историческая наука является важным орудием в борьбе за построение коммунизма. Перед исторической наукой в целом и отдельными ее отраслями, в частности перед археологией, стоят большие задачи. Важнейшей задачей историко-археологической науки является создание работ обобщающего характера на основе глубокого овладения марксистско-ленинской теорией.

Коммунистическая партия неустанно учит нас творчески применять положения марксизма-ленинизма во всех областях человеческого знания, борясь против догматизма и начетничества.

Подлинные высокие достижения нашей науки могут быть обеспечены только при наличии широкой инициативы и смелого развертывания критики и самокритики, в особенности критики снизу, направленной на коренное улучшение научного планирования и научного руководства, на борьбу с недостатками, ошибками и просто враждебными нам взглядами марристов, объективистов и буржуазных националистов.

Вместе со всей нашей историко-археологической наукой археологи Советской Украины развернули широкие и плодотворные исследования различных эпох далекого исторического прошлого территории Украинской ССР.

Не имея возможности перечислять здесь все то, что сделано Институтом археологии хотя бы за немногие последние годы, поскольку некоторые итоги его работам были недавно подведены на VI и VII научных конференциях¹, следует все же указать, что украинским археологам удалось добить много новых, нередко очень важных данных по древней истории УССР. Полученные материалы позволяют во многом по-новому представить исторические судьбы населения территории Украины начиная с самых древних эпох.

Открытие в ряде мест УССР памятников древнего палеолита доказывает вздорность мнения об относительно позднем заселении Восточной Европы. Впервые в результате ряда очень интересных наблюдений археологов УССР становятся ясными формы, которые получила на Украине культура неолитических племен. Теперь можно проследить развитие этой культуры

¹ Доклады VI научной конференции Института археологии, К., 1953. Материалы VII конференции, состоявшейся в феврале 1954 г., печатаются в 4-м выпуске „Кратких сообщений“ Института археологии.

начиная с отдаленной поры т. н. мезолита и появления первых одомашненных животных — еще за много тысячелетий до начала н. э. Выясняется также процесс сложения на позднейшем этапе неолита в связи с развитием пастушеского хозяйства более высокой культуры нового типа, характеризующейся широким распространением родовых усыпальниц в виде вырытых в земле более или менее обширных помещений.

Совершенно иначе, чем еще совсем недавно, рисуется теперь эпоха раннего металла — меди и ранней бронзы, которая представляется сейчас как важный процесс формирования многочисленных племен с различным строем хозяйства, культуры и быта. Среди них отчетливо можно различить строителей курганов — весьма подвижные пастушеские племена степного Левобережья, с одной стороны, и травянистых равнин между Днепром и Дунаем, — с которыми мы, очевидно, в первую очередь должны связывать древнюю культуру отчасти еще не разделившихся предков современных индоевропейских народов, — с другой стороны. Последним противостоит обширный массив древнеземледельческих трипольских общин лесостепного украинского Правобережья, с хорошо выраженными чертами культуры, уводящими нас на юг, в историческую среду древнего Востока и Средиземноморья.

Но уже в эпоху средней и, в особенности, поздней бронзы, а затем и раннего железа, по крайней мере на большей части территории Правобережья прежнее многообразие археологических культур, очевидно отвечающее многосоставности населения края, уступает место все более отчетливо выступающей картине выравнивания культурных признаков, в чем естественнее всего усматривать выдвижение на историческую сцену каких-то ближайших предков более поздних, исторически уже известных славянских племен — венедов, склавинов, антов.

В I—II вв. н. э. присутствие восточнославянских переселенцев определенно документируется археологическими памятниками черняховского типа не только по нижнему течению Днепра, но и в окрестностях Ольвии и на южном берегу Крыма.

Крупным достижением Института археологии, также на протяжении самых последних лет, следует считать открытие памятников пастырско-волынцевского типа в виде мест поселений и связанных с ними некрополей, проливающих яркий свет на культуру восточных славян VII—VIII вв.—времени зарождения Киевской Руси. Можно отметить также значительные работы, производившиеся Институтом археологии, часто совместно с ИИМК АН СССР, по изучению древнего Киева, Чернигова, Переяслава, Вышгорода, Галича, Райков, Колодяжина и других древнерусских городов времени IX—XIII вв.

Советская археологическая общественность не может не оценить как вполне положительный факт не только огромную полевую исследовательскую работу Института археологии, проводимую им из года в год в тесном содружестве с крупнейшими археологами Москвы и Ленинграда, но и то, что институту удалось впервые на Украине приступить к систематической публикации большого накапливаемого им научного материала. Понятно, что издания Института археологии отражают, и не могут не отражать, процесс его внутреннего роста, как исследовательского учреждения, проявляющийся в расширении и углублении научной тематики публикуемых в них материалов и исследований в более определенном профиле, который приобретают из номера в номер сами сборники „Археология“, „Краткие сообщения“, „Археологічні пам'ятки УРСР“, не говоря уже о ряде выпущенных Институтом монографических работ.

Следует признать все же, что, хотя наша историческая наука, вне всякого сомнения, находится на несравненно более высоком уровне, неизмеримо богаче и содержательнее, чем буржуазная историческая наука, переживающая период упадка и разложения, однако она имеет еще ряд слабых мест и крупных недочетов.

В не меньшей, а, вероятно, в значительно большей мере это приходится сказать о советской археологии в целом и об украинской археологии, составляющей ее неразрывную часть, в частности. Несмотря на бесспорные и значительные успехи в целом ряде областей, связанные, прежде всего, с большим разворотом полевых исследований, с накоплением огромного, нередко очень ценного фактического материала, советская археология несравненно меньше уделяет внимания разработке теоретических вопросов, трудам, ставящим себе глубокие исследовательские цели, не говоря уже об обобщающих работах, подводящих итоги археологическим исследованиям в широком территориальном и историческом плане. Разрыв между интенсивным накоплением новых материалов и их разработкой как исторических источников с привлечением к их освещению всех иных видов источников (данных языка, сравнительной этнографии, антропологии, а для более поздних эпох—собственно исторических фактов), несомненно, остается до сих пор наиболее слабым в работе археологических научно-исследовательских учреждений нашей страны.

„Факторическое“ направление в археологии еще дает себя чувствовать в очень большой мере. Очевидно, этим, прежде всего, приходится объяснить множество неразрешенных вопросов, проходящих через всю раннюю историю СССР, без учета и правильного освещения которых понимание значения самих археологических фактов нередко оказывается, по существу, почти невозможным.

Следует сказать, например, что, несмотря на особенный интерес, который на протяжении двух последних десятилетий проявляется к памятникам замечательной трипольской культуры, историческая принадлежность этой культуры, место и значение ее в проблеме этногенеза древних славян, как и почти все иные важнейшие связанные с ней вопросы, так, в сущности, до сих пор и не получили какого-либо определенного, достаточного аргументированного и общепризнанного разрешения.

Еще меньше можно найти оправданий для почти полного отсутствия в советской археологической литературе внимания к такой важной теме, как вопрос о вещественных памятниках древнейших индоевропейских племен. Вместе с тем, основываясь на данных сравнительного языкознания, мы не плохо изучили общий уровень их культурного развития и во всяком случае можем считать вполне установленным тот факт, что формирование этих племен должно было происходить где-то на стыке Европы и Азии в условиях открытого степного ландшафта.

Одним из наиболее важных, тесно связанных с проблемой происхождения восточных славян, является вопрос об историческом взаимоотношении двух основных групп памятников украинского Правобережья эпохи конца бронзы—раннего железа: южной лесостепной (белогрудовско-чернолесской, высоцкой и пр., позже „скифской“) и северной, собственно лесной, полесской (бобрицко-подгорской) с их совершенно различным на этом этапе строем хозяйства и культуры. Отсюда в значительной мере проис текают те неясности, которые затрудняют решение вопроса о происхождении несомненно уже славянских культур полей погребений—корчеватовского и черняховского типов. Преодоление этих трудностей может быть в значительной мере облегчено начатым в последние годы планомерным изучением памятников поздней бронзы—раннего железа на территории белорус ского Полесья.

Можно также упомянуть до сих пор не решенный вопрос об этнической принадлежности оседлых земледельческих племен Геродотовой Скифии, оставивших нам большое количество разнообразных археологических материалов, или такой важный вопрос, как наличие или отсутствие прямой преемственной связи между кругом памятников так называемой культуры полей погребений черняховского типа, в которых советская наука с достаточным основ

ванием усматривает вещественные остатки быта древних восточнославянских племен, и культурой Киевской Руси и многое другое.

Учитывая, как много остается невыясненного и нерешенного в древней истории нашей Родины, если исходить из археологических данных, вполне естественно думать, что момент дискуссионности неизбежно должен в той или иной мере иметь место в очень многих исследованиях археологов УССР. В изданиях Института археологии имеется не мало разного рода недостатков и более или менее серьезных погрешностей, которые, вне всякого сомнения, должны быть учтены и продуманы и к исправлению которых должен стремиться научный коллектив. Такие недочеты и слабые места имеются как в планировании отдельных выпускаемых Институтом археологии научных сборников, так и в тех или других помещенных в них статьях.

Многое еще следует сделать Институту археологии для претворения в своей повседневной научной деятельности великих идей, заложенных в трудах классиков марксизма-ленинизма.

Важнейшей проблемой советской историко-археологической науки является изучение вопросов, связанных с процессом образования племен, народностей и наций. В разработке этой проблемы были допущены особенно серьезные ошибки в связи с попытками решить ее в духе антинаучных построений акад. Н. Я. Марра.

Среди ряда руководящих положений марксизма-ленинизма, которые необходимо учесть и использовать для правильного понимания исторического процесса на его ранних этапах, важное место должно занять указание И. В. Сталина на историческую роль товарного производства в эпоху рабовладельческого строя и в эпоху феодализма, а также его указание на то, что основой феодализма являлось не внешнеэкономическое принуждение, как это считали еще недавно некоторые советские историки, а экономический фактор — феодальная собственность на землю.

Особенно важное место в нашей работе должно принадлежать проблемам происхождения славян и образования Киевской Руси, колыбели трех братских народов — русского, украинского и белорусского.

В свете сказанного не трудно представить, как остро ощущается историками и археологами, научными работниками и преподавателями, не говоря уже о широком круге советских читателей, отсутствие в нашей литературе обобщающего труда по ранней истории СССР, в котором нашли бы себе место все намеченные выше и им подобные вопросы и было бы указано их возможное решение. Выход подобного издания явился бы залогом подлинных успехов нашей науки прежде всего на пути преодоления всех и всяческих антиисторических ошибок и извращений.

Появление столь важного обобщающего исследования уже само дало бы возможность решения многих существеннейших вопросов древней истории СССР с совершенно иных теоретических позиций, чем это имело место в советской археологии в годы господства в ней антинаучных установок М. Н. Покровского, Н. Я. Марра и других.

Шагом вперед для Института археологии представляет в этом отношении его упорная многолетняя работа над большим коллективным обобщающим трудом „Очерки древней истории УССР“. Эта работа является важным стимулом к глубокому и критическому пересмотру всех принципиальных позиций нашей науки в обширном круге вопросов, связанных с древним прошлым территории УССР.

К сожалению, та большая и важная работа по пересмотру задач и методов археологической науки в свете положений марксизма-ленинизма, которая ведется в руководящем археологическом учреждении СССР в Институте истории материальной культуры, еще недостаточно нашла свое выражение в печати, если не считать редакционных статей в «Советской Археологии»,

«Кратких сообщениях ИИМК», в «Вестнике древней истории» и некоторых других журналах и сборниках, издаваемых Академией наук СССР.

Для советского читателя, и в особенности для широкого круга советских археологов, было бы не менее важно, с точки зрения основных, принципиальных установок нашей науки, получить представление о тех дискуссиях, на которых в критическом плане рассматриваются вышедшие за последние годы большие монографические исследования, являющиеся плодом многолетней работы ряда руководящих сотрудников ИИМК.

Существенным недостатком в жизни наших научно-исследовательских организаций, работающих в области археологии, является отсутствие или несистематический, случайный характер тематических конференций, которые могли бы и должны были бы мобилизовать внимание советских археологов на решение важнейших вопросов историко-археологического знания, таких, например, как происхождение и ранние эпохи истории восточных славян или финно-угров, проблема древнеземледельческой трипольской культуры и многое другое. Нельзя сомневаться, что ИИМК, как наиболее сильное археологическое учреждение СССР, объединяющее значительное число специалистов, мог бы располагать неограниченными возможностями для творческой и организационной инициативы в осуществлении всех этих и иных подобных начинаний.

Организующее, объединяющее значение ИИМК должно проявляться и в иных сторонах жизни и деятельности археологических учреждений союзных республик, как, например, в разработке общего профиля изданий, в едином плане экспедиционных исследований и во многом другом. Научная деятельность Института археологии АН УССР составляет лишь определенную часть тех многих творческих начинаний, которые осуществляются советскими археологами, занимающимися разработкой вопросов древней истории нашей великой Родины. Вместе со всем коллективом ученых СССР Институт археологии вносит посильный вклад в дело решительной перестройки и дальнейшего развития советской археологической науки, стремясь к благородной цели — помочь ей занять первое место в мировой науке. Учитывая положение Института археологии как руководящего научного археологического учреждения УССР, следует признать, что ему должна принадлежать инициатива в постановке археологических исследований на территории Украины, так как на нем в первую очередь, естественно, лежит и ответственность за развертывание этих исследований.

Преодолевая слабые места, организационные и теоретические недочеты в своей работе, научные работники Института археологии ставят своей целью поднять советскую археологическую науку на уровень передовой науки современности.

Если Институт археологии и не может переоценивать реальные возможности современного археологического знания в деле успешного разрешения всех стоящих перед ним проблем большого исторического значения, то он честно стремится сделать все возможное для успешного решения этой почетной задачи.

Институт археологии твердо уверен в том, что его начинания встретят сочувственное отношение и поддержку со стороны советских археологов и прежде всего археологов ИИМК АН СССР, и найдут у них внимательную и объективную оценку как положительных, так и отрицательных, слабых сторон своей работы.

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ ОБ УЧАСТИИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В СОБЫТИЯХ НА ДУНАЕ 248—251 ГГ. Н. Э.

М. Ю. БРАЙЧЕВСКИЙ

Так называемые готские войны составляют наиболее значительную цепь событий политической истории Римской империи и окружавших ее племен и народов в III—V вв. н. э.

Начавшиеся в середине III в. (30-е годы), эти войны длились на протяжении более чем двух столетий и закончились падением Римской империи. Обычно принято считать, что главную роль в ниспровержении западного Рима сыграли германские племена (подобно тому, как в отношении восточного Рима — славяне); однако наряду с германцами против общего врага — рабовладельческого Рима — выступали и многие другие европейские племена — кельты, славяне, сарматы, аланы и др. В частности, в готских войнах III в. н. э. принимали участие самые разнообразные племена и народности.

Советской наукой установлено, что под именем «готов» в источниках III—V вв. н. э. обычно разумеется весьма сложный конгломерат различных по своему происхождению и этнической принадлежности племен, сомкнутым строем выступавших против Римской империи, среди которых наиболее значительную роль играли местные причерноморские сармато-аланские племена. Для авторов III—IV вв. н. э. готы — это исконное население Северного Причерноморья. Неудивительно, что в качестве термина, равнозначного термину «готы», в источниках нередко фигурирует имя «скифы», также имевшее значение сборного наименования, покрывавшего собою этнически различные причерноморские племена.

Важным вопросом древней истории Европы является вопрос об участии в движении «готов», или скифов, против Римской империи славянских (и, в частности, восточнославянских) племен. Как известно, специально о славянах источники III—IV вв. н. э. не говорят; однако отсюда вовсе не следует, что славяне вообще не принимали никакого участия в событиях этого времени. Напротив, исследователи считают, что в числе тех племен, которые скрыты в источниках под сборным именем «готов», или скифов, были и славянские племена¹.

Это предположение находит свое подтверждение в некоторых археологических материалах. Об этом свидетельствуют, например, находки римских медальонов на славянских землях². Это подтверждают также и некоторые другие нумизматические находки, увязывающиеся с определенными политическими событиями III—IV вв. н. э. В частности, интересным свиде-

¹ А. В. М и ш у л и н, Древние славяне и судьбы Восточноримской империи, ВДИ, № 1, 1939, стр. 290—307.

² М. Ю. Брайчевский, Археологічні свідчення участі східних слов'ян у політичних подіях римської історії III—IV ст.ст. н. е., Археологія, т. VIII, К., 1953, стр. 45—55.

тельством участия восточных славян в событиях на Дунае в середине III в. н. э. может служить группа находок на восточнославянских землях монет, чеканенных в придунайских провинциях и относящихся именно к этому времени.

Эти монеты происходят из следующих мест:

1. З б а р а ж (Збаражский район, Тернопольская область). Найдена монета «с изображением бородатого Вакха», по утверждению А. Киркора, чеканенная в городе Ульпиануме, в Большой Мезии¹.

Определение монеты вызывает ряд недоуменных вопросов, поскольку ни города Ульпианума, ни Большой Мезии никогда не существовало (есть Верхняя и Нижняя Мезия; которую из них имел в виду Киркор — неизвестно). Вероятно, Киркор описал монету, чеканенную в римское время в одном из мезийских городов, имевших дополнительное название «Ulpia».²

2. К о ц ю б и н ч и к и (Пробижнянский район, Тернопольская область). В 1864 г. найдена медная монета, чеканенная где-то во Фракии во время правления императора Гордиана III (238—244 гг. н. э.)³.

3. К о ш е в а т а (Таращанский район, Киевская область). Найдена монета, чеканенная в городе Виминакии в Верхней Мезии во времена правления императора Траяна Деция (249—251 гг. н. э.). Ее описание: Аверс: Изображение императора. Легенда: IMP TRAIAN DECI... Реверс: Воин с копьем стоит между двумя львами. Легенда: PNSCOL YYM⁴.

Эту монету Н. Ф. Беляшевский неправильно приписывал императору Траяну — покорителю Дакии⁵.

4. К р у т о г о р б (Гайсинский район, Винницкая область). Во время вспашки поля в 1929 г. найдена желто-медная монета, чеканенная в городе Маркианополе в Нижней Мезии в период правления императора Гордиана III (238—244 гг. н. э.), которая тогда же была передана в Киевский музей. На монете было изображение Гордиана и Транквиллины. От долгого пребывания в земле монета испорчена; сохранились лишь отдельные буквы⁶.

5. К р ы л о с (Галичский район, Станиславская область). Найдена монета, чеканенная в Маркианополе в Нижней Мезии в период правления императора Филиппа Араба (244—249 гг. н. э.)⁷.

6. Р а й к и (Бердичевский район, Житомирская область). В 1930 г. во время раскопок Райковецкого городища была найдена желто-медная монета (медальон), чеканенная в городе Филиппополе во Фракии в период правления императора Элагабала (218—222 гг. н. э.). Монета была найдена в юго-западном углу городища, ниже основного культурного слоя, относящегося к эпохе Киевской Руси. Здесь же были найдены другие вещи первых веков н. э. (обломки мегарской чаши I—III вв. н. э., фрагменты амфор, арбалетная фибула), свидетельствующие о наличии в этом месте остатков культурного слоя, более древнего, чем время функционирования городища.

Монета плохо сохранилась, однако определена А. Н. Зографом, который сравнивал ее с одним медальоном из собрания Эрмитажа. Описание райковецкого медальона в связи с этим должно быть следующим: Аверс: Портрет императора с венком на голове направо. Легенда: АІТ КМ АУРНЛ АНТО-НЕІ НОС СЕВ.

¹ Д. Я. Самоквасов, О происхождении русских и польских славян и причине появления кладов римских монет в земле древних Руссов и Ляхов, Труды VIII АС, т. III, М., 1897, стр. 31—43.

² Медальон м. Філіппополя Фракійського часів Елагабала з Райковецького городища на Бердичівщині, Рукопись в ІА АН УССР.

³ St. Bolin, Fynden av romerska mynt idet fria Germanien, Lund, 1926, Galizien, № 24.

⁴ Киевская старина, 1884, № 1; Археологическая карта Киевской губернии, М., 1895.

⁵ Н. Ф. Беляшевский, Монетные клады Киевской губ., К., 1889.

⁶ Медальон м. Філіппополя Фракійського часів Елагабала з Райковецького городища на Бердичівщині. Там же.

⁷ К. Мајевскі, Importy rzymskie na ziemiach słowiańskich, Wrocław, 1949; О. В. Фенин, Находи римских монет в західних областях УРСР, Рукопись в ІА АН УССР.

Реверс: Фигура Геракла, опирающегося на палицу. Легенда: МЕТРОПО-
ЛЕΩС ФЛАПΠΟΠΟΛΕΩΣ ΝΕΩΚΟΡΟΥ. Диаметр монеты 38—39 мм¹.

7. С а т а н о в (Сатановский район, Хмельницкая область). В 1934—1935 гг. найдена желто-медная монета, чеканенная в городе Анхиале во Фракии в период правления Гордиана III (238—244 гг. н. э.), которая была передана в Проскуровский музей. На монете имелись изображения Гордиана и Транквиллины².

8. Ч е р н и н (Таращанский район, Киевская область). Около села найдена при неизвестных обстоятельствах желто-медная монета, чеканенная в Маркианополе в Нижней Мезии при легате Юлии Селевке в период правления императора Элагабала (218—222 гг. н. э.)³.

Возможно, что именно в связи с этой серией находок следует рассматривать и сведения о находках «колониальных монет Гордиана III» в Гайсине (Винницкая область)⁴, хотя утверждать наверное, что речь идет именно о придунайских провинциях, конечно, нельзя.

Таким образом, если учитывать только более или менее определенные находки, можно насчитать восемь случаев находок римских монет, чеканенных в придунайских провинциях. Одна из этих находок — Райковецкая — представляла собою, правда, медальон, но это, по существу, положения не меняет. Райковецкий медальон стоит среди восточноевропейских находок мадальонов особняком, ибо обладает некоторыми чертами, необычными для других аналогичных находок: 1) этот медальон единственный медный и даже не посеребренный; 2) для медной монеты он имеет сравнительно маленькие размеры (диаметр его 38—39 мм, тогда как диаметр обычной медной монеты достигает 30 мм), следовательно, он принадлежит к числу медальонов с низким номиналом; 3) он сильно потерт, что свидетельствует о том, что монета эта долго обращалась, прежде чем попала в землю; 4) в отличие от всех остальных медальонов, он не имеет ушка; 5) это единственный медальон из числа найденных в Восточной Европе, обнаруженный определенно не в составе клада; 6) он относится к первой половине III в. н. э., тогда как большинство прочих медальонов относится ко времени после Диоклетиана (именно в это время римляне особенно усиленно пытаются привлекать «варварские», в том числе и славянские, дружины на свою сторону, следствием чего, между прочим, является и распространение римских медальонов на неримских землях); 7) райковецкий медальон является единственным медальоном автономной чеканки, найденным в Восточной Европе; все прочие, обнаруженные здесь медальоны представляли собою либо монеты центральной чеканки, либо были выбиты провинциальными монетными дворами по заказу и от имени центральной власти⁵.

Все это заставляет думать, что райковецкий медальон использовался не как медальон в прямом смысле этого слова (т. е., как своего рода орден или медаль), а как обычная монета, несколько большего номинала.

Вместе с тем, нетрудно убедиться, что находка этого медальона имеет много общего с перечисленными находками монет придунайской чеканки. Последние в большинстве своем представляют собою также медные монеты (Крылос, Коцюбинчики, Сатанов, Кругогорб, Чернин; из какого металла были чеканены монеты, найденные в Збараже и Кошеватой, осталось неиз-

¹ Медальон м. Філіппополя Фракійського часів Елагабала з Райковецького городища на Бердичівщині; в описании монеты, приведенном в статье в «Археологии», т. VIII, в воспроизведении легенд допущена опечатка.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Е. С е ц и н с к и й, Археологическая карта Подольской губернии, Труды XI АС, т. I, М., 1901, стр. 197—354.

⁵ Например, медальон Константина Великого, найденный где-то в западной части современной УССР и изданный Е. М. Придиком, — в Фессалониках (Е. М. П р и д и к, Неизданный медальон Константина Великого в Государственном Эрмитаже, Докл. АН СССР, в. 1, 1930, стр. 11—17).

вестным). Ни одна из них не была обработана, как медаль; напротив, некоторые из них (например, монета из Крутогорба) были сильно потерты. Все они (быть может, за исключением монеты из Крылоса) были найдены не в составе кладов, а в виде отдельных находок. Таким образом, все эти находки, использовавшиеся, безусловно, как обычные монеты, составляют определенную группу, связанную рядом определенных черт, не говоря уже об их хронологии и происхождении.

По месту своей чеканки эти монеты распределяются следующим образом: в Маркианополе (Нижняя Мезия) чеканены три монеты; в Виминакии (Верхняя Мезия) — одна; в Филиппополе (Фракия) — одна; в Анхиале (Фракия) — одна; где-то во Фракии — одна.

Таким образом, большинство монет (шесть) происходят из Фракии и Нижней Мезии.

Безусловная увязка этих находок друг с другом становится еще более очевидной при учете их необычайной хронологической компактности. Все они относятся к чрезвычайно узкому отрезку времени — около 30 лет. Ко времени Элагабала (218—222 гг. н. э.) относились две монеты; ко времени Гордиана III (238—244 гг. н. э.) — три; ко времени Филиппа Араба (247—249 гг. н. э.) — одна; ко времени Траяна Деция (249—251 гг. н. э.) — одна.

Ясно, что распространение этих монет в Восточной Европе имело в основе своей какие-то общие закономерности. С какими же событиями можно связывать попадание этих монет на территорию Восточной Европы?

Все указанные монеты были найдены на территории исконни славянских земель, причем в таких местах, где в первые века н. э. трудно предполагать какое-либо неславянское население. Это — территория Верхнего и Среднего Поднестровья (Крылос, Коцюбинчики, Збараж, Сатанов), Побужья (Крутогорб, Гайсин), Южной Волыни (Райки), лесостепного Правобережья Днепра (Кошевата, Чернин). Таким образом, не может быть сомнений в том, что распространение этих монет в Восточной Европе связано с деятельностью именно восточных славян.

Основное распространение римских монет на восточнославянских землях было связано с торговыми сношениями, существовавшими у восточных славян с Римской империей. Как показывает хронология монетных находок (а также и хронология находок вещей римского производства на восточнославянских землях), эти торговые связи существовали в основном на протяжении II в. н. э. Именно в это время наблюдается массовый приток на территорию лесостепной полосы Восточной Европы римских (главным образом серебряных) монет, которые встречаются здесь десятками тысяч. Начиная от времени правления Септимия Севера (193—211 гг. н. э.) тесные торговые сношения восточных славян с Римом прекращаются: после Септимия Севера приток римских монет на восточнославянские земли сокращается очень резко¹.

Причиной этого сокращения является, с одной стороны, трудное экономическое положение империи в то время, вылившееся в кризис III в. (в частности, такие явления, как порча и обесценение римской монеты, исчезновение с рынка полноценной старой монеты и т. д.), а, с другой стороны, резко усилившееся движение «варварских» племен и народов против Римской империи².

Начиная с III в. н. э. римские монеты могли попадать (правда, в гораздо меньшем количестве) на восточнославянские земли вследствие военно-политической деятельности славян — как военная добыча, контрибуции, плата за военную помощь и т. д. В частности, и интересующая нас в данном случае

¹ М. Ю. Брайчевский, Знайдки римських монет на території УРСР, Археологія, т. III, К., 1950, стор. 93—101.

² В отношении германцев это обстоятельство отмечал Ф. Энгельс в своем труде «К истории древних германцев».

серия монет придунайской чеканки может быть объяснена в связи с военно-политическими событиями на Дунае в середине III в. н. э.

Как известно, готские войны начались в 238 г. переходом «готов», или скифов, через Дунай и взятием города Истрии, после чего римляне обязались платить им дань. В 242 г. сарматы разбили армию Гордиана III; в 245 г. карпы, требовавшие от римлян уплаты себе дани, выступили против империи, и хотя потерпели поражение от императора Филиппа Араба, за год перед тем сменившего Гордиана III, однако не отказались от своих притязаний. 248—249 гг. отмечены смутами в дунайских провинциях, закончившимися вступлением на престол Траяна Деция. Тем временем готы и карпы, объединившись под командованием готского князя Книвы, в 250—251 гг. н. э. соединенными силами обрушились на дунайские провинции империи.

Хронология событий конца 40-х и начала 50-х годов III в. устанавливается с трудом, поскольку сведения о них находим главным образом в позднейшей (византийской) традиции. Сохранившиеся фрагменты современника событий — Дексиппа, к сожалению, часто не содержат необходимых данных. В частности, трудно определить, к какому именно году относится осада скифами Маркианополя, сведения о которой находим у Дексиппа¹ и которая нас особенно интересует в связи с рассматриваемыми монетными находками. Принято считать, что она происходила еще до начала войны 250—251 гг. (некоторые авторы относят ее еще ко времени правления Филиппа Араба, к 248 г.).²

Война 250—251 гг. считается одним из важнейших и наиболее тяжелых по своим последствиям для Рима событий III в. н. э. Огромная армия скифов вторглась за Дунай весной 250 г., опустошила Нижнюю Мезию и осадила города Никополь в Мезии и Филиппополь во Фракии. Траян Деций, собравший войско для оказания сопротивления, вначале одержал было победу под Никополем, однако не сумел полностью разгромить скифские войска и в дальнейшем потерпел решительное поражение сначала под Берое, а затем — уже после взятия скифами Филиппополя, Анхиала и других городов — при Абрите. Битва при Абрите была особенно тяжелой для римлян — войско их было разбито наголову и сам император вместе с сыном пал на поле битвы. Новый император — Требониан Галл (перед тем — наместник Нижней Мезии) вынужден был принять условия победителей, заключавшиеся в пропуске скифов на родину вместе с пленными и добычей и уплате дани за отказ от дальнейших нападений.

Именно с этими событиями и следует связывать попадание перечисленных выше монет на территорию восточнославянских земель. В этих событиях встречаем наименования как раз тех городов, в которых были чеканены монеты, найденные на восточнославянских землях, а именно Маркианополь, Филиппополь, Анхиал, подвергшиеся осаде, а некоторые и взятию со стороны «готского», или скифского, войска. Совпадение хронологии также не оставляет сомнения в том, что попадание этих монет в Восточную Европу связано именно с событиями 248—251 гг. Важно, что монеты, чеканенные в Маркианополе, осада которого, повидимому, относится ко времени, несколько более раннему, чем 250—251 гг., чеканены в период правления Элагабала (218—222 гг. н. э.), Гордиана III (238—244 гг.) и Филиппа Араба (244—249 гг.).

Источники не сообщают нам этнический состав «готских», или скифских, армий, участвовавших в событиях 248 и 250—251 гг. Одни авторы просто говорят о «готах», или скифах (или даже о «скифах, именуемых готами»), другие — называют карпов или готов и карпов. Находки серии монет, объясняемых в связи с данными событиями, на территории восточнославянских

¹ Фрагм. № 17в.

² А. М. Ременников, Война между Римской империей и племенами Северного Причерноморья в 250—251 гг. н. э., ВДИ, № 2, 1951, стр. 201—210.

земель позволяют определенно утверждать, что в этих событиях принимали участие и восточнославянские дружины, в связи с чем упоминание имени карпов особенно интересно. Исследователи обычно рассматривают карпов как население прикарпатских земель, а многие зачисляют их к древнеславянским племенам. Не исключено, что в настоящем случае под именем карпов выступают именно восточные славяне, участие которых в событиях 248—251 гг., таким образом, представляется бесспорным.

Другой вопрос, каким образом попали эти монеты в руки древних славян — то ли как военная добыча, то ли в виде контрибуции или выкупа, или еще каким-либо иным способом. Во всяком случае ясно, что эти находки не являются следами торговли: торговые сношения славян с Римской империей в III в. н. э. были уже прерваны, не говоря уже о том, что сами события, о которых идет речь, вряд ли допускали сколько-нибудь серьезное развитие торговли в дунайских провинциях.

Значение и интерес рассматриваемой группы монетных находок заключается именно в том, что они, при увязке их с известными по письменным источникам событиями, позволяют определенно говорить об участии восточных славян в событиях готских войн, в частности в событиях 248—251 гг., свидетельствуя вместе с некоторыми другими данными о той роли, которую восточные славяне начали играть в политической истории придунайских стран уже в III в. н. э.

МАСТЕРСКИЕ XI в. ПО ИЗГОТОВЛЕНИЮ СТЕКЛА И СМАЛЬТЫ В КИЕВЕ

По материалам раскопок 1951 г.¹

В. А. БОГУСЕВИЧ

Русскими исследователями уже давно было установлено существование производства стекла и стеклянных изделий в городских центрах Киевской Руси. Так, например, во время раскопок на усадьбе Петровского в Киеве у Десятинной церкви В. В. Хвойка открыл остатки обширной мастерской с глиняными горнами и печами «особого устройства». В мастерской были найдены разноцветные куски стекла, стеклянные браслеты и перстни как целые, так и сплавленные вместе. Это открытие, вместе с другими данными, опровергло представление о том, что все стеклянные вещи древней Руси были якобы привозными.

Б. А. Рыбаков в своем капитальном труде о древнерусском ремесле подвел итоги результатам исследований производства стекла в Киевской Руси. Он пришел к выводу, что производство стекла следует «считать исключительно городским ремеслом и притом таким, которое могло быть далеко не в каждом городе»².

В русских городских мастерских производились главным образом следующие стеклянные изделия: разноцветные браслеты и перстни, тонкостенные бокалы с круглым, относительно массивным дном, разнообразные бусы и круглые оконные стекла.

Несмотря на хорошую изученность древнерусского изготовления эмалей, производство стекла и смальты в Киевской Руси до сих пор остается неизученным. Крайне краткий отчет В. В. Хвойки о его раскопках у Десятинной церкви не позволяет восстановить процессы производства. Неизученность стеклоделия в Киевской Руси объясняется недостаточной археологической изученностью древнерусских городов и в первую очередь городского ремесла.

В результате раскопок 1950 г. в Киеве, на Подоле, на усадьбе 124-й женской школы (в районе пересечения улиц Героев Триполья и Волошской) в слое конца XI — начала XII в. были открыты остатки мастерской с глинянобитными горнами. К сожалению, этот археологический комплекс был сильно разрушен ямами ХХ в. И все же, нам удалось установить следующие факты: на небольшом участке (не более 20 м²) было расположено несколько глинянобитных разрушенных печей — горнов, среди остатков которых были найдены куски стеклянных сплавов и смальты, обломки стеклянных брасле-

¹ Раскопки производились Лаврским отрядом экспедиции «Большой Киев» под руководством В. А. Богусевича. В работах принимали участие: научный сотрудник Института археологии АН УССР Р. И. Выезжев, художник Л. С. Шилина, лаборанты Ю. Палеолог и Л. М. Глачинская, фотограф С. Я. Папер.

² Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 400.

тов, перстней и тонкостенной посуды (стенки небольших бокалов и круглые донца), а также разноцветные стеклянные бусы. О производстве стекла, стеклянных изделий и смальты в данной мастерской свидетельствует также найденный там запас свинца, состоявший из большого толстого листа и двух больших болванок (дискообразной и прямоугольной)¹. Тут же находилось скопление кирпича (конца XI в.) и кирличного боя, по всей вероятности связанное с устройством стеклоплавильных горнов. Весьма показательно, что стеклодельное производство находилось на ремесленно-торговом Подоле древнего Киева.

Еще более важные данные о производстве стекла и смальты в Киеве конца XI в. дали раскопки Института археологии АН УССР в 1951 г. в митрополичьем саду заповедника Киево-Печерской лавры.

Обстоятельства этого открытия были совершенно неожиданными. В конце апреля 1951 г. на этом месте, вследствие прорыва водопроводных труб и обвала древних подземных ходов, проходящих здесь на глубине 5 м, в земле образовались глубокие трещины и четыре громадные ямы. В разрезе одной из них, образовавшейся в 55 м к югу от 6-го корпуса и в 35 м от стены конца XVII — начала XVIII в., открылся обрез древней стены, которая по характеру кладки и размерам кирпича относилась к XII в.

Прежде всего следовало решить вопрос о том, представляла ли она собою часть какого-нибудь сооружения церковного или гражданского назначения, или же являлась военно-оборонительной стеной. Раскопки подтвердили последнее предположение и показали, что эта стена является частью западного фасада лаврской каменной крепости, выстроенной во второй половине XII в. (80- или 90-е годы) при архимандрите Василии и разрушенной татарами в 1240 г.

Возвведение каменной стены в XII в. свидетельствует о хозяйственной мощи Киево-Печерского монастыря. Исследование этого редчайшего памятника русского военного зодчества XII в. представляет особый интерес, однако в данной статье мы обратимся к рассмотрению других археологических фактов, полученных при этих раскопках.

У обнаруженной стены XII в. с целью исследования территории с внутренней ее стороны раскоп был расширен до площади около 120 м².

В 4 м к востоку от основания стены XII в. были вскрыты два развода производственных сооружений, состоявших из кирпичей XI в. (половняка), глины и шиферных плит. Многие кирпичи были покрыты слоями разноцветного переплавленного стекла. В развалих этих сооружений было много больших и мелких слитков стекла, заготовок разноцветной смальты, иногда обработанной в виде кубиков для мозаичных выкладок, фрагментов стенок стеклянных сосудов, обломков керамических тиглей со стеклянной массой и поливных плиток, а также застывших стеклянных капелек, кусочков свинца и серы.

Каждый из развалов занимал площадь около 3 м². Основание находилось на глубине 1,1—1,2 м от современной поверхности земли. Это важно для датировки стеклодельных сооружений. Щебеночная и известковая отмостки у военно-оборонительной стены, находящейся поблизости, лежат на глубине 70 см. Таким образом, уровень земли во второй половине XII в. был приблизительно на 0,5 м выше того горизонта, в котором находились остатки стеклянного производства.

Следовательно, уже по стратиграфическим данным, учитывая горизонтальность площадки, можно думать, что стеклодельные сооружения относятся к более раннему времени. Битые кирпичи, которые употреблялись для кладки этих сооружений, совершенно одинаковы с кирпичами Успенского собора Киево-Печерской лавры, построенного в 1073—1075 гг.

¹ Всего около 100 кг свинца.

Фресковая роспись и мозаика этого собора, повидимому, исполнены в следующем десятилетии после его построения, т. е. в 80-х годах XI в. Возможно, что мозаичное производство, остатки которого нами обнаружены в митрополичьем саду Лавры, было предназначено для украшения собора. Таким образом, можно предполагать, что открытое нами стекольно-смальтовое производство относится, повидимому, к концу XI в. Возможно, что в XII в. оно было уже заброшено.

К сожалению, мы лишены возможности сравнить обнаруженные нами смальты с мозаиками Успенского собора, так как его настенные мозаические

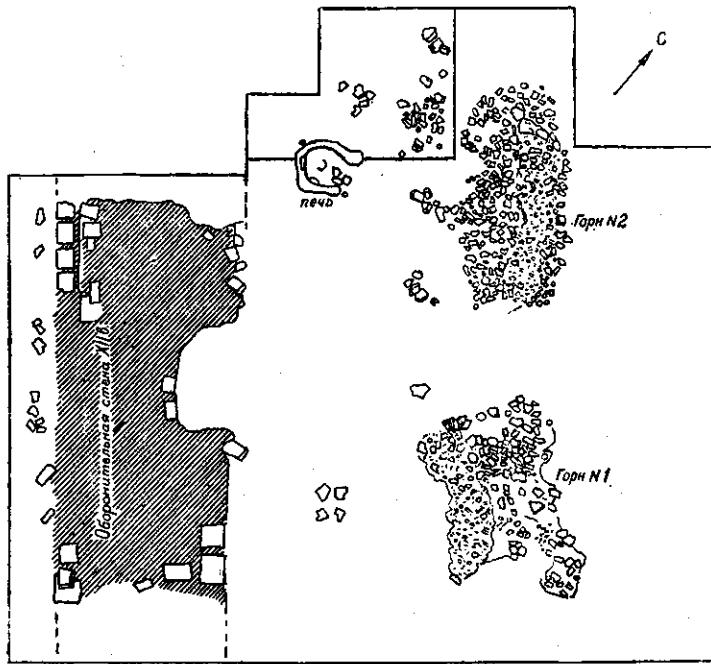

Рис. 1. План развалов производственных сооружений XI в. и стены XII в.

украшения давно погибли. Только раскопки руин Успенского собора, взорванного немецко-фашистскими захватчиками 3. XI 1941 г., могли бы, вероятно, в нижних частях стен и полов, дать остатки мозаического убранства и позволить сделать сравнения с открытыми нами материалами.

О том, что лаврские стеклодельные сооружения были заброшены уже в XII—XIII вв. свидетельствует обилие на этом месте пищевых отбросов. В раскопках встречалось много костей животных (коровы, овцы) и битой кухонной посуды. Поблизости, в 4 м к югу от первого производственного сооружения, нами были обнаружены следы жилищного комплекса с большим количеством бытовой глиняной посуды XII—XIII вв. (обломки горшков и амфор), а также костей домашних животных.

Небольшие размеры раскопа 1951 г. не позволяют еще с уверенностью судить о размерах площади, занятой лаврским стекольно-смальтовым производством. Вполне возможно, что она значительно больше исследованного участка. В дальнейшем начатые раскопки необходимо продолжить на более широкой территории.

Интересно отметить, что по сравнению со многими другими пунктами древнего Киева, где археологам приходится преодолевать 2—3 м позднейших

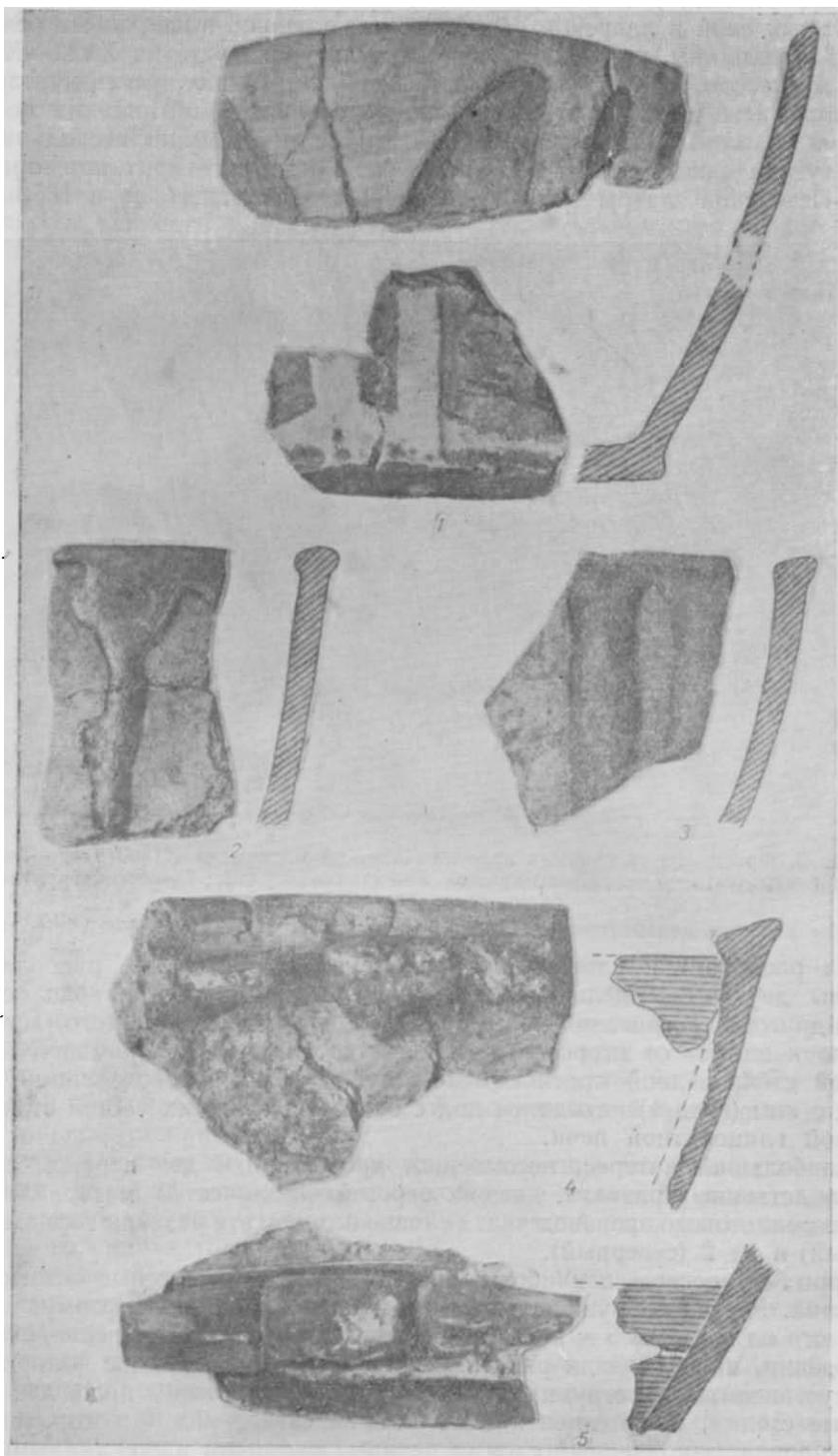

Рис. 2. Обломки керамических тиглей с разноцветной стеклянной массой.
1, 2, 3 — $\frac{1}{2}$ н. в.; 4, 5 — $\frac{4}{5}$ н. в.

наслоений, территория митрополичьего сада в Лавре дает наиболее благоприятные условия для раскопок культурных слоев Киевской Руси. Весь культурный слой в лаврском саду, как указывалось выше, имеет немногим более 1 м толщины, причем позднейшие культурные остатки XVII—XX вв. здесь почти совершенно отсутствуют. Повидимому, со времени татарского разгрома Киева и Лавры в 1240 г. вплоть до наших дней никаких построек здесь не возводили. Вероятно, что на протяжении нескольких столетий тут находился монастырский сад, о котором говорит при описании Киево-Печерской лавры Павел Алеппский, посетивший ее в 1653 г.

Рис. 3. Фрагменты стеклянных изделий Лаврской мастерской XI в. 1—3 — венчики чарочек; 4—5 — фрагменты рюмок; 6 — стенка сосудика; 7 — обломок круглого оконного стекла — 4/5 н. в.

На раскопанной площадке, параллельно стене XII в., располагались развали двух стеклодельных сооружений. Одно из них находилось южнее, а другое — севернее по отношению друг к другу. Кроме того, непосредственно к западу от второго находился третий развал кирпичной кладки, облитой стекловидной красно-зелено-голубой массой из обожженной глины, рядом с ним (южнее) находился под с остатками нижних частей стенок небольшой глинобитной печи.

Наибольший интерес, несомненно, представляют два первых больших производственных развода, давших огромное количество материалов стекольно-смальтового производства. Условно назовем эти развали горнами: № 1 (южный) и № 2 (северный).

Горн № 1 содержал наиболее значительные и интересные остатки производства. Развал сооружения в плане имел неправильную форму, вытянутую с юга на север на 3 м и с запада на восток на 2 м. Ни первоначальные наблюдения, ни послойная расчистка развода не позволили с полной ясностью установить конструкцию горна. Были обнаружены лишь две параллельные стенки, ориентированные с юга на север, между которыми находился провал, заполненный слоями печины, кирпичом и стеклянными сплавами. Западная стенка была выражена более отчетливо. Она сохранила следы кладки, выполненной на глине из кирпича половняка. Восточная сторона горна не сохранила ясно выраженных конструктивных частей. Все сооружение не имело фундамента и было поставлено непосредственно на мате-

рике. С северной стороны горна лежали части арочной кирпичной кладки, повидимому, от свода. В южной стороне к горну примыкала большая яма, заполненная углем, кирпичом и шлаком.

Повидимому, горн разделялся на несколько ярусов. Об этом свидетельствуют найденные в его развале части стенок круглых отверстий (люфтов) диаметром около 8 см. Стенки люфтов, толщиной до 3 см, снизу прожжены до красного цвета, а в верхней части имеют коричневый цвет, часто оплавлены разноцветной стеклянной массой. Был ли горн двухъярусным или трехъярусным решить не удалось.

Особую ценность для суждения о стеклодельном производстве дают найденные в развалих горна № 1 части керамических тиглей со стеклянной

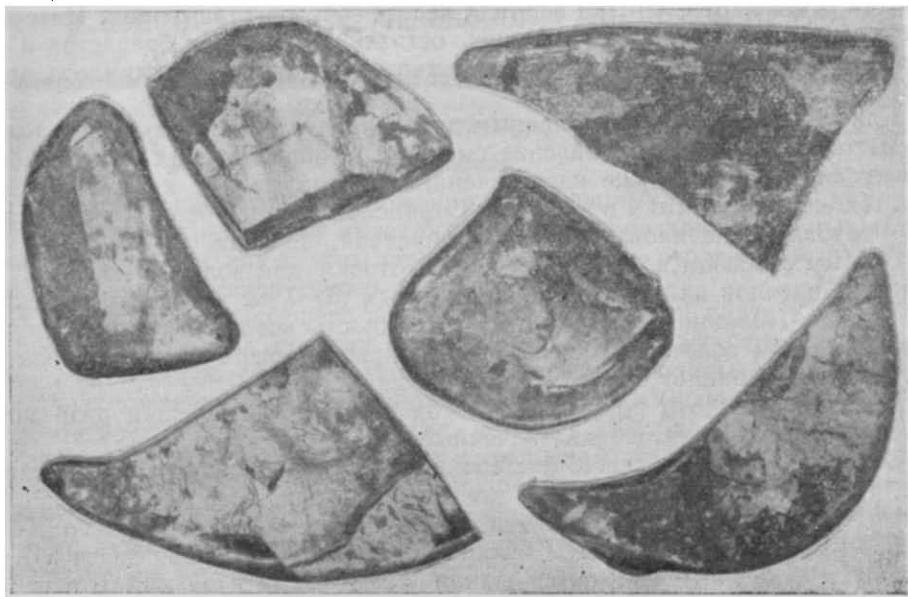

Рис. 4. Стеклянные покрытые золотом пластины, употреблявшиеся для изготовления мозаики. н. в.

массой. Тигли здесь применялись типа плошек с венчиком, необычным для горшковой керамики Киевской Руси XI—XII в. У этих плошек венчик представляет простой срез с прямоугольными краями, только снаружи имеется небольшой выступ. Очевидно такой край плошек-тиглей был удобен для слияния жидкой стеклянной массы.

Наряду с такими тиглями, возможно, вследствие того, что их нехватало, в качестве тиглей использовались также обычные горшки со специально отбитыми верхними частями. На дне плошек и горшков обыкновенно лежит слой стеклянного сплава толщиной до 1 см.

В развале горна № 1 повсюду встречались кусочки свинца, которые в сплаве смальты были основной составной частью, доходя там до 60—70%. При расчистке горна были найдены крупные куски серы и кобальта, которые служили красителями для получения смальты желтого и синего цветов. Очевидно, роль красителя играло также и железо, большое количество кусков которого было найдено у южной части горна № 1.

В развале горна находились большие куски стекла, смальты и разноцветной стеклянной пены, бесчисленное количество стеклянных капелек, а также битой стеклянной посуды и разнообразных стеклянных пластинок. Встречались также фрагменты круглых оконных стекол и куски желтых, зеленых и фиолетовых поливных плиток для полов.

Надо полагать, таким образом, что, наряду с производством смальты для мозаичных украшений Успенского собора, лаврская стеклодельная мастерская занималась также изготовлением целого ряда других предметов, а именно: стеклянной посуды, оконных стекол и цветных поливных керамических плиток для полов.

Особенно широко было поставлено производство небольших стеклянных сосудов, о чем свидетельствует бесчисленное количество их фрагментов, найденных в обоих горнах.

Преобладают фрагменты небольших тонкостенных сосудов типа стопок разных цветов: желтого, зеленого, голубого и синего. Весьма характерным признаком этих сосудов являются горизонтальные параллельные ряды тонкой стеклянной «вити» (проволоки), украшающей верхние части сосудиков. Изредка встречаются остатки верхних частей сосудов типа рюмок. Интересно отметить, что ни разу не встречались остатки стеклянных браслетов и перстней, что подчеркивает монастырский характер данного стеклянного производства.

Как указывалось выше, главным видом продукции лаврской стеклодельной мастерской было изготовление смальты. В обоих горнах найдены большие куски смальты и уже изготовленные из них мелкие кубики. Смальта была тех же цветов, что и в киевском Софийском соборе: белая, черная, желтая, голубая, синелиловая, краснокоричневая, зеленая.

Особым способом приготавливались заготовки для золотой мозаики. При расчистке завалов найдены обломки круглых (5—7 см в диаметре) стеклянных плиток (толщиной до 0,75 см), поверхность которых с одной стороны покрыта листом золота, в свою очередь покрытым сверху тонким слоем стекла, что предохраняет золото от повреждений.

В дальнейшем эти покрытые золотом стеклянные лепешки разрезались на небольшие кусочки, предназначенные для мозаики.

Вновь открытые лаврские мастерские по изготовлению стекла и смальты дают возможность окончательно доказать местное киевское производство смальты для потребностей монументального строительства древнего Киева.

Если ранее мы судили о развитии стеклодельного производства в Киевской Руси исключительно на основании уже готовых изделий, то в настоящее время мы можем расширить наши знания об этой отрасли промышленности Киевской Руси и в области процесса производства стекла, стеклянной посуды и смальты в Киеве конца XI в.

Кроме того, в результате раскопок в Лавре в 1951 г. мы получили неизвестные ранее по письменным источникам данные о хозяйственной деятельности крупнейшего монастыря Киевской Руси, существенно дополняющие наши знания о вотчинном ремесле.

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ ОБОРОНЫ КИЕВСКОЙ ЗЕМЛИ

По материалам работ разведочно-маршрутного отряда экспедиции „Большой Киев“

П. А. РАППОПОРТ

(Ленинград)

Выяснение системы расположения укрепленных пунктов и укрепленных рубежей вокруг Киева имеет большое значение для истории культуры древней Руси, так как с этим связано решение некоторых важнейших вопросов истории древнерусского военного искусства.

Еще в конце прошедшего века в «Археологической карте Киевской губернии» была сделана попытка выявить городища, расположенные вокруг Киева¹. Вопрос об общей организации системы обороны Киевской земли от степных кочевников был также поднят в статье «Змиевые валы в пределах Киевской земли»². Несколько позже, в 1909 г., Б. Стеллецким была впервые составлена карта древнерусских укреплений, расположенных непосредственно вокруг Киева³. В 1911 г. он опубликовал новый, исправленный вариант этой карты-схемы⁴. Один из лучших знатоков Киевщины Л. Добровольский подверг карту Стеллецкого уничтожающей критике, отметив, что в ней показаны некоторые вообще несуществующие крепости и в то же время не включен ряд важнейших городищ⁵.

Сам Л. Добровольский в ряде статей разрабатывал вопрос о системе обороны Киевщины и в особенности о Змиевых валах, ограждавших Киевскую землю с юга. Однако в этих работах он осветил лишь некоторые вопросы обороны Киева, так и не дав общей схемы обороны и расположения древних крепостей. Поэтому, говоря о системе обороны Киевской земли, до настоящего времени обычно ссылаются на заведомо неполную и неверную карту Стеллецкого⁶.

Между тем обследование городищ, расположенных вокруг Киева, проведенное за последние годы, позволяет составить уже гораздо более документальную карту расположения древнерусских крепостей (рис. 1)⁷.

¹ Археологическая карта Киевской губернии, М., 1895.

² Змиевые валы в пределах Киевской земли, «Киевская старина», март, 1884.

³ Б. С т е л л е ц к и й, Белгородка, К., 1909.

⁴ Военно-исторический вестник. Приложение к № 7—8, 1911.

⁵ Л. Д о б р о в о ль с к и й, К вопросу о древних укреплениях в окрестностях Киева, Военно-исторический вестник, кн. 1, 1912, стр. 168.

⁶ Так, например, эта карта приведена в «Истории культуры древней Руси», т. I, М.—Л., 1948, стр. 442.

⁷ В дальнейшем тексте цифры, указанные в скобках, соответствуют нумерации городищ на прилагаемой карте. Сведения о городищах № 11, 12, 13, 16, 18, 21, 22, 23 и 24 получены из археологической литературы и архива Института археологии АН УССР. Остальные городища были обследованы автором в 1950—1951 гг. На некоторых из них (Плесецкое, Заречье, Старые Безрадичи, Витачев, Вигуровщина, Белгородка) были проведены небольшие раскопки разведочного характера. В работах по обследованию городищ автору помогал студент ЛГУ А. Кирпичников.

* * *

Непосредственно под Киевом, к югу от него, на краю надпойменной террасы Днепра расположено Китаевское городище (1). Оно было давно уже известно в научной литературе и неоднократно подвергалось археологическим исследованиям¹. Городище имеет довольно значительные размеры и расположено на высоком кряже, вдающемся между поймой Днепра и оврагом. Основная площадка городища окружена по периметру замкнутым валом; к ней примыкают еще две дополнительные площадки, отделенные от прилегающего плато валами и рвами. На плато до настоящего времени сохра-

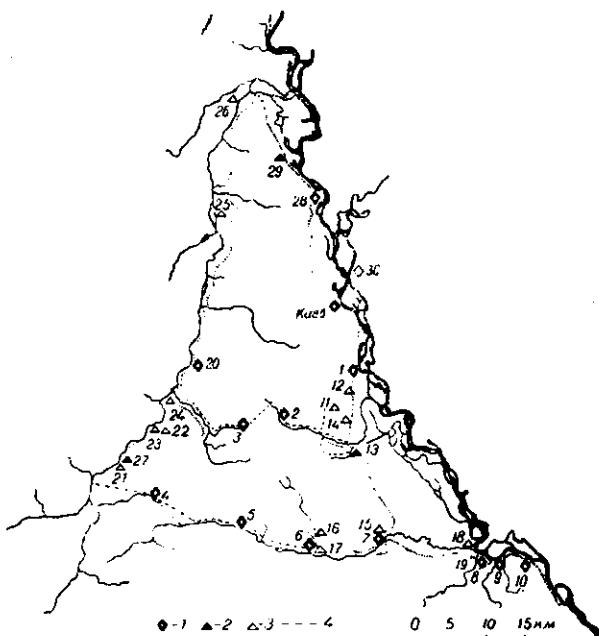

Рис. 1. Карта расположения древнерусских городищ в районе Киева. 1 — городища X—XIII вв.; 2 — более древние городища; 3 — городища XVI—XVIII вв.; 4 — Змиеvы валы.

нился курганный могильник. Время существования укрепленного поселения, повидимому, от IX—X до XIII в., хотя здесь же находилось до этого и какое-то гораздо более древнее поселение.

Несколько далее от Киева, к юго-западу, расположено городище в с. Вита-Почтовая (2). Городище это состоит из детинца, расположенного на холме-останце, и двух концентрических линий валов, примыкающих к нему. Валы эти, особенно наружный, представляют собой не целиком искусственные сооружения, а лишь подрезанные и несколько подсыпанные естественные всхолмления. Время существования поселения на этом городище — X—XIII вв.

Немного западнее расположено городище в с. Будаевка (3). Это маленькое городище частично застроено и форма его совершенно искажена. Судя по незначительным фрагментам керамики, найденным здесь, городище относится ко времени до XIII в.

Ряд укрепленных пунктов был расположен южнее, вдоль северного берега р. Стугны. Самый западный пункт этой линии — городище в с. Пле-

¹ См., например, Записки русского археологического общества, Новая серия, т. XI, вып. 1—2, стр. 267.

секом (4), расположенное на водоразделе Ирпеня и Стугны. Небольшое городище, окруженнное наполовину срытым, но в сохранившихся частях еще очень мощным валом, представляет собой остатки замка XVI—XVII вв. Однако в нижних частях культурного слоя этого городища найдена керамика, относящаяся к IX—XI вв. Судя по топографии (площадка, возвышающаяся среди болотистой низины), поселение, находившееся здесь в этот более ранний период, было, несомненно, также укрепленным.

Восточнее, на берегу Стугны, расположен город Васильков, в центральной части которого имеется городище (5). На этом городище встречается керамика XII—XIII вв., однако первоначальная форма укрепления неясна, так как сохранившиеся валы, повидимому, целиком относятся к XV—XVII вв.

Еще восточнее, над с. Заречье (быв. Ханбиково), расположено городище (6), имеющее типичную мысовую форму и относящееся к X—XI вв. Повидимому, это городище представляет собой остатки одного из тех «городов» на Стугне, о постройке которых Владимиром Святославичем летопись упоминает под 988 г. Далее к востоку, почти в том месте, где начинается уже надпойменная терраса Днепра, расположено городище в с. Старые Безрадичи (7). Это — довольно большое городище, находящееся на мысу и окруженное по периметру валом, относится к XII—XIII вв., хотя какое-то поселение здесь, повидимому, существовало и несколько ранее, в XI в.

Являясь как бы продолжением этой линии, на берегу Днепра расположено еще несколько городищ, выходящих уже за пределы треугольника Днепр — Ирпень — Стугна. Это — городища в с. Триполье (8), древний город Треполь; в с. Халепье (9), древний город Халеп, городище в настоящее время полностью уничтожено и близ с. Витачев (10), древний город Святополч на Витичевом холме.

Кроме перечисленных древнерусских городищ, к югу от Киева имеется еще несколько городищ, относящихся к другим историческим эпохам. Так, известное Хотовское (или Сираково) городище (11), которое одно время считали древнерусским городом Звенигородом, оказалось в действительности городищем скифского времени¹. Находящееся невдалеке Пироговское городище (12) является остатком укрепленного поселения первой половины I тысячелетия н. э.². К этой же эпохе относится и Ходосовское городище (13), расположенное несколько южнее р. Виты³.

Городище в с. Лесники (14) оказалось, наоборот, более поздним памятником — остатками замка XVII—XVIII вв.⁴.

Упоминаемые иногда в литературе городища в с. Даниловка и в с. Рославичи обнаружить не удалось, их вообще не существует⁵.

Несколько поздних городищ имеется также и на линии р. Стугны. Так, несомненно, к XVI—XVII вв. относятся остатки укрепленных поселений в с. Старые Безрадичи (15) [«замковище» в селе, на месте кладбища] и в с. Великая Бугаевка (16)⁶. «Берков городок» (17) на окраине с. Великая Бугаевка — русский форпост XVII—XVIII вв. К этому же времени относится и «Казацкая батарея» в с. Злодиевка (18) у устья р. Стугны⁷. Находящееся между устьями рек Стугны и Красной городище на Девичь-Горе (19) — памятник, относящийся к первой половине I тысячелетия н. э.

Ряд городищ существует также западнее Киева — по линии Ирпеня, однако лишь одно из этих городищ, находящееся в с. Белгородке (20), пред-

¹ Раскопки Е. Ф. Покровской в 1947.

² Раскопки Е. В. Махно в 1950 г.

³ Обследовано Е. Ф. Покровской и Н. В. Линка.

⁴ Обследовано А. Кирличниковым в 1951.

⁵ Об отсутствии городища в с. Даниловка писал еще Л. Добровольский — см. «Военно-исторический вестник», № 1—2, 1912, стр. 172. Разведку в с. Рославичи производила в 1947 г. Н. В. Линка.

⁶ Записки іст. і філ. секції Наукового товариства в Києві, кн. XVII, 1918, стр. 43.

⁷ «Военно-исторический вестник», № 1—2, 1912, стр. 172.

ставляет собой остатки древнерусского города. Все остальные городища, расположенные на правом берегу Ирпеня,— небольшие, квадратные земляные укрепления, являющиеся остатками русских форпостов XVII—XVIII вв. на бывшей русско-польской границе. На рукописной карте окрестностей Киева, составленной в 1748 г., эти форпосты, в большинстве случаев, отмечены еще как действующие военные объекты¹. Таковы, например, форпосты у хут. Сподарец (21), на карте 1748 г.— Господарец, два форпоста у хут. Жерновка (22, 23), форпост у с. Бобрица (24) и еще несколько форпостов севернее Белгородки, вообще не отмеченных в археологической литературе². В нижнем течении Ирпеня такой же форпост имеется в с. Мостище (25) и на левом берегу Ирпеня — в с. Демидово (26)³.

Одно городище на Ирпене, у с. Звонковое (27), является гораздо более древним и относится, повидимому, к первой половине I тысячелетия н. э.⁴.

Севернее Киева находится большое древнерусское городище в с. Вышгород (28) и еще несколько севернее, у с. Лютеж — остатки разрушенного городища (29) скифского времени⁵.

Наконец, следует отметить небольшое полукруглое городище, относящееся к XI—XIII вв., расположенное почти напротив Киева на низменном левом берегу Днепра в с. Вигуровщина (30).

На отсутствие древних городищ в с. Беличи и в с. Никольская Борщаговка (вопреки сведениям старой археологической литературы) указывал еще Л. Добропольский⁶.

* * *

Уточнение сведений о древнерусских укрепленных поселениях в треугольнике Днепр — Ирпень — Стугна позволяет поставить вопрос о связи некоторых из этих поселений с упоминаемыми в летописях городами. С достаточной определенностью в районе Киева летописи отмечают всего пять городов — Белгород, Вышгород, Василев, Тумащь и Звенигород⁷. Местоположение Белгорода и Вышгорода не вызывает сомнений — это городища в с. Белгородка и в с. Вышгород. Василев, повидимому, следует искать на месте нынешнего Василькова, хотя не исключена возможность, что он находился и значительно южнее — на городище в с. Василеве на р. Красной. Во всяком случае, до проведения здесь хотя бы разведочных археологических работ вопрос этот нельзя считать окончательно решенным.

Древний Тумащь летопись упоминает в XII в. на северном берегу Стугны, где-то в нижнем ее течении. В этом районе существует лишь одно городище, относящееся к XII в. — городище в с. Старые Безрадичи. Здесь, повидимому, и находился город Тумащь. Это сопоставление еще более подтверждается тем, что Тумащь летопись указывает на дороге из Киева в Киев, а городище в с. Старые Безрадичи находится как раз на современном шоссе Киев — Обухов, идущем от Киева к югу по краю надпойменной террасы, т. е. по наиболее вероятному направлению древнего пути. Именно поэтому древний Звенигород наиболее вероятно связывать с Китаевским горо-

¹ Центральный Гос. военно-исторический архив, № 22032, Карта окрестностей Киева, 1748.

² См., например, Археологическая карта Киевской губернии, М., 1895, стр. 20, а также статью Л. Добропольского, «Чтения в историческом обществе Нестора-летописца», кн. 21, вып. 3, стр. 53.

³ Правда, в с. Мостище кроме форпоста имеется еще отрезок большого вала непонятного назначения и времени, а у с. Демидово в болоте сохранились слабые следы какого-то уничтоженного городища. Однако ясно, что древнерусских укреплений, а тем более «больших укреплений» (как указано на карте Степлецкого) здесь не имеется.

⁴ Разведка А. Кирпичникова и А. Плещковой в 1950 г.

⁵ Разведка А. Кирпичникова в 1951 г.

⁶ «Военно-исторический вестник», 1912, вып. 1—2, стр. 172 и 175.

⁷ Вопрос о местоположении Пересечена более сложен; см. Б. А. Рыбаков, Уличи, КСИИМК, вып. XXXV, стр. 3; Буличи и Желань, очевидно, были неукрепленными пунктами.

дищем, которое лежит на том же южном пути и как раз в 10 верстах от центра современного Киева, как это и указано в летописи¹.

Городище в с. Вигуровщина, вероятно, является остатками упоминаемого в летописях Городца².

Расположение древнерусских укреплений вокруг Киева в действительности сильно отличается от той картины, которую рисует карта Стеллецкого. К северу от Киева существовал всего один укрепленный пункт — Вышгород. Далее, вплоть до Ирпеня, ни на севере, ни на северо-западе от Киева никаких укреплений не было. Повидимому, и Вышгород защищал подходы к Киеву не столько с севера, сколько с востока, из-за Днепра. Анализ летописных сведений о боях под Вышгородом показывает, что именно здесь обычно переправлялись через Днепр войска, шедшие на Киев со стороны Чернигова или еще дальше — из Сузdalской земли. Таким образом, Вышгород был одним из важных опорных пунктов, прикрывающих подходы к Киеву со стороны днепровского Левобережья. Вообще, с восточной стороны Киевская земля была достаточно хорошо защищена — в обоих пунктах возможного перехода противника через Днепр («броды»), — на правобережных кручах находились хорошо укрепленные города — Вышгород и Треполь. Ту же роль (прикрывать Киев с восточной стороны), повидимому, играл и небольшой замок Городец, расположенный напротив Киева (городище в с. Вигуровщина).

Очень слабо были защищены подходы к Киеву с западной стороны. По существу, здесь находился лишь один укрепленный пункт — Белгород, через который шла дорога на запад — в Галич и на Волынь.

Но если северные и западные подступы к Киеву были почти совершенно не защищены укрепленными пунктами, то с юга и юго-запада укрепленные поселения были расположены в большом количестве. Эти укрепления располагались главным образом на естественно удобных для обороны рубежах — на высоких северных берегах рек, текущих с запада на восток. Основной линией обороны были города, расположенные на левом берегу Стугны, однако и ближе к Киеву — на реках Вите и Бобрице, а также и под самым Киевом имелось еще несколько укрепленных пунктов. Расположенные на сравнительно небольшом расстоянии одно от другого, эти укрепления надежно прикрывали подступы к Киеву с самого опасного направления — со стороны степи.

Однако, если вопрос об общей системе расположения укрепленных пунктов вокруг Киева решается, таким образом, достаточно определенно, гораздо сложнее решить, были ли эти линии укреплений, защищавшие Киевщину с юга, результатом сознательного и одновременного планирования оборонительных рубежей или же они возникли постепенно, в ходе борьбы с кочевниками.

Равномерное распределение укрепленных пунктов вдоль оборонительных рубежей и совпадение их с линиями Змиевых валов привело некоторых исследователей к выводу, что эти укрепленные города и Змиевые валы строились в X—XI вв. как совместная и продуманная система³.

Наиболее веским доводом в пользу такого предположения была хорошая согласованность Змиевых валов с древними городищами как раз на рассматриваемой территории, в ближайших окрестностях Киева.

¹ Городище Вита-Почтовая, которое Л. Добровольский пытался сопоставить со Звенигородом, находится не в южном, а в юго-западном направлении от Киева и не в 10, а, приблизительно, в 17 верстах от него; ср. Л. Добровольский, Городище у дер. Почтовой Виты, К., 1912.

² См. В. Гошкевич, Замок кн. Симеона Олельковича и летописный Городец под Киевом, Труды Киевской духовной академии, 1890, февраль, стр. 228.

³ Линии Змиевых валов на прилагаемой карте нанесены главным образом по работам Л. Добровольского. См. «Чтения в историческом обществе Нестора-летописца», кн. 21, вып. 1—2, стр. 13 и кн. 21, вып. 3, стр. 37; Военно-исторический вестник, 1912, № 1, стр. 165; Записки ист.-фил. відділу ВУАН, кн. XII, К., 1927, стр. 206 и 229.

Однако уточнение датировки городищ этого района позволяет прийти к выводу, что связь древнерусских укрепленных поселений со Змиевыми валами здесь в действительности не такая тесная, как кажется с первого взгляда. Так, например, на таких ответственных участках, как место подхода Змиева вала от Стугны к Ирпеню и при впадении в Ирпень р. Бобрицы, древнерусских укрепленных пунктов не оказалось. Нет никаких древнерусских городищ и в нижнем течении р. Виты, несмотря на то что этот участок был недостаточно хорошо укреплен Змиевыми валами. Древнерусские же укрепления были на этом участке расположены либо севернее (Китаевское городище), либо значительно южнее (Треполь, Халеп, Святополч).

Наиболее цельную картину расположения укреплений можно видеть на линии Стугны, однако имеющиеся здесь древнерусские города построены не одновременно. Так, на городище у с. Заречье укрепленное поселение было основано в конце X — начале XI в., а на соседнем городище в с. Старые Безрадичи — в конце XI или в XII в., т. е. в то время, когда укрепление в Заречье уже было, в основном, заброшено.

Несомненно, что в конце X — первой половине XI в. на южных границах Киевской Руси строилась организованная система обороны, — на это определенно указывают русские летописи. Однако даже на примере небольшого участка территории ближайших окрестностей Киева видно, что вопрос о выяснении системы организации этой обороны решается далеко не так просто, как казалось в свое время исследователям XIX в.

Участок территории в пределах, ограниченных Днепром, Ирпенем и Стугной, ни в период существования единого Киевского государства, ни во времена феодальной раздробленности не представлял собою, в политическом отношении, самостоятельной территории. Поэтому решать на этом небольшом участке вопрос о принципах организации обороны Киевской земли невозможно, так же как нельзя на примере этого участка решать вопрос и о времени постройки Змиевых валов.

Однако уточнение расположения древнерусских городищ в ближайших окрестностях Киева, несомненно, дает материалы, которые помогут в дальнейшем подойти к решению этих важнейших вопросов истории русского военного искусства.

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О КОСТЕРЕЗНОМ РЕМЕСЛЕ В ДРЕВНЕМ КИЕВЕ

А. М. ШОВКОПЛЯС

Во время археологических исследований в Киеве было найдено значительное количество разнообразных ремесленных изделий. В ряде районов древнего Киева открыты и изучены различные ремесленные мастерские и жилища ремесленников, составлявших основную массу трудового населения города в эпоху Киевской Руси.

Лучше других в археологической литературе освещены керамическое, ювелирное и кузнечное ремесла, а костерезное ремесло привлекало меньше внимания исследователей. Между тем изделия из кости встречаются в большом количестве при раскопках в целом ряде районов древнего Киева (Киселевка, усадьба Исторического музея и др.). Многочисленность этого рода находок указывает на широкое развитие костерезного ремесла, продукция которого шла на удовлетворение хозяйственных и бытовых нужд городского населения.

В настоящем сообщении автор ставит своей целью рассмотреть материалы раскопок одного из центров костерезного ремесла древнего Киева — горы Киселевки, большая часть которых хранится в фондах Киевского исторического музея.

Эта коллекция, включающая разнообразные костяные изделия и заготовки для них, состоит из материалов раскопок ряда лет и насчитывала первоначально 676 предметов, большинство из которых сохранилось до настоящего времени. Первая группа предметов (212) поступила в музей в 1897 г. из раскопок В. В. Хвойка. В 1928—1929 гг. на Киселевке были раскрыты остатки специальной костерезной мастерской, откуда в музей поступило 280 предметов¹.

Коллекция затем пополнялась за счет материалов из раскопок 1932 (110 предметов), 1939 и 1940 гг.

Все эти материалы не отличаются чем-либо между собой, поэтому они будут рассматриваться здесь вместе, без разделения по годам раскопок.

Материалом для изделий служили кости и рога крупных домашних и диких животных. В коллекции имеется очень большое количество различных заготовок и просто сырьевого материала со следами первоначальной обработки (рис. 1, 2—4).

Костяные предметы коллекции по их назначению можно разделить на несколько групп. Одну из самых больших групп составляют предметы, имеющие отношение к производству костяных пуговиц: различные заготовки сырьевого материала, полуфабрикаты и уже готовые изделия. Для изготовления пуговиц употреблялись, в основном, трубчатые кости крупных животных, используемые полностью кроме эпифизов. (табл. I, 1—3).

¹ Хроніка археології та мистецства, ч. I, К., 1930, стр. 58.

Для этой цели кость специально расчленялась на продолговатые пластинки, каждая из которых затем распиливалась попоперек на маленькие квадратики, в зависимости от величины предполагаемых пуговиц (рис. 1, 1, табл. I, 3, 4). До полного распиливания костяных пластин предварительно проводилась их разметка и по заготовке уже было видно то количество пуговиц, которое должно было получиться из каждой такой пластинки (табл. I, 3, 4). Иногда пластинки с размеченными квадратиками для отдельных пуговиц имеют уже сквозные отверстия (табл. I, 3). Отдельные квадратные пластиночки затем срезывались по краям и постепенно превращались в круглые пуговицы различных размеров (табл. I, 5—9). Последним этапом в процессе изготовления пуговиц являлось шлифование их. Часть пуговиц украшена орнаментом в виде углубленных кружочков с точкой в центре (табл. I, 11, 12) или же иных узоров (табл. I, 10, 13). Встречаются также незаконченные изделия и бракованные экземпляры (табл. I, 14—17). Таким образом, большое количество готовых пуговиц, полуфабрикатов, бракованных изделий и заготовок сырьевого материала свидетельствует, что изготовление этого рода изделий занимало важное место в деятельности костерезной мастерской на Киселевке.

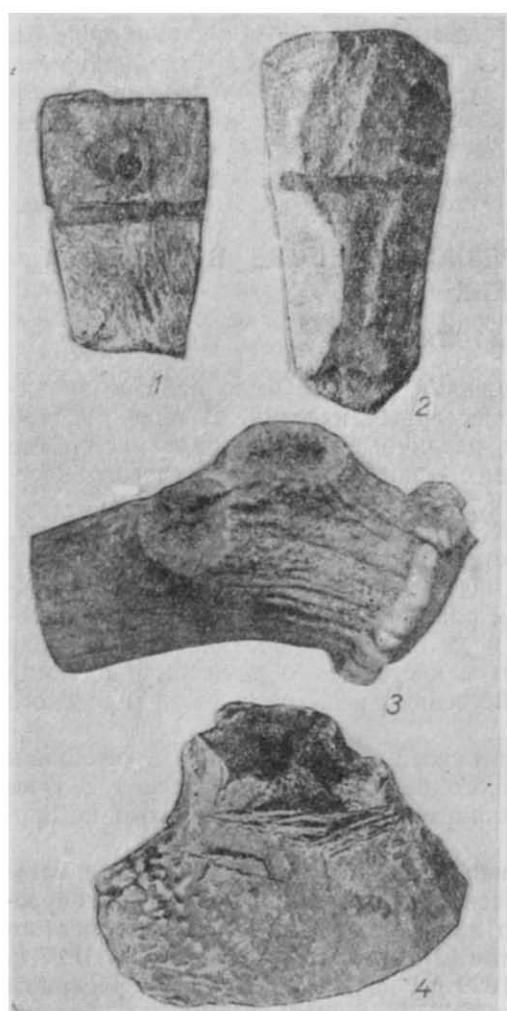

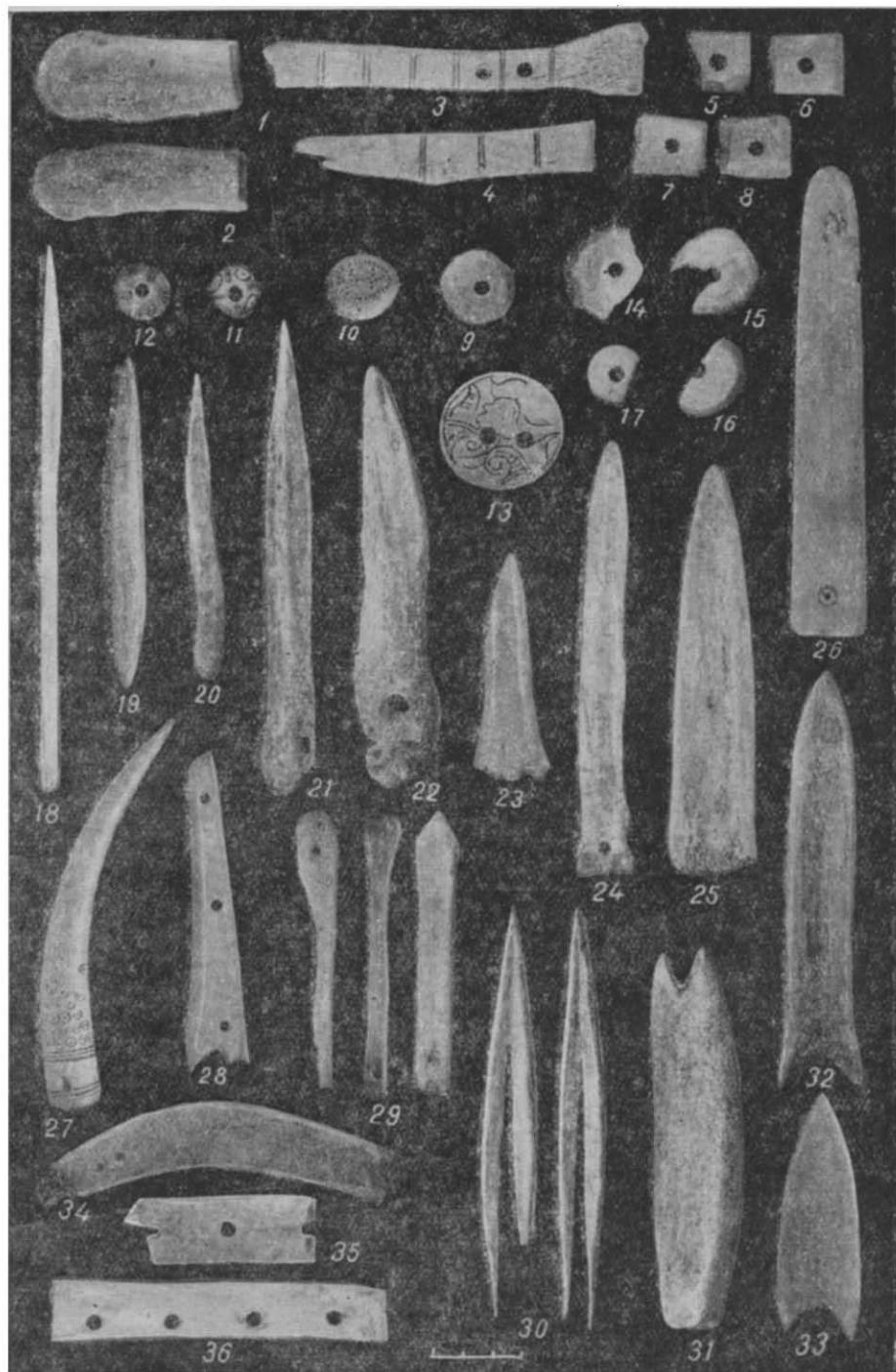
Рис. 1. Заготовки и сырьевой материал со следами первоначальной обработки.

ность и заострены на одном конце, чаще всего утолщенном, иногда имеется отверстие, с помощью которого проколка, повидимому, к чему-то привязывалась (табл. I, 21, 22, 24). Некоторые небольшие проколки, возможно, вставлялись тупым концом в рукоятку и использовались как шило (табл. I, 19, 20).

Большую группу костяных предметов составляют также разнообразные лощила, употреблявшиеся обычно при изготовлении кожаных изделий для разглаживания швов (табл. I, 25, 26; табл. II, 1—7). Они, как и большое количество проколок, свидетельствуют о значительном развитии кожевенного ремесленного производства в древнем Киеве. Это подтверждается и раскопками в ряде других древнерусских городов¹. Лощила, как и проколки,

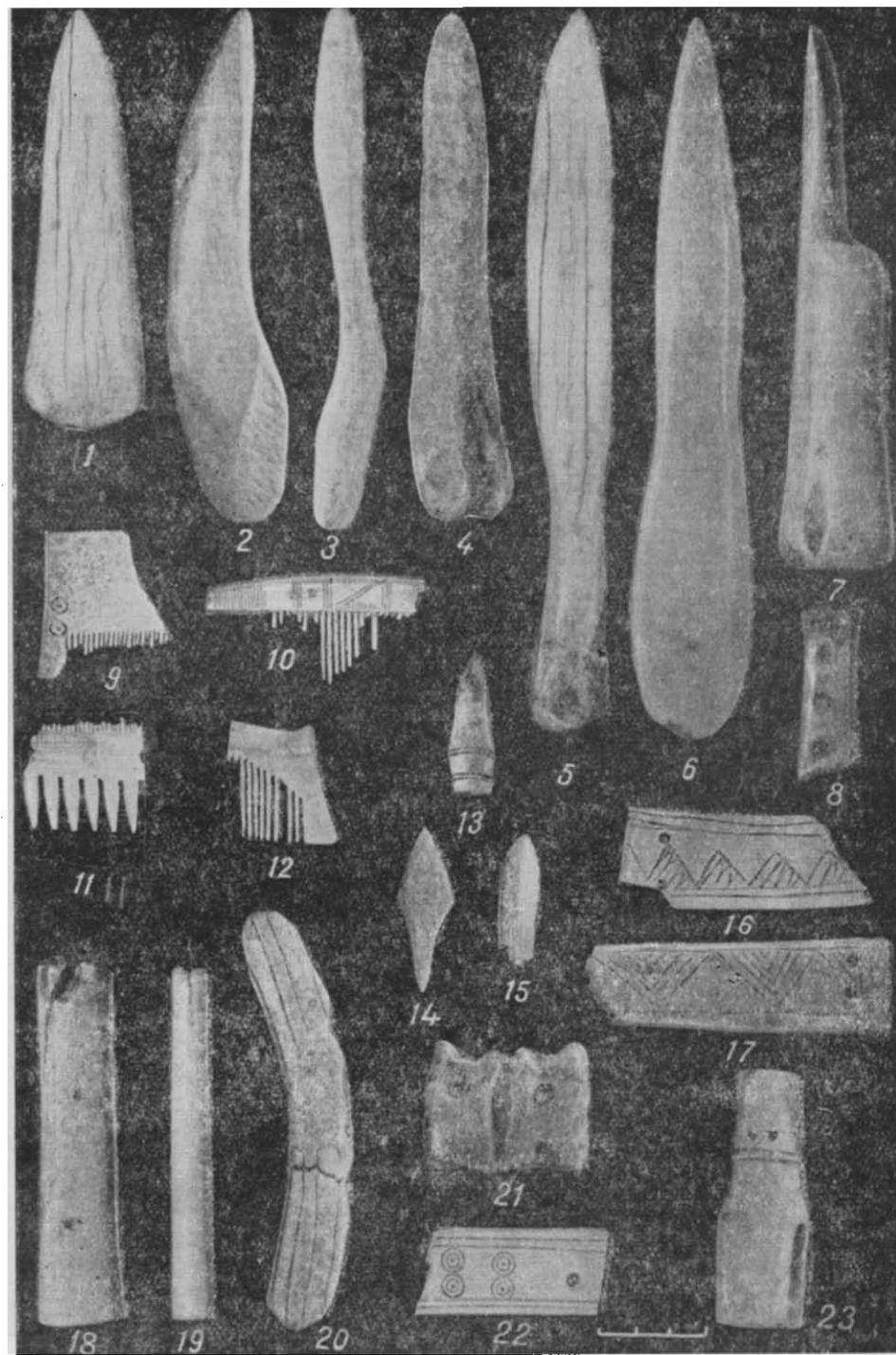
¹ Аналогичные предметы известны всюду в слоях времени Киевской Руси и несолько более ранних, где есть находки костяных изделий; см. Д. Эдинг, Сарское городище, Ростов, 1928, табл. VII и XII; С. Старая Ладога, Л., 1948, табл. VI; В. К. Гончаров, Райковецкое городище, К., 1950, табл. XXXI; А. А. Мансуров, Древнерусские жилища, Исторические записки № 12, 1941, стр. 83.

Таблица I.

Заготовки и костяные изделия.

Таблица II.

Костяные изделия.

изготовлены из осколков крупных трубчатых костей. Поверхность их тщательно заполирована (табл. I, 26; табл. II, 1, 5—7). Иногда они имеют рабочую часть на обоих концах (табл. II, 2, 3 6).

Среди других изделий следует указать на разнообразные костяные гребни. Хотя они найдены в обломках, все же можно установить их отдельные разновидности. Наиболее простые по технике изготовления состоят из одной костяной пластинки трапециевидной формы, зубцы на которой выпилены с одной или с двух сторон (рис. 2; табл. II, 9). Это обычный тип гребней, характерный для всех древнерусских городов. Подобные им костяные гребни

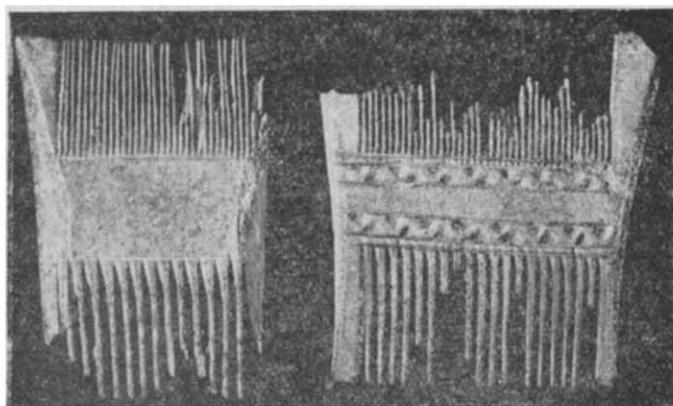

Рис. 2. Костяные гребни.

известны из раскопок в Новгороде и Старой Рязани¹. Подобной формы двусторонние, но деревянные гребни обнаружены недавно в Новгороде².

В большинстве эти гребни покрыты орнаментом в виде кружочеков и других геометрических фигур. Встречаются и более сложные, составные гребни, также одно- и двусторонние, состоящие из основной костяной пластинки с выпиленными зубьями и накладными на нее с двух сторон пластинками в месте держания гребня. Все эти составные части скреплены заклепками (табл. II, 10—12).

Накладные пластинки чаще всего полукруглые в сечении и украшены орнаментом. Зубцы гребней прорезывались металлической пилой.

В коллекции имеется несколько ручек от ножей. Ручки состоят из двух костяных пластинок, скрепленных с ножом при помощи железных заклепок (табл. II, 8, 18). Иногда ручки бывают цельные, из одной кости и нож закреплялся внутри нее (табл. II, 13, 19). Подобные железные ножи с костяными черенками относятся к числу самых обычных находок в славянских курганах³ и древнерусских городах⁴.

Среди отдельных изделий встречаются псалии от уздечек (табл. II, 20), наконечники стрел (табл. II, 14, 15), игральные бабки (табл. II, 21), орнаментированные тонкие пластиночки от каких-то сложных изделий (табл. II, 16, 17, 22) и т. п.

¹ С. А. И зю м о в а, Техника обработки кости в дьяковское время и в древней Руси, КСИИМК, в. XXX, М., 1949, стр. 18, рис. 2; А. В. А р ц и х о в с к и й, Раскопки на Славне в Новгороде, МИА, № 11, М., 1949, стр. 149, рис. 17.

² А. В. А р ц и х о в с к и й, Раскопки в Новгороде, КСИИМК, в. XXXIII, 1950, стр. 11, рис. 7.

³ Н. Е. Бранденбург, Курганы южного Приладожья, МАР, № 18, стр. 65; Каталог выставки XII АС, Харьков, 1902, стр. 94; Д. Я. С а м о к в а с о в, Северянские курганы и их значение для истории, Труды III АС, т. I, СПБ., 1878, стр. 25.

⁴ Н. Б е л я ш е в с к и й, Раскопки на Княжей Горе в 1891 г. К., 1892, стр. 20; Каталог украинских древностей коллекции В. В. Тарнавского, К., 1898, стр. 19, № 922—929, 932.

Ряд изделий, выполненных часто очень тщательно, не поддается определению, хотя и занимает значительное место в коллекции (табл. II, 23, табл. I, 27—36). Из них особенно интересны предметы, близкие к кочедыкам, употреблявшиеся для плетения сетей (табл. I, 31—33).

Перечисленные костяные изделия, многие из которых очень тщательно обработаны, указывают на высокий уровень костерезного ремесла в Киеве, а обилие их на Киселевке дает основание полагать, что там находился специальный ремесленный костерезный посад. Наличие в одном месте большого количества готовых изделий, заготовок для них и сырьевого материала указывает на то, что весь процесс обработки кости проводился на месте. Подобные мастерские обнаружены в ряде городов Киевской Руси (Новгород, Старая Рязань, Старая Ладога, Смоленск, Райки, Витачев, Шаргород, Белгород, Княжая Гора, на Донецком и Сарском городищах и др.)¹, что указывает на широкое развитие этого вида древнерусского ремесла.

Изучение костяных изделий из Киселевки дает возможность проследить в деталях все процессы костерезного производства и свидетельствует о высоком уровне его развития в эпоху Киевской Руси.

¹ В. В. Хвойко, Древние обитатели Среднего Поднепровья и их культура в доисторические времена, К., 1913; Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, М., 1948; В. К. Гончаров, Райковецкое городище, К., 1950; Старая Ладога, Л., 1948; А. В. Ариховский, Раскопки на Славне в Новгороде, МИА, № 11, М., 1949; А. С. Гущин, Памятники художественного ремесла древней Руси, Л., 1936; А. А. Мансуров, Древнерусские жилища, Исторические записки, № 12, 1941; Д. Эдиг, Сарское городище, Ростов, 1928.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАСКОПОК ЛЕПЛЯВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Р. И. ВЫЕЗЖЕВ

Летом 1949 г. были произведены раскопки семи курганов на известном славянском могильнике у с. Леплява, Гельмязевского района, Черкасской области, расположеннем на надпойменной террасе Днепра, в урочище Бобрик, в 2 км к юго-западу от села¹. От обширного когда-то могильника до наших дней сохранилась лишь небольшая часть, занимающая площадь в 250×400 м. В настоящее время курганы имеют вид небольших песчаных возвышений, как правило, не превышающих 0,3 м в высоту с широкими, часто сливающимися основаниями. В восточной части могильника изредка встречаются курганы высотой до 1 м (общее количество их не превышает 10); на некоторых из них сохранились следы прежних раскопок в виде больших ям в центральной части насыпи.

Леплявский могильник в 1906 г. исследовался Н. Е. Макаренко² и в 1913—1914 гг. — Полтавским земским естественно-историческим музеем³. Раскопано 72 кургана. В опубликованных исследователями статьях обращает на себя внимание описание необычного для славянских могильников Украинской ССР материала, не находящего соответствующих параллелей в инвентаре рядовых могильников данной местности (например, бочкообразные позолоченные стеклянные бусы, характерные для кривичских погребений)⁴. Б. А. Рыбаков, первый обративший на это внимание, считает Леплявский могильник местом захоронения разноплеменного пограничного гарнизона Киевского государства⁵. Это подтверждается и нашими исследованиями.

Нами были раскопаны курганы, находившиеся в западной части могильника. Во время раскопок исследовались насыпи курганов, а также подкурганская площадь посредством полуметровой траншеи, идущей по линии север — юг; в траншее могильная яма обычно не прослеживалась.

Переходим к описанию вскрытых курганов.

Курган № 1. Высота насыпи 0,6 м, диаметр 10 м. В насыпи были обнаружены: часть горшка, сделанного на круге, с несколько отогнутым краем (рис. 1, 2), а на горизонте — фрагмент неорнаментированной стенки сосуда и верхняя часть железного гвоздя с широкой шляпкой.

¹ Раскопки производились при участии кафедры археологии Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко. Исследованием кургана № 1 руководил В. А. Богусевич, а остальных курганов — автор данной статьи. В работах экспедиции принимали участие преподаватель кафедры археологии Н. Н. Бондарь и студенты археологического факультета исторического факультета.

² Н. Макаренко, Отчет об археологических исследованиях Полтавской губернии в 1906 г., ИАК, в. 22, СПБ., 1907, стр. 44—47.

³ Леплявский могильник, Niederluv sbornik, 1925, стор. 339—348.

⁴ А. В. Аричовский, Курганы вятичей, М., 1930, стр. 32.

⁵ Б. А. Рыбаков, Поляне и северяне, Советская этнография, т. VI—VII, 1947, стр. 93.

Под насыпью кургана, в центре обнаружены темные пятна песка с золой и угольками (на глубине 0,23—0,57 м от горизонта) и контур ямы диаметром в 1,7 м (на глубине 0,6 м), в поперечном разрезе которой выявились две прослойки угля, отстоящие одна от другой на 7—15 см. На глубине 0,75 м контур ямы исчез.

Костяк, лежащий на темносером песке, который образовывал пятно на фоне окружающего желтовато-белого материкового песка, был выявлен на глубине 1,28 м от горизонта. Покойник был положен на спину, головой на запад. Левая рука была протянута, о положении правой руки сказать что-

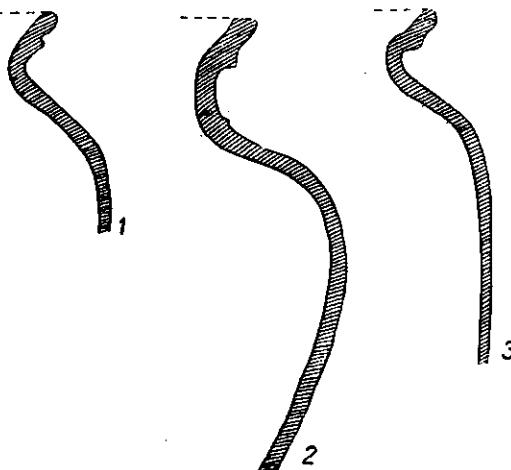

Рис. 1. Профили венчиков горшков, найденных в курганах Леплянского могильника в 1949 г.
1— $\frac{3}{4}$ н. в., 2— $\frac{1}{2}$ н. в.

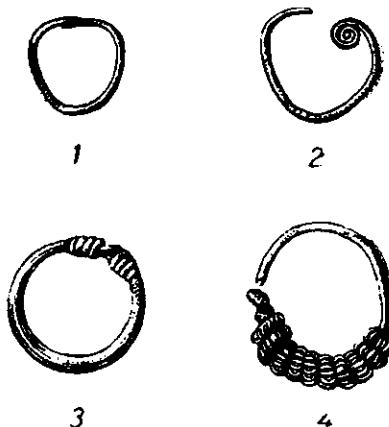

Рис. 2. Металлические украшения, найденные в погребениях Леплянского могильника в 1949 г. 1— $\frac{3}{4}$ н. в., 2— $\frac{1}{2}$ н. в.

либо трудно, т. к. от нее сохранилась только плечевая кость; ноги вытянуты. Сохранность скелета плохая. Между костями были обнаружены угольки. От деревянного гроба сохранилось семь железных гвоздей¹ и две скобы².

Погребение сопровождал следующий инвентарь: височное проволочное колечко (диаметр 18 мм) из низкопробного серебра, с разомкнутыми концами, один из которых спирально закручен (рис. 2, 2); белемнит, железная круглая ручка с остатками дерева (оба предмета лежали рядом около правой надколенной чашки); два железных ножа, на черенке одного из них видны древесные волокна (около левой бедренной кости); часть кольца-перстня из бронзовой проволочки с утонченным концом; железное кольцо диаметром 18 мм и часть такого же другого кольца; калачиковидное кресало; кремень и небольшая бронзовая пряжка лировидной формы (около левого тазобедренного сочленения).

Датируется погребение частью горшка, найденного в насыпи, который, судя по профилю его верхней части, относится к X в.

Курган № 2 был расположен в 45 м юго-восточнее кургана № 1. Высота насыпи 0,5 м, диаметр 12 м.

В насыпи были обнаружены: фрагменты небольшого кружального неорнаментированного горшочка с круто отогнутым наружу венчиком, как у сосуда из кургана № 1 (рис. 1, 1); четыре фрагмента неорнаментированных

¹ Гвозди в исследованных погребениях имели широкие шляпки, сдвинутые в сторону, как у костялей. Отдельные экземпляры были лишены шляпок и своей формой напоминали современные ковочные гвозди.

² Для установления присутствия дерева все найденные в погребениях гвозди и скобы были исследованы в Институте лесоводства АН УССР Е. И. Кротом, которому мы выражаем свою признательность.

стенок от различных славянских сосудов; фрагмент венчика кружального сосуда, повидимому, относящегося к культуре полей погребений; семь кусочков керамических шлаков и гвоздь с широкой шляпкой.

В центральной части кургана на глубине 1 м обнаружилась прослойка угля толщиной 1,5—8 см, ниже которой на 10 см находился покойник, положенный без гроба, на материке из белого песка. Костяк лежал на спине, головой на запад, череп оказался раздавленным и лежал на левом виске. Левая рука согнута, кисть лежала на подвздошной кости. От правой руки сохранилась только плечевая кость. Ноги вытянуты. Длина костяка 1,7 м.

В погребении найдены: большая бронзовая пряжка лировидной формы; железный нож с остатками древесных волокон на поверхности, возможно, от рукоятки (оба предмета лежали около левого тазобедренного сочленения); высочное колечко (рис. 2, 1) из тонкой серебряной проволоки, несколько угловатой формы с немного заходящими концами (на правой высочной кисти); серебряное пластинчатое прямое кольцо (перстень, диаметр 18 мм); бронзовая серьга (рис. 2, 4) из изогнутой проволоки, на которую намотаны спиральные проволочки. На расстоянии 0,4 м от погребения и выше его на 12 см было найдено калачиковидное кресало, обломанное с одной стороны.

Следует отметить, что пластинчатые прямые перстни, аналогичные найденному, сравнительно редки у восточнославянских племен и встречаются лишь отдельными экземплярами¹. Бронзовая серьга по своей форме прямой аналогии не имеет, можно лишь говорить о некотором сходстве ее с проволочными височными кольцами с завитками на концах, обмотанными спиральными проволочками, которые известны из Гдовских курганов². Погребение относится к X в.

Курган № 3 был расположен в 17 м юго-западнее кургана № 2, имел насыпь высотой 0,4 м и диаметром 8 м.

При снятии насыпи в ней были обнаружены четыре железных гвоздя от деревянного гроба и десять фрагментов керамики от трех различных славянских сосудов. От небольшого тонкостенного кружального горшка сохранилась верхняя часть с венчиком (рис. 1, 3), три фрагмента стенок и фрагмент стенки с частью донышка.

На древней поверхности, в центре кургана был обнаружен костяк, лежавший на спине, головой на юго-запад (азимут 252°). Череп лежал на левом виске, руки и ноги были протянуты. Сохранность костяка плохая.

Возле покойника были найдены: гвоздь в виде костыля и фрагмент неорнаментированной стенки от горшка, часть которого была обнаружена в насыпи.

Дату погребения, так же как и в курганах № 1 и 2, можно определить по обломку небольшого горшка, найденного в насыпи и датируемого X в. Горшок с аналогичным венчиком обнаружен в дружинном погребении с трупосожжением Шестовицкого могильника, содержавшем две византийские медные монеты императора Льва VI, — начало X в.³.

Курган № 4 был расположен в 23 м юго-западнее кургана № 1. Высота его 0,35 м, диаметр 7,7 м. В насыпи найдены два небольших фрагмента стенок сосуда, относящегося не к периоду Киевской Руси, а к более раннему времени.

На древней поверхности, в центре кургана, был обнаружен костяк, лежавший на спине, головой на запад. Череп лежал на левом виске, положение рук определить не удалось, так как кости их истлели, ноги протянуты. Сохранность скелета плохая. Длина костяка 1,67 м.

¹ Б. Рыбакоу, Радзімічы, Працы археологічнай камісії, Менск, 1932, т. III, стр. 97; А. В. Арциховский, Ук. соч., стр. 81.

² Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова, МАР, № 29, СПБ., 1903, стр. 53 в табл. ХХIV, 26.

³ Д. Г. Бліфельд, Дослідження в с. Шестовицях, АП, т. III, К., 1952, стр. 128 та табл. II.

От гроба сохранились два железных гвоздя типа ковочных и несколько кусочков перегнившего дерева.

Инвентарь состоял лишь из двух железных ножей, которые лежали один около другого (у правой части таза). Один из них сохранил на своей поверхности остатки древесины, повидимому от ножен.

Курган № 5 находился в 90 м восточнее кургана № 2. Высота его 0,35 м, диаметр 6 м.

В насыпи были найдены: верхняя часть кружального сосуда без венчика, с частично сохранившимся волнообразным орнаментом и три железных гвоздя.

В 10 см ниже горизонта, в центре кургана, обнаружено погребение. Костяк лежал на спине, головой на запад, правая рука и ноги вытянуты (кости левой руки не сохранились). Длина костяка 1,8 м. От гроба сохранилась часть доски толщиной 4 см (в области ног), девять гвоздей около костяка и, как уже отмечалось, три гвоздя в насыпи.

Инвентарь погребения: железный узкий обруч от деревянного сосуда, диаметром 18 см (около правой пятальной кости); кольцо-перстень из толстой бронзовой проволоки с тонкими концами, закрученными на обе стороны (рис. 1, 3). Внутренний диаметр кольца 17 мм; фрагмент неорнаментированной стенки сосуда (у правой бедренной кости).

Курган № 6 был расположен в 45 м юго-западнее кургана № 5. Насыпь, высотой 15 см и диаметром 5 м, никаких находок не содержала.

Под восточной частью насыпи на глубине 0,1—0,15 м были обнаружены: гвоздь с большой односторонней шляпкой и фрагмент стенки кружального сосуда с частью дна.

В песчаном грунте на глубине 1,05 м было обнаружено хорошо выраженное могильное пятно размером 2 × 1,7 м. Погребение было выявлено на глубине 1,25 м. От гроба сохранилось семь железных гвоздей, которые располагались главным образом у ног.

Костяк лежал на белом материковом песке, на спине, головой на запад, череп — на левом виске, левая рука была вытянута и кисть ее находилась под тазом, правая — сохранилась лишь от плеча до локтя. Ноги были протянуты. Под костяком в области черепа и груди встречены отдельные мелкие угольки. Инвентарь погребения: кресало калачиквидной формы и кусочек кремня, которые лежали рядом (около левой бедренной кости); железный нож, поверхность которого в значительной части была покрыта остатками дерева, очевидно от оправы (на верхнем суставе левой бедренной кости); плоское бронзовое кольцо диаметром 17 мм, служившее, повидимому, пряжкой (в области правой плечевой кости); литое, круглое в сечении, бронзовое кольцо с внутренним диаметром 20 мм, со следами орнамента на поверхности (около правой подвздошной кости).

Курган № 7 был расположен в 11 м на северо-запад от кургана № 5. Высота его насыпи 0,2 м, диаметр 7,7 м.

В насыпи и под нею до глубины 0,1 м, были обнаружены шесть фрагментов стенок кружального сосуда.

В траншее на глубине 0,4—0,47 м найдены: часть железного кольца, большие обломки верхней части бедренной кости человека, на одном из которых лежала каменная необработанная пластина со следами железной окиси, и железный гвоздь. Далее, до глубины 1,4 м залегал белый песок, который сменился прослойкой песка бурого цвета.

В центре кургана под указанной прослойкой на глубине 1,5 м было обнаружено погребение, ориентированное головой на запад. Раздавленный череп лежал на левом виске; костякложен на спину, руки согнуты в локтях, обе кисти находились на подвздошной и лобовой костях, ноги вытянуты.

При покойнике обнаружен следующий инвентарь: ожерелье, составленное из четырех сердоликовых бусин, в том числе двух призматической и двух плитковидной формы, разноцветной глиняной бусины; серебряной крупно-

зернистой бусины в форме «малины», монетовидного серебряного кружка без следов надписи или орнамента, с приклепанным ушком; серебряной монеты с ушком, оказавшейся обрезком (серединой) подражания куфическому диргему (рис. 3), чеканенного двумя разными штемпелями с лицевой стороны, судя по шрифту в X в.¹; серьга из толстой серебряной проволоки с одним закрученным концом, украшенная серебряной распавшейся бусиной, поверхность которой была покрыта правильными рядами мелкой зерни; бронзовая оправа от небольших ножен с проволочным ушком и такой же цепочкой (рис. 4), состоящей из двух проволочных витых звеньев и кольца (в правой части области живота); колечко из тонкой бронзовой проволоки (на фаланге пальца, которая лежала под правой подвздошной костью); бляшка бронзовая небольшого размера (в области правой подвздошной кости).

При рассмотрении инвентаря погребения устанавливаются следующие его особенности: в составе ожерелья находились сердоликовые призматические

Рис. 3. Местная монета X в. — подражание арабскому диргему, найденная в погребении кургана № 7 Лепляевского могильника в 1949 г. Увеличено вдвое.

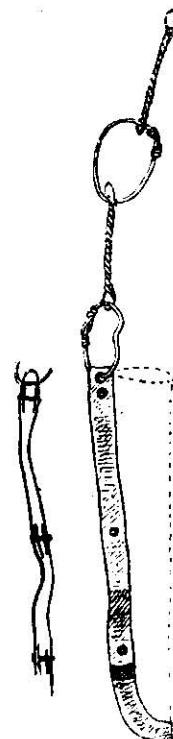

Рис. 4. Оправа от небольших ножен с цепочкой, найденная в погребении кургана № 7 Лепляевского могильника. Пунктиром показана реконструкция формы ножен. 1/2 н. в.

бусины, которые часто встречаются у новгородских **славян** и кривичей и редко — у других славянских племен² и плитковидные бусины, известные только из курганов Приладожья, а также дреговичских и северянских погребений³. Найденная нами в Лепляевском могильнике оправа для ножен кинжала или ножа в других курганах на территории Украинской ССР не встречалась, кроме Шестовицкого могильника⁴. Многочисленные находки ножей с ножнами известны из курганов Ленинградской области⁵, южного Приладожья⁶ и района Гдова⁷. Редкую находку представляет серебряная монетка, подражание куфическому диргему, ибо монеты в рядовых курганах

¹ Определение и датировка монеты сделаны в Государственном Эрмитаже А. А. Быковым, которому мы выражаем за это свою глубокую признательность.

² А. В. Арциховский, Курганы вятичей, стр. 37.

³ Б. Рыбаков, Ук. соч., стр. 94.

⁴ Д. И. Бліфельд, Ук. соч., стр. 129, табл. II.

⁵ Наш экземпляр оправы по форме и размеру аналогичен опубликованному из раскопок Л. Ивановского, см. МАР, № 20, СПБ, 1896, табл. XIX, 26.

⁶ Н. Е. Бранденбург, Курганы южного Приладожья, МАР, № 18, стр. 65 и табл. VIII, 15.

⁷ Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова, МАР, № 29, СПБ, 1903, стр. 36.

на территории Украинской ССР не встречаются, кроме единичных случаев (например, могильник у г. Переяслава-Хмельницкого¹).

Данное погребение датируется X в. — монетой и призматическими сердоликовыми бусинами (по Б. А. Рыбакову).

Исследования описанных семи курганов внесли следующие дополнительные данные к ранее известным сведениям об этом могильнике.

Впервые в нем обнаружены два погребения на уровне горизонта, причем, судя по обломку сосуда, найденного в насыпи одного из этих курганов, подобный вид захоронения, повидимому, был синхронным обряду погребения в глубоких ямах, который существовал у жителей Леплявского поселения в X в. Эта дата подтверждается для курганов № 1—3 находками в насыпи фрагментов горшков и для кургана № 7 — монеткой и призматическими сердоликовыми бусинами. Конечно, этот вывод о датировке погребений на горизонте нуждается в подтверждении большим количеством фактов.

Отмечая разнообразие инвентарей вскрытых нами погребений, не наблюдавшееся в других славянских могильниках на территории Украинской ССР, мы находим аналогии многим найденным украшениям в славянских курганах РСФСР: ножны для ножа, серьги в виде проволоки, обмотанной «канителю», призматические бусы, прямые пластинчатые перстни и т. п. Как уже отмечалось, указанные особенности инвентаря обусловливались разнотипным составом населения, оставившего этот могильник. Так же, как и укрепленные поселения на р. Роси, городище у с. Леплява входило в оборонительную линию Киевского государства и его «Переяславской земли», сооруженную на границе со степью.

Задачу этих границ от степных кочевников вели гарнизоны, которые были составлены из представителей различных, главным образом славянских, племен, живших на территории Киевского государства. Об этом имеется подтверждение летописца под 988 г., который пишет следующее: «и рече Володимер: «се не добро есть мало городов около Кыева» и нача ставити города по Десне и по Устьрьи, по Трубешево, и по Суле и по Стугне. И нача нарубати мужи лутши от Словен и от Кривич, и от Чудий и от Вятич, и от сих насили и грады; бе бо рать от печенег, и бе воюяся с ними и одоляя им»².

Значимость Леплявского могильника заключается в том, что его погребальные инвентарии, как ни в одном другом славянском могильнике на территории Украинской ССР, подтверждают правильность вышеприведенного текста летописи.

¹ Niederl. v sbornik, str. 344, 348.

² Летопись по Ипатскому списку, СПБ, 1871, str. 83.

ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ VIII—IX вв. В г. УЖГОРОДЕ

К. В. БЕРНЯКОВИЧ

(Ужгород)

Закарпатский краеведческий музей в течение ряда лет производит систематические исследования древнеславянских поселений на территории Ужгорода.

Собранный ранее подъемный материал из славянского поселения на Галагове (западная окраина Ужгорода) относился к эпохе бронзы, гальштату, латену, или к так называемой эпохе переселения народов¹. Однако изучение его (лепной и кружальной керамики, железных изделий, бронзовых украшений и т. п.) показало, что поселение это относится к VIII—IX вв. н. э.

В 1948—1949 гг. музеем были осуществлены раскопки на ужгородском городище, где сейчас находится замок, давшие разнообразные славянские предметы более позднего времени — IX—XII вв.².

Особенно интересные результаты были получены при исследованиях на Радванке (восточная окраина Ужгорода), произведенных музеем в 1950 г.

Здесь поселение площадью около 2 га находится на первой надпойменной террасе левого берега р. Уж, которая в древности протекала у самого подножья поселения.

В 1947 г. в северо-западной части этой территории, при строительстве, на глубине 0,9 м случайно было обнаружено и почти полностью разрушено славянское погребение. Удалось установить, что скелет лежал вытянуто, головой на запад. В 0,5 м к югу от головы находился череп зубра, на рогах которого лежали две половины жернова. Земля вокруг погребения имела красноватый цвет и, вероятно, была обожжена. Собранный в районе погребения, но не относящийся непосредственно к нему, материал состоял из лепной толстостенной и кружальной керамики, керамического брака, прядильца биконической формы и точильных брусков. На дне одного из сосудов сохранилось клеймо в виде восьми перекрещивающихся линий. На поверхности почвы была найдена серебряная хорватская монета начала XIII в. с надписью «Moneta regis Sclavonia».

В 1948 г. при осмотре района этих находок Закарпатской экспедицией Львовского отделения Института археологии АН УССР в одном из котлованов на глубине 1 м было найдено бронзовое эсовидное височное кольцо, лежавшее на обломках сосуда.

¹ Szová - Gmitrov P., Ungvár öskora, Ungvár, 1943, стр. 30, 38, 47; Его же, Ungvár multja, Ungvár, 1944, стр. 12, 13.

² К. В. Бернякович, Археологічні дослідження в Закарпатській області в 1948 р., АП, т. IV, К., 1952.

В 1950 г.¹ решено было заложить раскоп вблизи траншеи железной дороги, в разрезе которой прослеживались углубления, заполненные культурными остатками. В раскоп вошли два таких углубления, оказавшиеся, как выяснилось, очажными ямами. В центре раскопа, имевшего размер 9×10 м, была обнаружена полуземлянка, а в южной его части — угол второго жилища (рис. 1 и 2).

Мощность культурного слоя поселения — 0,5—0,6 м; в отдельных углублениях она достигает 1 м. Культурный слой обнаруживается на глубине 0,3—0,35 м под перерытым почвенным слоем. Ниже идет материк.

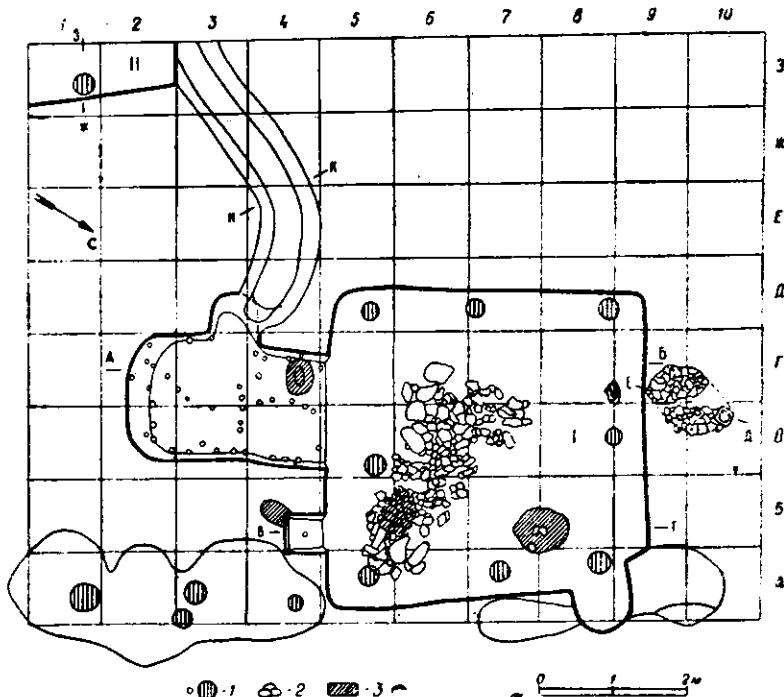

Рис. 1. План землянки: 1 — ямы от столбов; 2 — пережженные камни; 3 — очажные углубления.

На глубине 0,3 м в северо-восточном углу раскопа были обнаружены остатки глиняной жаровни, ориентированной с севера на юг. Форма жаровни прямоугольная, с закругленными углами; длина 1,05 м, ширина 0,75 м. Дно жаровни слегка вогнуто, по краям находились бортики высотой 4 см, закругленные на вершине. Сохранность жаровни плохая, так как она находилась от поверхности почвы неглубоко. К северному углу жаровни примыкало квадратное углубление размером $0,2 \times 0,2$ м, глубиной 8 см, содержащее угли. В процессе раскопок было установлено, что жаровня примыкала к середине северо-восточной стены жилища. Фрагменты таких жаровен были собраны на Галагове и на Радванке в 1947 г. Кроме того, они известны на городище у с. Плиснеско².

На глубине 0,4 м от современного уровня почвы в северо-восточной части раскопа показались контуры полуземлянки размером $4,5 \times 4,2$ м. К юго-восточной стене жилища примыкала прямоугольной формы хозяйственная

¹ В раскопках принимали участие научные сотрудники Закарпатского краеведческого музея К. В. Бернякович (руководитель), П. И. Гаджега, М. М. Олесин, А. М. Куандря, И. М. Чернеки и Н. Н. Поратунский.

² I. Старчук, Розкопки на городищі Пліснесько, АП, т. 1, К., 1949, стр. 80.

пристройка длиной 2,8 м, шириной 1,8 м. Разница в уровнях полов полуzemлянки и пристройки составляла 0,2 м. Жилище ориентировано на юго-запад — северо-восток (рис. 1).

Полуземлянка представляет собой почти правильное квадратное углубление, вырытое в материковом лессовидном суглинке. Хорошо выравненный глинобитный пол залегал на глубине 0,6 м. Стены жилища, высотой 0,6 м, отвесны. В полу — вдоль стен и по углам — обнаружено восемь круглых ямок от вертикально стоявших столбов. Глубина ямок достигала 0,3 м, а диаметр — 0,2 м. В северном углу находился вход в жилище. Около восточного угла располагалась отдушина в виде квадратного углубления с наклоненным основанием внутрь жилища, размером 0,6 × 0,6 м. В центре отдушины сохранилась ямка от вертикально стоявшего небольшого столбика.

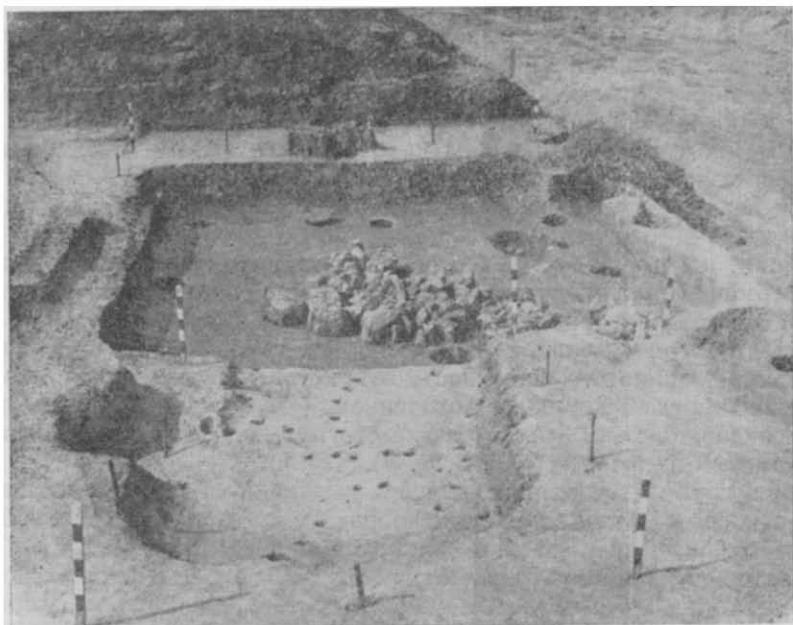

Рис. 2. Общий вид землянки с юго-востока.

Внутри жилища было обнаружено скопление валунов в виде вытянутого треугольника размером 2,9 × 1,8 м. Камни носят следы действия сильного огня. В завале валунов у восточного угла были найдены обломки глиняной сковороды.

У северного и восточного углов (то есть у входа и у отдушины) находились два очага в виде овальных уплощенных углублений в полу размером 0,6 × 0,8 и глубиной 0,15—0,23 м, заполненные углем, золой и фрагментами керамики. Один из очагов находился под скоплением камней.

Хозяйственная пристройка глубиной 0,4 м имела покатые стены, вдоль которых были обнаружены небольшие ямки от вертикально стоявших столбиков, диаметром 5—7, глубиной 10—12 см. В юго-западной части пристройки был расположен очаг в форме округлого плоского углубления длиной 0,55, шириной 0,4 и глубиной 0,1 м. Выход из пристройки был обращен на юго-запад.

По обе стороны входа в жилище находились две очажные ямы, наполовину уничтоженные при современных строительных работах. Ямы имели неправильную овальную форму длиной 1,3—1,4, шириной 0,7—1,1 и глубиной 0,45—0,48 м. Ямы были заполнены углем, золой, печиной, культурными остатками и частично растрескавшимися от огня камнями.

В восточной части раскопа была обнаружена большая неправильной овальной формы очажная (?) яма длиной 4,2 и шириной 1,4 м, состоящая из трех углублений. Между углублениями находились четыре круглые ямы от вертикально стоявших столбов, примерно таких же размеров, как и в жилище. Конструктивное их назначение неясно. Углубления были заполнены золой, небольшими кусками глиняной обмазки, обломками керамики и камнями. В крайнем к востоку углублении был обнаружен материал, относящийся к позднелатенскому времени.

В южном углу раскопа был открыт угол второго жилища. Это жилище глубиной 0,6 м имело яму от столба таких же размеров, как и яма первого жилища.

Столбы, стоявшие вдоль юго-западной и северо-восточной стен жилища, поддерживали, как нам представляется, двускатную кровлю¹.

Необходимо отметить, что находки концентрировались в жилище и в районе очажных ям. Состав находок свидетельствует о том, что жилище было покинуто его обитателями. Так, полностью отсутствуют украшения, поделки из кости и рога, целая посуда, различного рода орудия и т. п.

Самым многочисленным видом находок были фрагменты керамики. По технике изготовления керамика делится на три группы. К первой группе относятся лепные сосуды, составлявшие около 10% находок. Вторая группа (65% находок) изготовлена на легком ручном круге. Третья группа состоит из керамики, изготовленной ремесленником-гончаром на легком круге. Первые две группы локализуются главным образом в пределах жилища, третья — на территории, прилегающей к нему.

Сосуды первой группы характеризуются грубой фактурой, примесями зерен кварца и шамота. Поверхность бугристая и шероховатая. Цвет изделий черный, иногда с коричневым оттенком. Обжиг плохой, неравномерный. Стенки сосудов толстые, венчик слегка отогнут, профилировка незначительная, орнамент отсутствует (рис. 3, 1, 2).

Вторая группа отличается лучшей выделкой. Глина тщательнее подготовлена и содержит более мелкие включения кварца и песка. Обжиг сосудов равномернее: цвет изделий варьирует от черного до желтого. Техника лепки ленточная, ширина отдельных лент 5—7 см. Днища сосудов носят следы подсыпки золы или песка. Стенки сосудов равномерно сферические, плечики отсутствуют. Орнамент состоит из волн, нанесенных гребенкой и, реже, — из горизонтальных линий. В некоторых случаях оба эти вида комбинируются. Орнамент покрывал большую часть, иногда почти всю поверхность сосудов. Диаметр венчика достигал 0,15—0,2 м, диаметр дна 0,1—0,12 м, высота сосудов 0,21—0,25 м (рис. 3, 3, 4).

Керамика последней группы представлена более или менее однородными по форме, размеру и составу теста сосудами. В глине наблюдается примесь только мелкого просеянного песка. Обжиг равномерный, повидимому печной. Цвет изделий светлосерый и красноватый. Форма сосудов двух типов: с плечиками и туловом, сходящимся на конус, и без плечиков, с равномерно выпуклыми сферическими стенками. Венчик резко отогнут наружу. Орнамент волнистый, линейный, из косых насечек и точечный. Преобладают первые два вида. Насечки и точки располагаются, как правило, под венчиком. Иногда орнамент покрывал и наружную поверхность венчика. Наличие ленточной техники в этой группе не установлено. На днищах имеются следы подсыпки песка. Керамика изготовлена на легком гончарном круге. Диаметр венчика сосудов достигает 0,1—0,09 м, диаметр дна колеблется в пределах 0,08—0,14 м, высота 0,16—0,27 м (рис. 3, 5, 6).

Кроме перечисленных горшков для варки пищи, были найдены керамические изделия, предназначенные для других хозяйственных целей. Обращает

¹ На одном из славянских сосудов Венгрии, относящихся к X в., имеется рисунок жилища с двускатной крышей. См. R ö m e r P., Czifra barbárkori edény, Archaeologiai Értesito, т. III, 1870, стр. 18, рис. 1—2.

на себя внимание обилие фрагментов глиняных сковород. Всего были найдены обломки от девяти разных по диаметру (до 0,2—0,35 м) сковород. Они имели массивные, высотой 1,2—2,7 см, слегка отогнутые наружу, закругленные или с плоским срезом бортики и днища, достигающие 1—1,9 см толщины. Обжиг хороший. В некоторых местах сковороды носят следы сильного действия огня (рис. 4, 1).

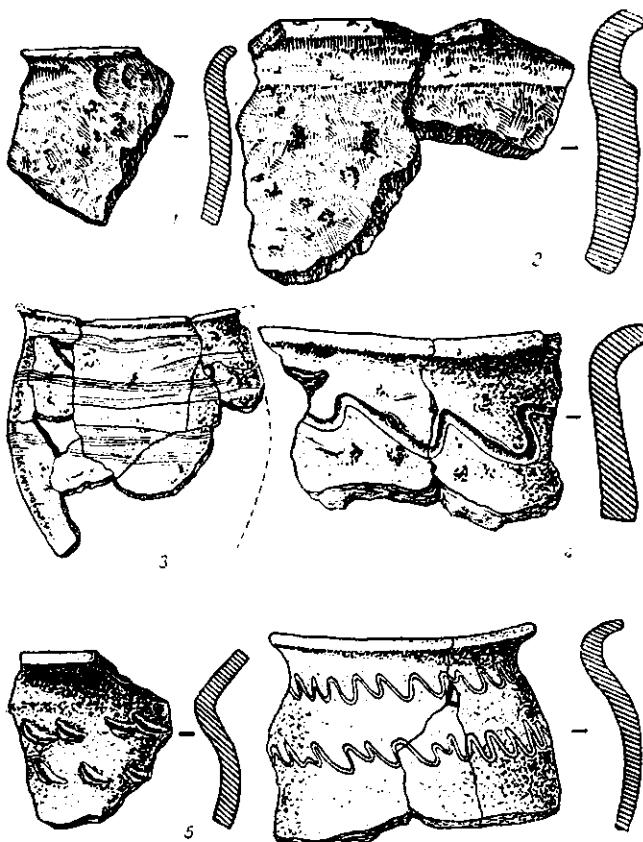

Рис. 3. Керамика. 1, 2, 4—6 — 1½ н. в.; 3 — ¼ н. в.

Из других изделий интересны находки фрагментов трех мисок. Одна из них — лепная, имеет толстые стены (1,2 см), прямой закругленный на вершине венчик (рис. 4, 3). Стенки второй миски — массивны, хорошего обжига, в глине примесь мелкого песка, толщина у края составляет 1,8, у основания — 2,3 см. Эта миска была предназначена для изготовления сыра — у dna ее имеется сквозное отверстие диаметром 1,6 см. Венчик имеет прямой срез, диаметр по венчику достигает 23 см. Высота миски 15 см (рис. 4, 4). Третья миска, — небольших размеров, была изготовлена на круге. Цвет ее темносерый, обжиг плохой. Диаметр по венчику 14 см, диаметр dna 8 см, высота 8,5 см (рис. 4, 2).

Кроме того, был найден фрагмент небольшой тонкостенной чарки — диаметр по венчику 8 см, высота 6,5 см (рис. 4, 5) и обломок сосуда с высоким горлом и ребристой внешней поверхностью — диаметр горла 9,5, высота 6 см (рис. 4, 6).

Обо всем комплексе керамических изделий можно сказать, что он в значительной своей части архаичен по сравнению с материалами из ужгородского Замчища (в Замчище не было лепной и толстостенной, изготовленной

ленточным способом, керамики) и курганного могильника с трупосожжением IX в. у с. Червенево¹.

Керамика из раскопок на Радванке в 1950 г. сближается с керамикой славянского поселения на Галагове в Ужгороде и занимает среднее место между керамическими изделиями раннеславянского могильника III—IV вв. н. э. у с. Иза² и керамикой IX—XII вв. из ужгородского Замчища и с. Чер-

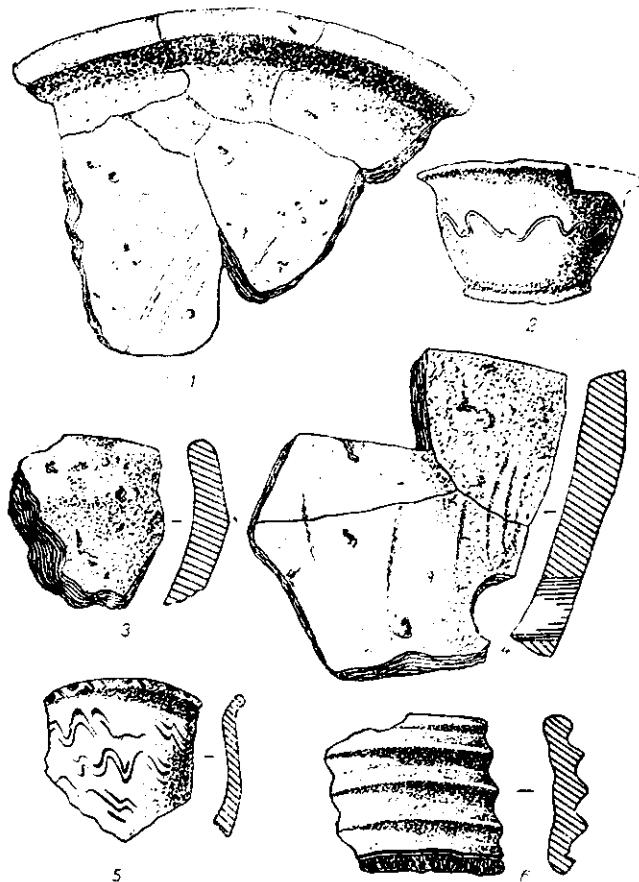

Рис. 4. Керамика. 1, 2 — $\frac{1}{4}$ н. в.; 3—6 — $\frac{1}{2}$ н. в.

венево. Датировать эту керамику можно, вероятно, даже и концом VII в.

Другие предметы, найденные при раскопках, были немногочисленны (16 предметов).

Найдено четыре ножа. Все они одного типа — черенковые, с прямой спинкой. Лезвие с черенком образует одну линию. Длина 10—11 см, ширина 1,2—1,6 см (рис. 5,1). Наконечники стрел (рис. 5,2,3) представлены двумя типами: ромбовидные с черенком (длина 7,2, ширина пера 2,5, толщина 0,2 см) и узким граненным или шиповидным лезвием (длина 7,5, толщина 0,6 см). Среди других изделий из железа заслуживают внимания квадратное в сечении шило (длина 10,6, толщина у основания 0,5 см) (рис. 5,4), прямоугольный в разрезе обломок гвоздя (рис. 5,5) и железная тонкая пластинка-

¹ J. Jankovich, Amunkácsi Lehoczky-múzeum régészeti ásatásai a cseh megszállás alatt, Ungvár, 1942, стр. 11, 12, 16.

² М. Ю. Смішко, Два курганині могильники в околицях с. Ізи, Закарпатської області, АП, т. III, К., 1952, стор. 315.

оковка (длина 4,4, ширина 0,8, толщина 0,2 см) (рис. 5,6). Все изделия из железа были найдены в западном углу жилища.

У северо-восточной стены, между очагами, найдено четыре прядильца. Три из них глиняные, биконической формы, четвертое — каменное, из белого песчаника, бочковидной формы. Высота первых трех не превышает 2 см при диаметре отверстия 1—1,2 см; высота каменного прядильца 2,8, диаметр отверстия 1,1 см. Глиняные прядильца деформированы (рис. 5,7,8).

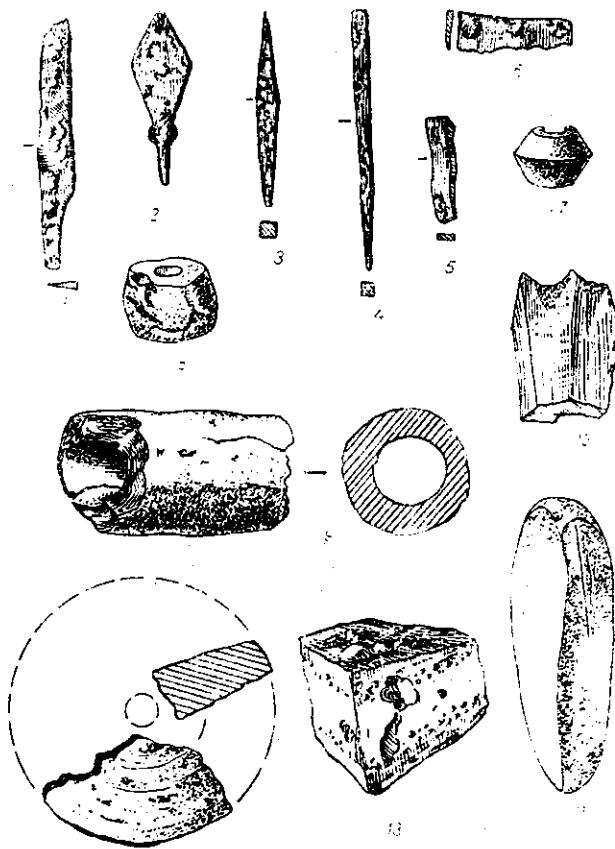

Рис. 5. Инвентарь. 1—11 — $1\frac{1}{2}$ н. в.; 12 — $1\frac{1}{8}$ н. в.;
13 — $3\frac{3}{4}$ н. в.

У развали камней в юго-западной части жилища были обнаружены обломки двух сопел. Одно из них имеет массивные стенки толщиной 1,3 см; диаметр отверстия 1,7 см. Второе имеет более тонкие стенки (0,6 см).

Конец сопла расширяется в виде раstra. Неподалеку от сопел было найдено небольшое количество железного шлака.

Среди изделий из камня отметим точильные бруски из речной гальки (рис. 5,11), обломок жернова из трахита, толщиной у края 0,12, диаметром около 0,5 м, найденный между столбами у северо-западной стены жилища (рис. 5,12), и обломок песта от зернотерки, изготовленный из белой пористой вулканической породы, найденной у северо-восточной стены хозяйственной пристройки. Пест имеет прямоугольную форму. Верхняя часть его сходится на конус. Размеры: 13,5 × 12 × 6,5 см.

Изделия из кости и рога, столь многочисленные на Замчище, здесь представлены всего двумя кусками кости со следами обработки пилой и ножом (рис. 5,10).

Культурный слой поселения содержал большое количество костей домашних и диких животных. Изучение костных остатков¹ показало, что 40,9% костей принадлежали домашним животным, а остальные — диким. Подсчет количества особей свидетельствует, что $\frac{2}{3}$ общего числа относится к дикой фауне. Такие же, примерно, данные были получены и при обработке костного материала из ужгородского Замчища. Среди диких животных преобладают представители лесной фауны, сохранившиеся на территории Закарпатья и до наших дней. Первое место занимает дикий кабан (32,9%), затем благородный олень (20,2%).

Среди домашних животных преобладают кости быка (15,5%) и свиньи (15,5%), затем козы (5,5%), лошади (4,0%) и овцы (0,4%). В пищу употреблялось в основном мясо взрослых животных.

Приведенная ниже таблица показывает, что разведение домашних животных играло, повидимому, большую, но не доминирующую роль. В хозяйстве древних обитателей поселения заметное место занимала охота на дикого кабана, благородного оленя. Отсутствие костей рыб и птиц объясняется, очевидно, плохими условиями сохранности их костей в культурном слое.

Костные остатки фауны на Радванке

Виды животных	Костей		Особей	
	Количество	%	Количество	%
Лошадь	15	4,0	1	4,2
Бык домашний	56	15,5	2	8,2
Овца домашняя	2	0,4	1	4,2
Коза домашняя	21	5,5	—	4,2
Свинья домашняя	56	15,5	3	12,5
Кабан дикий	126	32,9	8	33,5
Олень благородный	77	20,2	4	16,4
Косуля европейская	4	0,8	1	4,2
Волк	16	9,2	—	4,2
Заяц-русак	1	0,2	1	4,2
Рябчик	9	1,8	1	4,2
Итого	383		24	

В восточном углу раскопа, в крайнем от жилища углублении большой ямы были выявлены материалы, относящиеся к позднелатенскому времени: обломок ножа с прямой спинкой (рис. 6,2), железный втулчатый наконечник стрелы длиной 7,8 см (рис. 6,1), железная пластинка для скрепления сосудов ($9,1 \times 1 \times 0,3$ см) (рис. 6,3) и пряслице, изготовленное из черепка (диаметр 5,6, диаметр отверстия 1,4, толщина 0,9 см). Фрагменты лепной (рис. 6, 5, 7,8) и кружальной керамики (рис. 6,9—11) представлены различными типами — горшками, мисками, миниатюрными сосудами сферической формы, тарелками (рис. 6, 5) и корчагообразными сосудами (рис. 6, 10). В качестве отощающей примеси в глину добавлялись шифер, графит и мелкий песок. Орнаментированной керамики мало.

Орнамент состоит из налепного валика с защипами, который в виде гирлянд украшал сосуд (рис. 6,8). Подобные находки в большом количестве были собраны при закладке виноградников у с. Кличаново, Мукачевского округа², и поступили в музей как подъемный материал. In situ при раскопках материалы этой эпохи обнаружены впервые.

¹ Изучение остеологического материала было произведено в Ужгородском университете зав. кафедрой зоологии позвоночных доц. И. И. Колюшевым.

² T. Léhoczky, Adatok archaeologiájához, t. II, Munkács, 1912, стр. 36—40, 47—74; J. Jankovich, Podkarpatska Rus v prehistorii, v Mukacheve, 1931, стр. 32, табл. VIII, IX, XI, XV и другие публикации.

Среди подъемного материала, собранного вблизи раскопа, заслуживают внимания два сопла и обломок крицы. Одно из них (рис. 5, 9) имело диаметр 4,3, толщину стен 1,1 и диаметр отверстия 2,1 см. Другое, более массивное, имело зашлакованную поверхность (диаметр 5,2, диаметр отверстия 1,4, толщина стен 1,5 см). Крица имела диаметр 16—17, толщину у центра 5,5 см и общий вес около 3,5 кг (рис. 5, 13).

Раскопками 1950 г. на Радванке было вскрыто первое на Закарпатье славянское жилище. Датировка этого памятника может быть поэтому произ-

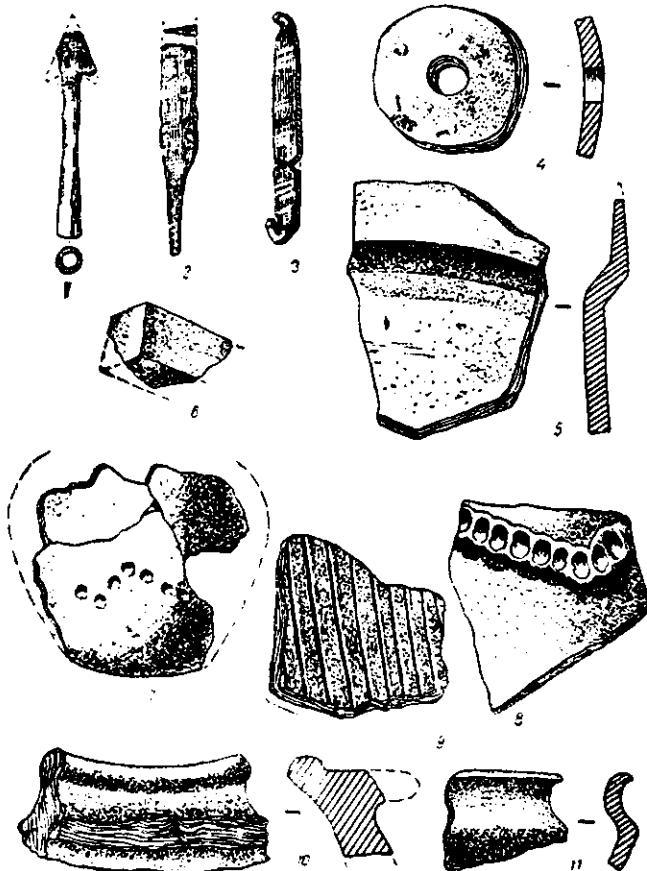

Рис. 6. Инвентарь. 1—11 — 1/2 н. в.

ведена лишь на основании материалов восточнославянских племен, в территории которых входило Закарпатье с первых веков н. э. За последнее время исследовано много поселений, относящихся к эпохе, предшествующей сложению Киевской Руси¹. Для всех жилищ этого времени характерно наличие печей-каменок или развали камней со следами действия огня (хотя несколько позже известно сосуществование на одном и том же поселении печей-каменок и глинобитных печей). Форма жилища обычно квадратная, размер 3—4 × 4 м. Керамика архаичная, толстостенная, изготовленная на легком гончарном круге. Всем этим данным отвечает как материал, так и само жилище Радванки. Это подтверждается и тем обстоятельством, что в более поздних, хорошо датированных материалах ужгородского Замчища и могильника у с. Червенево мы не встречаем этих, несомненно предшествующих им, материалов. Таким образом, весь комплекс обнаруженных матери-

¹ В. К. Гончаров, Райковецкое городище, К., 1950, стр. 10—13.

алов позволяет датировать их VIII в. Наличие керамики более позднего времени свидетельствует о заселении этих мест и в IX в. Позже этого времени в нашем распоряжении материалов пока нет. Последующие исследования этого интересного памятника внесут определенные корректизы в предложенную датировку.

Исследования на Радванке в 1950 г. показали, что и для древнего Ужгорода характерен такой же процесс роста города, какой мы наблюдаем в Киеве¹, Новгороде², Пскове³, Суздали⁴ и других городах древней Руси, когда собственно городу предшествуют открытые поселения—селища. Исследования показали, что высокая материальная культура древнеславянского населения Закарпатья, при некоторых локальных особенностях, генетически связана с культурой восточнославянских племен, а позже с Киевской Русью, в состав которой до XIII в. входило Закарпатье.

¹ М. К. Каргер, Дофеодальный период истории Киева по археологическим данным, КСИИМК, в. I, 1939, стр. 9.

² М. К. Каргер, Новгород. Рюриково городище, 1934, Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., М.—Л., 1941, стр. 18.

³ Н. Н. Чернягина, Псков. Кремль, 1936, Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., М.—Л., 1941, стр. 28.

⁴ А. Д. Варганов, Из ранней истории Суздаля (IX—XIII вв.), КСИИМК, в. XII, 1946, стр. 127.

ПОСЕЛЕНИЯ ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ НА СРЕДНЕМ И НИЖНЕМ ИНГУЛЬЦЕ

По результатам археологических исследований Ингулецкой экспедиции
1951—1952 гг.

Л. М. СЛАВИН

1

До Великой Октябрьской социалистической революции район среднего и нижнего Ингульца и Ингулецко-Бугского междуречья был изучен в археологическом отношении хуже других районов юга. После установления советской власти, в 20-х годах, в районах среднего Ингульца проводил разведки и раскопки А. В. Добровольский, положивший начало археологическому изучению Снигиревского района¹. Продолжением этих работ были исследования Ингулецкой экспедиции Института археологии АН УССР в 1951 и 1952 гг., организованные в связи с развертывающимся здесь строительством ингулецких оросительных каналов. Этими экспедициями были проведены значительные разведочные обследования на трассах обоих ингулецких магистральных каналов (Верхнеингулецкого и Нижнеингулецкого), идущих в широтном (восток — запад) направлении: а) от с. Афанасьевка, Снигиревского района, Николаевской области, на Ингульце до с. Широкая Балка, Октябрьского района, Николаевской области, на Бугском лимане; б) от с. Дарьевка, Никольского сельсовета, Херсонской области, на Ингульце, до с. Святотроицкое, Николаевской области, на Бугском лимане.

Наряду с разведочными работами, экспедиции проводили в целом ряде пунктов, где были обнаружены остатки поселений и могильников, значительные раскопочные работы стационарного характера.

В результате был добыт весьма значительный археологический материал, который позволяет составить общее представление о древнем населении Ингулецко-Бугского междуречья.

Работы показали, что наиболее древними в этом районе являются поселения и курганные могильники земледельческо-скотоводческих племен эпохи бронзы (II — начало I тысячелетия до н. э.), встречающиеся весьма часто на Ингульце. Скифские посёления и могильники встречаются здесь сравнительно редко, зато они отмечены в значительном количестве в районе Бугского лимана, на правом берегу которого с начала VI в. до н. э. существовала Ольвия.

В первой половине I тысячелетия н. э. районы среднего и нижнего Ингульца снова были густо населены. Здесь экспедициями обнаружены остатки довольно многочисленных поселений с каменными жилыми домами, инвентарь которых свидетельствует об оседлом земледельческом характере куль-

¹ А. В. Добровольский, Землеробське поселення перших століть нашої ери на р. Інгульці, Археологія, т. III, К., 1950, стр. 167—176.

туры здешних племен, находившихся на сравнительно высокой ступени экономического и культурного развития.

Актуальность изучения этих археологических памятников, необходимость установления этнического состава и исторических судеб населения Ингульца заставили уделить главное внимание именно этой группе памятников.

2

С целью более глубокого изучения поселений на Ингульце экспедиция провела раскопки на Афанасьевском, Снигиревском, Новокондаковском и Дарьевском поселениях. А ф а н а с ѿ в ск о е по с е л е н и е¹ расположено на правом высоком берегу Ингульца между сс. Афанасьевка и Ново-Васильевка, Снигиревского района. Афанасьевское поселение, датируемое первыми веками (I—IV) н. э., является одним из наиболее интересных поселений района среднего Ингульца. Поселение занимает сравнительно большую территорию, протяженностью по берегу около 0,4 км, расположенную частично на плато, частично на отлогом склоне, спускающемся к пойме реки. Каких-либо оборонительных сооружений здесь нет.

Раскопки проводились на двух участках — Б и Г. Другие раскопы, заложенные на Афанасьевском поселении, носили разведочный характер.

Участок Б был раскрыт в 1951 г. на площади в 278 м² при глубине культурного слоя в 1—1,2 м. Открытые на участке Б строительные остатки принадлежали двум жилым постройкам — западной и восточной. Раскопками была вскрыта часть этих построек, другая часть продолжается под нераскопанной площадью. Постройки ориентированы по сторонам света.

В западном доме открыты четыре помещения. Первое, северо-восточное, раскопано целиком; оно имело 30 м² площади (6 × 5 м), в северо-восточном его углу находилась печь. Второе, юго-восточное, открыто частично, оно уходит под нераскопанный южный борт участка; в этом помещении находились печь и каменная вымостка. Третье помещение, расположенное к западу от второго, между стенами Д и Е, также раскрыто частично. Четвертое помещение находилось к северу от третьего между стеной Е и северо-западным углом первого помещения. Судя по тому, что направление стен двух западных помещений не совпадает с направлением стен восточных помещений, можно полагать, что помещения третья и четвертое выстроены не в одно время с двумя восточными помещениями.

Восточная жилая постройка, основная часть которой остается под нераскопанной площадью поселения, представлена северо-западной частью одного помещения, размеры которого превышали 30 м².

Между обоими комплексами находился дворик, на котором были выявлены печь, каменная ступа, несколько каменных корыт (рис. 1) и жерновов.

От стен обоих домов сохранились каменные фундаменты, и лишь в нескольких местах на фундаментах были отдельные камни нижней части стен. Фундаменты (ихальная ширина 0,5—0,6 м) сложены из больших необработанных известняковых камней-блоков, поставленных на ребро вдоль обеих лицевых сторон. Остающееся между ними узкое пространство забутовано мелким известняком с землей. Лишь у нескольких стен фундаменты сложены в обычной технике горизонтальной кладки, а в одном случае строители употребили оба приема кладки на одной и той же стене. В раннее время фундаменты клади на материке, позднее их укладывали на культурном слое. Связующим составом служила глина.

Стены сооружались из камней, положенных плашмя. В кладке применялись камни разной величины — от больших, длиной 0,4 м и больше, до сов-

¹ Раскопки Афанасьевского поселения производились в 1951 г. отрядом под руководством Н. Г. Елагиной (ИИМК АН СССР), в 1952 г. отрядом в составе Н. А. Кравченко (руководитель) и Е. Ф. Яровой (Одесский археологический музей).

сем мелких. В строительстве домов, вероятно, употреблялось и дерево! Следует отметить находку двух пяточных камней для дверей.

Полы помещений были частично земляными, частично каменными. Материалом для каменных вымосток служили тонкие известняковые плиты средних и малых размеров. Хотя эти плиты имеют неправильную форму, они сравнительно хорошо подогнаны одна к другой; повидимому, обтесывание их производилось тут же на месте в процессе укладки.

Четыре печи, открытые в постройках этого участка, имели округлую куполообразную форму. Основание под подом выкладывалось из камня, а в одном случае под каменной вымосткой пода был подостлан слой глины:

Рис. 1. Афанасьевское поселение. Каменное корыто.

Поверхность вымостки покрывалась слоем глины. Стены печей, повидимому, были либо каменными, обмазанными глиной, либо глинобитными. Своды печей не сохранились, но, судя по всему, и они были глинобитными. В одной печи удалось по каменному основанию пода установить наличие устья.

Участок Г, раскопанный в 1952 г., расположен в 27 м к югу от участка Б, раскрытоого в 1951 г., в юго-восточной части поселения, у самого берегового края плато. Здесь раскопано 120 м² площади, при толщине культурного слоя 0,8—1 м.

На этом участке был открыт жилой дом, состоящий из двух помещений почти квадратной формы, каждое площадью около 25 м². Основным из них было восточное помещение. От него сохранились фундаменты и части трех каменных стен. Не сохранилась только восточная стена. Стены связаны между собой в переплет, они сложены на глине из обработанных камней средней величины, размещенных плашмя. Ширину кладки (0,45—0,50 м) образуют обычно два камня: один, расположенный вдоль внутренней, другой — вдоль наружной стороны. Пол помещения был земляным, промазанным глиной, на уровне чуть выше основания стен. Вдоль северной и южной стен внутри помещений были устроены во всю их длину каменные загородки, служившие хранилищами зерна. Эти хлебные закрома отделены были большими каменными плитами (до 0,65 × 0,45 м), поставленными на ребро, образующими пространство шириной 0,45—0,50 м. В этом помещении (особенно в юго-западном углу и в южной загородке) собрано было во время раскопок сравнительно большое количество (до 10 кг) рассыпанного здесь зерна — пшеницы, ячменя, ржи и проса.

От западного помещения, несколько позднее пристроенного к восточному помещению, сохранилась только северная стена, приходившаяся впритык к северо-западному углу восточного помещения. В северной части помещения обнаружена печь почти круглой формы больших размеров (диаметр 1,45—1,5 м). Сохранился под этой печи из мелких плоских известняковых камней, обмазанных сверху слоем глины толщиной 2,5—3 см. Судя по остаткам развала печи, ее стены были сложены из камня и обмазаны с внутренней стороны глиной.

Рядом с печью находилось большое мелкое корыто, выдолбленное из одной глыбы камня. Боковые борта его сохранились лишь частично — до

Рис. 2. Образцы лепной керамики. 1, 2—Афанасьевка, 3—Снигиревка.

3 см высоты. Еще дальше, рядом с корытом, открыта каменная ступа конусообразной формы, выдолбленная в большом камне.

В северном углу помещения — за печью, корытом и ступой — найдены были 12 глиняных грузил пирамидальной и конусовидной формы, лежавших вместе. Здесь же были найдены обломок края зернотерки, несколько глиняных прядильщиков плоской и биконической формы.

Таким образом, оба помещения служили одновременно и для хозяйственных целей и для жилья.

Основной группой находок на Афанасьевском поселении является керамический материал. Преобладающая часть посуды датируется II—IV вв. н. э. Местная керамика является преобладающей. Она состоит из двух групп: сероглиняной кружальной и лепной.

Сероглиняная посуда по технологическим признакам может быть разделена на: а) сероглиняную посуду хорошего качества, в большинстве своем тонкостенную, с лощением наружной поверхности; б) сероглиняную посуду грубого качества, в большинстве своем толстостенную, с примесью песка и кварца в глиняном тесте. Встречены обломки сероглиняной посуды, украшенной лощеной линейной орнаментацией.

Лепная керамика также может по технологическим признакам быть разделена на посуду лучшего качества с залощенной поверхностью серого и желтосерого цвета (рис. 2,2) и посуду грубую, изготовленную из глины с примесью кварца или песка и извести (рис. 2,1).

Импортная посуда представлена только обломками остродонных амфор этого времени.

Из других находок, кроме тех, которые уже упоминались, следует отметить две бронзовые фибулы с подвязной ножкой. Имеется некоторое количество подделок из кости, глиняных прядильщиков. Железные изделия встречаются в незначительном количестве.

Наблюдения над уровнем залегания керамических находок показывают, что в нижнем горизонте преобладала лепная керамика, а в верхнем горизонте — сероглиняная кружальная посуда.

Снигиревское поселение¹ I—IV вв. н. э. находится на правом берегу р. Ингулец, у парома из с. Снигиревка в с. Отbedo-Васильевка. Поселение площадью около 3—4 га расположено на мысу, несколько спадающем к реке в направлении с севера на юг, а также на примыкающей к мысу террасе.

Поселение было открыто и частично исследовано А. В. Добровольским свыше 30 лет тому назад². Основным местом раскопок 1951 г. был участок *Б*, расположенный в западной части древнего поселения, на котором было рас-

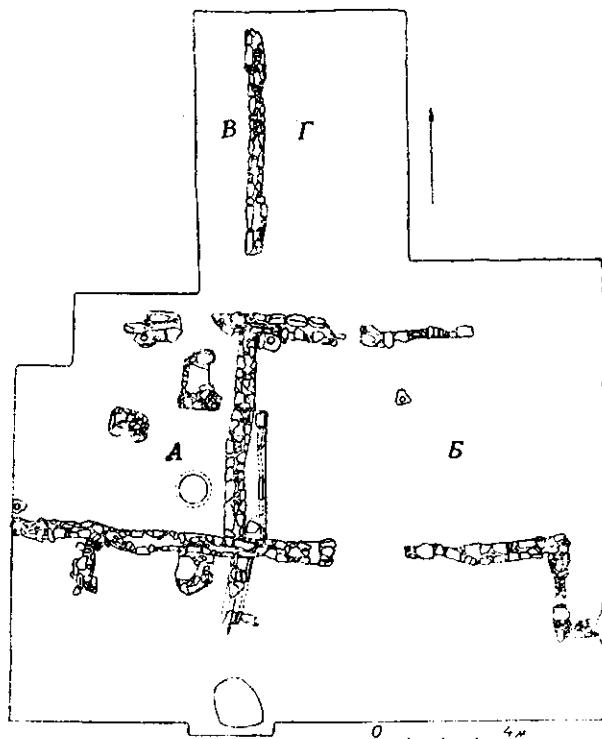

Рис. 3. Снигиревское поселение. Раскоп *Б*.

крыто 323 м² (при средней глубине культурного слоя в 0,6—0,8 м). Здесь был выявлен большой каменный жилой дом, ориентированный по сторонам света, состоящий из двух смежных помещений *А* и *Б* и примыкающих к ним с севера хозяйственных пристроек (*В* и *Г*). Лишь небольшая западная часть дома осталась под нераскопанной площадью участка (рис. 3).

Помещение *Б* имело площадь в 42 м² (6,25 × 6,75 м). В северо-восточной части его находилась печь размерами 0,63 × 0,86 м; ее под из глины был сильно пережжен. По краям печь была обложена камнями мелких и средних размеров.

В юго-восточной части помещения находилась зерновая яма грушевидной формы (диаметр вверху 0,85, посередине 1,05, у дна 1,1 м), нижняя часть которой была вырезана в материке (рис. 4).

В центре этого помещения сохранилась часть вымостки (1,4 × 0,93 м) из грубо обработанных камней средних и мелких размеров, плотно пригнанных один к другому. В этом помещении было обнаружено несколько камен-

¹ Раскопки Снигиревского поселения проведены отрядом под руководством Ф. М. Штильман (Институт археологии АН УССР).

² А. В. Добровольский, Землеробське поселення перших століть нашої ери на р. Інгульці, Археологія, т. III, стр. 168—179.

ных ступ, из них одна размером $0,75 \times 0,4$ при высоте $0,2$ м у северной стены, другая ($0,4 \times 0,4$, высота $0,13$ м) — в юго-западном углу.

Второе помещение — А, находившееся к востоку от помещения Б, имело размеры $6,25 \times 10$ м. У западной стены внутри помещения находилась за-городка из поставленных на ребро плоских камней (длиной 3,8, шириной 0,5 м), повидимому предназначенная для хранения зерна. В северо-западном углу стояла каменная ступа, выдолбленная в большом, почти совсем необработанном камне ($0,55 \times 0,47 \times 0,23$ м). Каменная плита, служившая крышкой ступы ($0,5 \times 0,35 \times 0,05$ м), стояла тут же на ребре. Есть основание полагать, что помещение А также имело каменный пол из мелких и средних по величине камней.

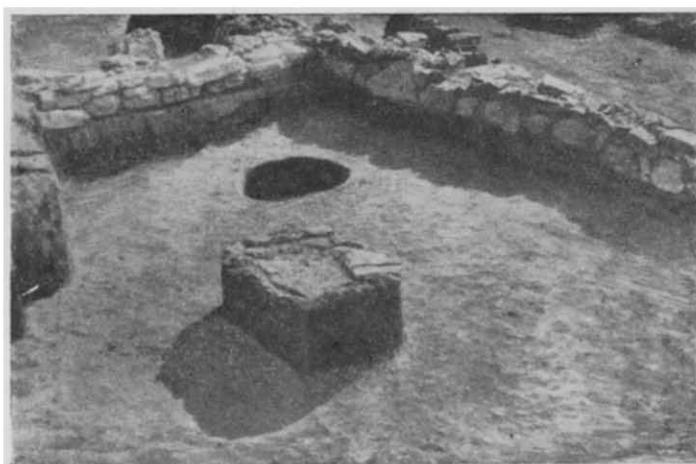

Рис. 4. Снигиревское поселение. Помещение Б.

Кроме того, к северу от этих жилых помещений были частично обнаружены вплотную к ним примыкавшие два хозяйственных помещения.

В технике кладки фундаментов и стен наблюдаются аналогии строительным приемам на Афанасьевском поселении. В одних случаях в кладке использованы грубо обработанные камни, положенные плашмя горизонтальными рядами (ширина 0,65 м). В других случаях фундаменты стен сложены из грубо обработанных или вовсе необработанных камней разнообразной формы и разных размеров, поставленных на ребро вдоль обеих лицевых сторон, пространство между которыми заполнено мелким камнем забутовки (ширина 0,55 м). Сочетание такой кладки фундаментов с кладкой камней плашмя встречается иногда на Снигиревском поселении в одном и том же помещении.

Некоторые находки в этом здании освещают отдельные конструктивные детали постройки. К ним относятся куски глины с отпечатками камыша, принадлежащие, очевидно, камышовой крыше, обмазанной глиной. Сюда же относятся найденные в этом здании пяткочные камни от дверей входа.

С внешней стороны южной стены помещения А, где находилась улица или двор, был открыт связанный со стеной впереплет водосток. Ориентированный с севера на юг, для отвода дождевых вод к реке, он был сложен из поставленных на ребро камней. Ложе водостока выстлано каменными плитами. Длина сохранившейся части его 2, ширина 0,65 м, ширина ложа — 0,45, глубина — 0,33 м. Это свидетельствует о том, что жители заботились о благоустройстве своего поселения.

Открытое здание относится к одному строительному периоду и датируется III—IV вв. н. э.

Вещественные находки Снигиревского поселения представлены главным образом обломками посуды прежде всего местного производства. Преобладающей является сероглиняная посуда, часть которой имеет лощеную поверхность, украшенную линейным орнаментом (табл. I, 4, 5, 6). Лепной керамики, преимущественно горшков (рис. 2,3), обнаружено меньше. Привозная керамика представлена обломками амфор, преимущественно желобчатых (табл. I, 3).

Из других находок этого поселения обращают на себя внимание фрагментированная железная коса (табл. I, 2), костяной гребень (зубцы не сохранились), украшенный проткнутыми насекомые бронзовыми шпиньками или гвоздиками, образующими орнаментацию по краю полукруглого щитка гребня (табл. I, 1), несколько глиняных прядильщиков, две бусины и др. Железные изделия встречались редко.

Дарьевское поселение¹ III—IV вв. нашей эры находится в 4 км к северу от с. Дарьевка, на нижнем Ингульце, у строительства головной части трассы Нижнеингульского канала. Поселение расположено на первой подпойменной террасе, на высоте 12 м над уровнем воды; площадь поселения 200 × 100 м. Древнее поселение сильно разрушено, камень от построек разбросан на поверхности.

Археологические исследования велись главным образом на двух участках, где удалось выявить остатки построек и сравнительно большой вещественный материал.

Участок I. Здесь вскрыта площадь в 144 м²; глубина культурного слоя 0,45—0,50 м. На участке открыт небольшой жилищный комплекс, состоящий из помещения и примыкающего к нему двора. От жилого помещения сохранились незначительные остатки фундаментов северной, южной и восточной стен. Фундаменты, сложенные не в канавах, а на дневной поверхности, состояли из больших толстых слегка обтесанных известняковых плит, положенных плашмя на глине вдоль обеих сторон стены. Узкое пространство между лицевыми сторонами, как и пустоты в кладке лицевых сторон, забивались мелким камнем. Фундаменты имели неодинаковую в разных местах ширину, от 0,6 до 0,9 м. С наружной стороны стены были оштукатурены глиной.

В помещении, у восточной стены находилась печь подковообразной формы длиной 1,6 м. Стены печи были сложены из небольших известняковых плит, промазанных глиной. Фундамент печи состоит из трех слоев вымосток, сложенных из известняковых плит с прослойками глины между ними, высотой 15—18 см. Верхний слой этого фундамента был промазан глиной и являлся подом печи. Свод печи, который, очевидно, был куполообразным, не сохранился.

У северной стены помещения, недалеко от печи, находилась небольшая загородка размерами 0,6 × 0,4 м, образованная из каменных плит, поставленных на ребро. Эта загородка служила, вероятно, для засыпки зерна. Здесь же рядом находилась неглубокая (0,2—0,3 м) яма окружной формы диаметром 1,2—1,3 м.

Вход в помещение был в западной стене, в месте стыка которой с южной стеной образовано было небольшое углубление в виде тамбура.

С восточной стороны к помещению примыкал двор, огороженный каменными стенками. В северной стене двора находился проем, возможно, от ворот.

Участок II. Расположен в южной части поселения; здесь вскрыта площадь в 62 м². Открытые на этом участке строительные остатки дополняют картину устройства жилого дома, выявленного на участке I. Здесь сохранилась часть жилого дома в виде одного помещения площадью 16—18 м². Фунда-

¹ Раскопки Дарьевского поселения проводились отрядом под руководством Н. Г. Елатиной (ИИМК АН СССР).

Инвентарь. 1—6 — Снигиревка; 7—12 — Новое Кондаково. 1, 7, 8, 10, 11 — $\frac{2}{3}$ н. в.; 2 — $\frac{1}{8}$; 4—6 — $\frac{3}{5}$; 9, 12 — $\frac{1}{2}$ н. в.

менты стен (кроме западной, не сохранившейся), шириной 0,6 м, сложены из камня на глине. У восточной стены помещения находилась печь размерами 1 × 1,3 м, от которой сохранился под, состоящий из одного ряда известняковых плит, промазанного сверху глиной. Южнее печи находилась загородка из известняковых плит, поставленных на ребро, которая, как и яма,

яйцевидной формы (глубиной 1,55 м, диаметром у горловины 1,2 м, у дна 0,1 м) к северо-востоку от помещения, служила для хранения зерна.

Из находок на Дарьевском поселении следует прежде всего отметить железный сошник длиной 95 см, рабочий конец которого сохранился в одной лишь части: ширина его лезвия 7 см, в верхней части сошника находится закраина для держака. Обращают на себя внимание два обломка половины верхнего камня круглого жернова из ракушечника, диаметром 43 см, с прямоугольным отверстием в центре.

Главную массу находок составляют обломки керамики лепной, сероглиняной кружальной как нелощеной, так и лощеной, обломки амфор и др. Лишь один сосуд был найден в целом виде — сероглиняный горшок высотой 31,5 см, II—IV вв. н. э.; в $\frac{2}{3}$ высоты туловище имеет ребро-излом; в нижней части наружной поверхности находятся следы грубого сглаживания по кругу, в верхней части — линейный орнамент из трех углубленных полос.

3

Описанные выше поселения не являются одиночными на Ингульце. Можно назвать поселение I—IV вв. н. э. у о. Новое Кондаково, близ Сни-

Рис. 5. Новокондаковское поселение. Остатки жилой постройки на раскопе I.

гиревки, изучавшееся экспедицией 1951 г. Здесь на трех участках обнаружены остатки жилых и хозяйственных помещений, сооруженных в той же строительной технике, какая применялась на Афанасьевском и Снигиревском поселениях (рис. 5). Очень близок этим поселениям и общий характер находок на Новокондаковском поселении (табл. I, 7—12).

Такой же, в общем, характер имеют открытые и обследованные экспедицией 1951 г. в порядке разведок поселение Кепено, близ Снигиревки, а также другие поселения по среднему и нижнему Ингульцу.

В 1910 г. на нижнем Днепре В. И. Гошкевичем были открыты аналогичные поселения¹. При археологических работах последних лет в районах Буго-Днепровского, Сосницко-Березанского и Тилигульского лиманов также обнаружен ряд поселений (Петуховское, Викторовское, Капустинское и др.), которые по времени и по характеру их строительных и вещественных остатков несомненно относятся к той же группе, что и поселения, открытые в 1951 и 1952 гг. на среднем и нижнем Ингульце.

Таким образом, в восточной части Днепро-Днестровского Причерноморья выявляется группа поселений первых веков н. э. с одинаковыми или

¹ В. И. Гошкевич, Древние городища по берегам низового Днепра, ИАК, в. 47.

близкими археологическими признаками. Какие же черты объединяют все эти поселения в одну группу?

За исключением нижнеднепровских, эти поселения являются открытыми и не имеют защитных оборонительных сооружений. Поселения располагаются в топографически выгодных местах — то на высоком берегу реки, откуда на большое расстояние просматривается окружающая местность (Афанасьевское, Новокондаковское и др. поселения), то на первой надпойменной террасе, если она достаточно широка для устройства поселения (Снигиревское, Дарьевское и др. поселения). Ни одно из этих поселений не было основано на месте старых, ранее существовавших скифских поселений VII—II вв. до н. э.

Для поселений характерны капитальные наземные каменные дома, которые, судя по Новокондаковскому и другим поселениям, располагались в определенной прямолинейной системе планировки. Кратко изложенные выше фактические данные о раскопке домов показывают наличие целого ряда общих приемов кладки фундаментов и стен, устройства печей, загородок для хранения зерна. Обнаружение каменного водостока для отвода дождевых вод с крыши жилого дома в Снигиревском поселении, уличных каменных вымосток, значительное развитие и сравнительно высокий уровень обработки камня (в частности на Афанасьевском и Снигиревском поселениях) свидетельствуют об определенной градостроительной культуре этого населения.

Главным занятием населения являлось земледелие. Наличие зерновых ям или погребов, а также загородок почти в каждом хозяйстве, наличие каменных ступ, зернотерок и жерновов, находка железной косы, железного сошника и фрагментов других орудий подобного типа с несомненностью свидетельствуют о том, что сельское хозяйство являлось основой производства этого населения. Костные остатки домашних животных показывают, что земледелие сочеталось тут с животноводством, для развития которого Ингулец с его богатыми луговыми выпасами создавал исключительно благоприятные условия. Следует отметить, что поселения располагались на участках побережья, удобных для развития земледелия, скотоводства и рыбной ловли.

У нас еще недостаточно данных, чтобы говорить о развитии ремесла у населения, однако наличие кузнецкого дела, гончарства, ткачества, камнеобработки, строительного дела совершенно очевидно. Археологические памятники свидетельствуют о существовании у этого населения постоянных обменных отношений с Ольвией.

Поселения датируются временем от I до V вв. н. э. Основой для датировки служит главным образом керамика. Для начальной поры существования поселений типична лепная керамика с рядом черт, роднящих ее со степной скифской керамикой более раннего времени. Это — высокие горшки с небольшим дном, миски на коническом поддоне и сосуды других форм, украшенные чаще всего коническими выступами у плечиков сосудов или налепными ложными подковообразными ручками. Целый ряд черт роднит эту посуду с керамикой поздних скифов в Крыму, а также с раннеславянскими так называемыми корчеватовскими типами.

Со II—III вв. начинается внедрение сероглиняной посуды, близкой керамике поселений и могильников раннеславянской культуры полей погребений черняховского типа, на территории более северных областей УССР. Количество сероглиняной посуды с течением времени все более увеличивается, вытесняя ранее бытовавшую здесь лепную керамику позднескифских типов.

Нам кажется, что уже сейчас есть основания для постановки вопроса об этническом определении местного населения этого времени. Предположение о греческой или римской его принадлежности, встречающееся у некоторых археологов, должно быть отвергнуто. Вещественные памятники не дают данных для того, чтобы относить эти поселения к сарматам или аланам, хотя определенные связи сарматов с этими поселениями несомненны.

Археологические памятники и письменные известия начала I тысячелетия н. э. подтверждают, что основную массу населения этого района составляла одна из ветвей позднескифских племен, может быть тавроскифов — этих новых соседей Ольвии в послегетскую эпоху ее существования.

Вместе с тем, нам кажется возможным предполагать, что начиная от рубежа нашей эры в состав населения начинают влияться с севера ранние славяне — носители сначала корчеватовской, а позже черняховской культуры. Численно увеличиваясь с течением времени, они поглощают прежних обитателей этого района и становятся здесь господствующим населением.

Новгородская и Ипатьевская летописи упоминают для более позднего времени о древних славянах — уличах, живших вниз по Днепру и между Бугом и Днестром («оли до моря»)¹. Об уличах в интересующем нас районе свидетельствуют и некоторые топонимические данные.

Нам кажется, что эти более поздние источники и материалы способны помочь освещению вопроса об этническом определении населения первых веков н. э.

Трудно переоценить значение археологических открытий на Ингульце. То, что в Днепро-Днестровском Причерноморье до последних лет археологически не было установлено раннеславянского населения, не могло не казаться странным и не отвечающим исторической действительности. Мысль о том, что ранние славяне не интересовались морским побережьем, представлявшим многосторонние экономические выгоды, не могла не казаться неправдоподобной.

Работы на Ингульце только начаты. Они должны быть продолжены и расширены. Их актуальность и важность диктуются не только задачами охраны памятников в зоне строительства ингулецких систем орошения, но и тем большим историческим интересом, какой вызывают ингулецкие поселения.

¹ Новгородская IV летопись, стр. 27; Ипатьевская летопись, стр. 7; А. А. Ш а х м а т о в .
Лювесь временных лет, СПБ, 1916, стр. 12.

АССЫ ИЗ РАСКОПОК ОЛЬВИИ 1948 г.

А. И. ФУРМАНСКАЯ

Литые монеты Ольвии, известные в литературе под наименованием ассов,¹ представляют несомненный интерес для исследователей города и в качестве и зделий литейного ремесла и как отличительная особенность монетного дела.

Влияние местных условий: относительная близость разработок меди, раннее развитие литейного ремесла, возникающие товарные отношения в рамках натурального в основном хозяйства—объясняют использование дешевого металла в монетном деле и преобладающее значение литой монеты в Ольвии в первые века ее существования.

Пока неизвестно, что предшествовало в Ольвии появлению литых медных монет. Наряду с ними засвидетельствованы многочисленные находки медных дельфинчиков, часть которых имеет надписи APIXO или ΘΥ (начальные буквы имен архонтов). Датируются эти дельфинчики, связанные с литыми медными монетами общностью техники производства и указанными надписями, концом VI — началом V в. до н. э.². Этим же временем определяются крупные литые монеты — ассы с головой Афины.

Довольно раннее появление (в конце VI в. до н. э.) художественно отлитой монеты свидетельствует о высоком уровне развития литейного ремесла в Ольвии и о создании своеобразного художественного стиля.

В Ольвии литейные формы для отливки ассов не найдены. Много таких форм было обнаружено в Италии, где они датируются временем правления Септимия Севера, Диоклетиана, Домициана и Траяна.

Форма для каждой монеты состояла из двух кружков с отпечатками на каждом одной из сторон монеты и с канальцами-литниками на краях. Формы могли изготавляться для каждой монеты в отдельности или групповые для одновременной отливки нескольких монет³. После отливки в групповых формах монеты разрубались, литки отпиливались, — следы отпила литков заметны на краях монеты. Этот дефект литья прослеживается и на ассеах из раскопок Ольвии 1948 г. Особенно заметны остатки литков на маленьких

¹ В древнем Риме начиная со второй половины IV в. до н. э., а затем в императорское время — с III в. н. э. отливались крупные медные монеты — ассы. Это название монеты было перенесено и на ольвийские литые монеты, выпуск которых к этому времени, то есть к концу IV в. до н. э., уже прекратился.

² А. Н. Зограф (Античные монеты, МИА, № 16, М.—Л., 1951, стр. 122) пишет: «...признание денежной роли ольвийских дельфинов пока что базируется только на присутствии на одной из групп их надписи APIX, которую они разделяют с наиболее многочисленной группой литых монет, а также на находках «крыбок» в погребениях в руке или во рту костяка, т. е. в положении «кобола Харона». Такие находки достоверно засвидетельствованы и в Ольвии и на острове Березани».

³ Е. Вебелон, *Traité des monnaies grecques et romaines*, 1 pt., Paris, 1901, стр. 949, 954, 958; А. Н. Зограф, Ук. соч., стр. 123.

круглых монетах Ольвии с надписью IΣΤ на плоской обратной стороне.

Последние синхронны группе дельфинов с надписью¹.

Находки ассов немногочисленны — в послевоенные годы было найдено в среднем ежегодно от 10 до 15 экземпляров.

Характеристика ассов 1948 г.²

1. Малый асс, № описи 487. Лицевая сторона — изображение Горгона, голова в мелких кудрях в виде фестонов, глаза закрыты, рот сомкнут. Оборотная сторона — изображение колеса с четырьмя спицами. Легенда не сохранилась. Вес 11,13 г. Сохранность асса средняя.

Разновидности этого типа изданы у Бурачкова³, табл. I, 2, 4.

2. Малый асс, № описи 1612, раскоп А. Лицевая сторона — изображение Горгонея. Волосы в мелких кудрях в виде фестонов. Черты лица стерты.

Рис. 1. Медный асс, инв. № 2750; 4/5 н. в.

Оборотная сторона — колесо с четырьмя спицами, в пространстве между которыми четко сохранились буквы Р и Х. Вес 13,8 г. Сохранность плохая.

Разновидности этого типа изданы у Голубцова⁴, табл. VII, 4.

3. Половина асса, № описи 2412, раскоп Е, помещение И. Вес 9,15 г. Сохранность плохая.

4. Малый асс, № описи 2654, Раскоп Е, помещение И. Лицевая сторона — изображение архаического Горгонея с высунутым языком. Волнистая прическа спускается на лоб шестью фестонами. Оборотная сторона сильно стерта. Вес 16,56 г. Сохранность средняя.

Разновидности этого типа изданы у Голубцова, табл. VII, 4, Pick⁵, табл. VIII, 2.

5. Малый асс (рис. 1), № описи 2750, раскоп А. Лицевая сторона — изображение Горгонея со смягченными чертами лица. Волосы в мелких кудрях, рот полуоткрыт. Оборотная сторона — орел, схвативший дельфина, влево, в поле между хвостом орла и дельфином — буквы О, Г и буква Ъ. Вес 19 г. Сохранность хорошая.

Разновидность этого типа издана у Голубцова, табл. VII, 3; у Бурачкова, табл. I, 6; у Зографа, табл. XXXI, 5⁶.

¹ А. Н. Зограф, Ук. соч., стр. 122.

² Данные спектрального анализа этих ассов следующие: Si — есть; Sb — мало, Pb — мало, Fe — есть, Cu — много, Sn — мало, Al — следы, Ag — следы, Co — очень мало. Анализ проведен Н. Д. Дубицкой под руководством О. А. Кульской (Институт геологии Академии наук Украинской ССР). По определению О. А. Кульской монеты сделаны из меди с небольшими количествами примесей олова, свинца, сурьмы. Силиций и алюминий являются элементами, которые попали только благодаря длительному пребыванию этих монет в земле.

³ О. П. Бурачков, Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, ч. I, Одесса, 1884.

⁴ В. В. Голубцов, Монеты Ольвии по раскопкам 1905—1908 гг., ИАК, вып. 51, стр. 67—118.

⁵ В. Pick, Die antiken Münzen von Daci und Moesien, Berlin, 1898.

⁶ А. Н. Зограф, Ук. соч.

6. Acc, подобный предыдущему (рис. 2), № описи 2751, раскоп A. Вес 22 г.

7. Малый acc, № описи 3082, раскоп E, помещение И. Лицевая сторона — изображение Горгонея. Оборотная сторона — колесо с четырьмя спицами. Легенда стерта. Вес 10,22 г. Сохранность плохая.

8. Малый acc (рис. 3), № описи 3195, раскоп A. Лицевая сторона — изображение Горгонея. Волосы в мелких кудрях, рот полуоткрыт. Оборот-

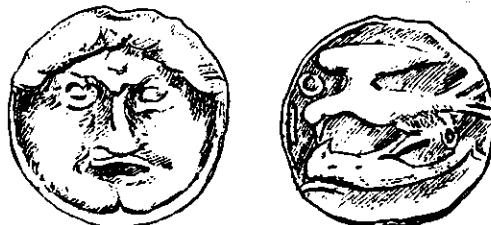

Рис. 2. Медный acc, инв. № 2751; 4/5 н. в.

ная сторона — изображение орла, схватившего дельфина, влево, в поле — буквы О, I и буква Ъ между хвостом орла и дельфина; остальные буквы стерты. Вес 20,25 г. Сохранность хорошая.

Рис. 3. Медный acc, инв. № 3195; 4/5 н. в.

Разновидность этого типа издана у Голубцова, табл. VII, 3, у Бурачкова, табл. I, 6.

9. Малый acc (рис. 4), № описи 3347, участок у римской башни. Лицевая сторона — по общим очертаниям, вероятно, изображение Горгонея.

Рис. 4. Медный acc, инв. № 3347; 4/5 н. в.

Оборотная сторона — изображение орла, схватившего дельфина, влево. Легенда стерта. Вес 10,15 г.

Разновидность этого типа издана у Голубцова, табл. VII, 3, у Бурачкова, табл. I, 6.

10. Малый acc (рис. 5), № описи 3485, раскоп E. Лицевая сторона — изображение архаического Горгонея с оскаленными зубами и высунутым языком. Волнистая прическа спускается на лоб шестью фестонами. Оборотная сторона — колесо с четырьмя спицами. Легенда стерта. Вес 24,4 г. Сохранность средняя.

Разновидность этого типа издана у Голубцова, табл. VII, 4, Pick, табл. VIII, 2; у Зографа, табл. XXXI, 2.

11. Большой асс (рис. 6), № описи 2877, раскоп Е, помещение И. Лицевая сторона — изображение архаического Горгонея с оскаленными зубами и высунутым языком; низкий лоб окаймлен волнистой прической в виде шести фестонов, разделенных посередине пробором. Оборотная сторона стерта, прослеживаются контуры орла с распущенными крыльями вправо. Вес 77,35 г. Сохранность средняя.

Разновидность этого типа издана у Бурачкова, табл. I, 3; у Голубцова, табл. V, 3, Pick, табл. VIII, 3.

Рис. 5. Медный асс, инв. № 3485; 4/5 н. в.

12. Большой асс (рис. 7), № описи 4191, раскоп Е. Лицевая сторона — изображение в фас головы Деметры. Двойное ожерелье из круглых бусин; волосы завиты на ленту, несколько прядей рассыпалось, в прическу воткнуто два колоса. Оборотная сторона — орел, взлетающий с дельфином в когтях.

Рис. 6. Медный асс, инв. № 2877; 4/5 н. в.

Над головой орла заметны очертания начальных букв названия города ОЛВІН. Вес 93,5 г. Сохранность хорошая.

Разновидность этого типа издана у Бурачкова, табл. II, 13; у Голубцова, табл. X, 3; Pick, табл. VIII, 4; у Зографа, табл. XXXI, 4.

Согласно их особенностям, ассы из раскопок Ольвии 1948 г. можно разделить на три группы.

К первой, ранней группе, датируемой А. Н. Зографом¹ первой половиной V в. до н. э., но которая могла быть в обращении до конца V в. до н. э., относится большой асс № 2877 с изображением архаического Горгонея на лицевой стороне и, по всей вероятности, с изображением взлетающего орла с дельфином в когтях и с надписью APIX на обороте, а также малые ассы № 2654, 3485, 1612, 3082 с изображением архаического Горгонея с высунутым языком

¹ А. Н. Зограф, Ук. соч., стр. 123, табл. XXI, 1—3.

на лицевой стороне и с изображением колеса с четырьмя спицами и с надписью APIX в пространстве между ними, на оборотной стороне.

Вторая группа, датируемая А. Н. Зографом серединой и началом третьей четверти IV в. до н. э.¹, представлена одной монетой — большим ассом № 4191 (рис. 7) с изображением Деметры на лицевой стороне, взлетающего орла с дельфином в когтях и наименованием города ОЛВИН на обороте.

Третью группу составляют малые ассы № 487, 2750, 2751, 3195, 3347 с изображением на лицевой стороне Горгона с несколько смягченными, но не

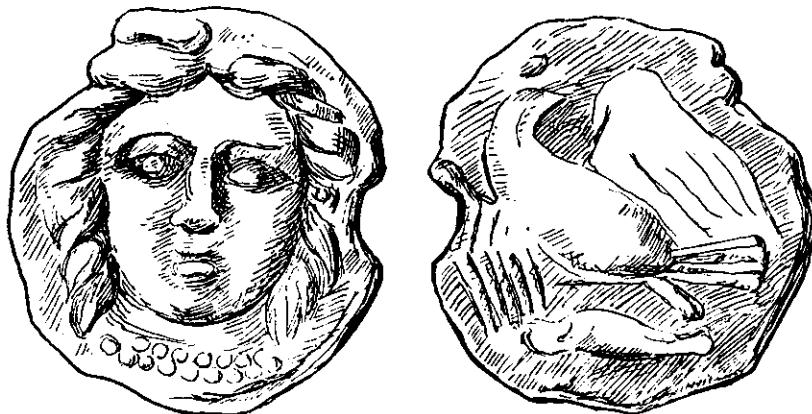

Рис. 7. Медный асс, инв. № 4191; 4/5 н. в.

менее уродливыми чертами лица, с раскрытыми глазами, выдающимися скулами, полуоткрытым ртом, с изображением орла, схватившего дельфина, а также наименованием города на оборотной стороне. Эта группа, отличающаяся небрежностью в изготовлении монет² и появлением наименования города вместо имени магistratov, датируется концом IV в. до н. э.

Условия находки и сопровождающий их комплекс, к сожалению, не помогли уточнению датировки ассов.

В связи с датировкой А. Н. Зографом больших ассов с изображением Деметры серединой и началом третьей четверти IV в. до н. э. большой интерес представляет ольвийский асс, найденный в Тире³.

На лицевой стороне его изображена Горгона в фас, на оборотной — орел с дельфином в когтях. Вверху надпись ОЛВИН, внизу под дельфином — начальные буквы имени магистрата ФЕО.

Изображение Горгоны представляет собой новый, отличный образ, трансформирующийся уже в образ Деметры. Отличает его от образа Деметры резко подчеркнутые надбровные дуги, волосы, обрамляющие лицо тяжелыми прядями на подобие лучей. Некоторые отличия наблюдаются и на оборотной стороне: голова орла повернута влево, крылья полураспушены. Эти наблюдаемые особенности позволяют считать, что подобные ассы предшествовали ассам с изображением Деметры. Начальные буквы имени магистрата ФЕО, встреченные и на ольвийских чеканенных монетах с изображением Деметры⁴, сближают этот асс с ранними группами чеканенных монет.

Таким образом, есть основания предполагать, что большие ассы с изображением Деметры и легендой ОЛВИН выпускались в более позднее время, чем считал это А. Н. Зограф.

¹ А. Н. Зограф, Ук. соч., стр. 124, табл. XXXI, 5.

² А. Н. Зограф считает, что наблюдаемые признаки небрежности в изготовлении малых ассов могут характеризовать заключительную стадию развития литой монеты Ольвии; см. А. Н. Зограф, Ук. соч., стр. 124, табл. XXXI, 5.

³ Р. Nicogescu, Un nouvel aes grave d'Olbia, Dacia, III—IV, Bucureşti, 1933, стр. 626—627.

⁴ В. В. Голубцов, Монеты Ольвии по раскопкам 1905—1908 гг., ИАК, вып. 51, стр. 106.

Находок ассов за пределами города еще меньше, известны находки дельфинов и ассов на о. Березани и несколько находок на близлежащих к Ольвии поселениях.

В связи с этим большой интерес представляет находка асса с изображением архаического Горгонея V в. до н. э. на степном городище вдали от Ольвии на кучугурах в с. Каменке, Днепропетровской обл., в 1953 г.¹. Малочисленность находок ассов как в пределах города, так вне его, говорит о том, что они скорее всего предназначались для внутреннего обращения, а не для расчетов с местным населением, как это предполагает Д. П. Каллистов² и против чего верно возражает В. Д. Блаватский.

Найденная асса с именем APIXO в ольвийском некрополе подтверждает денежное назначение ассов, поскольку монеты обычно сопровождают умершего. В связи с этим интересно отметить находку в могиле большого асса с изображением архаического Горгонея на лицевой стороне, орла с дельфином в когтях и с надписью APIX на обороте, с маленькой дырочкой для подвешивания, на нижнем Дунае, у поселения Сальсия (Salsovia), Болгария, по мнению исследователя, несомненно использованного в качестве апотропея³.

Эта находка асса интересна тем, что указывает на использование монеты и в качестве амулета, а также на дальние связи жителей Ольвии.

Интересным является и само изображение Горгоны на ольвийских ассеах, имеющее апотропейское значение, наиболее распространенное изображение в древности. Изображение Горгоны видим на ручках ольвийских зеркал, найденных как в Ольвии, так и в курганах Левобережного Поднепровья, на щитах, расписных вазах, бронзовых сосудах и различных подвесках.

Не случайным и не менее интересным является и появление на литых монетах Ольвии IV в. до н. э. изображения Деметры — богини земледелия, основного занятия населения Причерноморья, получившего, возможно, наибольшее развитие в это время, как не случайным является изображение рогатого божества, скифского оружия и портретов скифских царей на позднейших ольвийских монетах. Все эти явления лишний раз свидетельствуют о важности монеты, вообще, как исторического источника, отражающего экономическое и политическое состояние города, выпускающего эти монеты и, в частности, о важности литьих монет Ольвии, а также о необходимости публикации и уточнения времени и сферы их обращения.

¹ Асс хранится в Никопольском краеведческом музее, куда он поступил от С. Л. Романовой — жительницы с. Каменки.

² Д. П. Каллистов, Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи, изд. ЛГУ, 1949, стр. 145. «Вряд ли можно предполагать денежные расчеты Ольвии с местными поставщиками хлеба»; см. В. Д. Блаватский, ВДИ, 1950, № 3, стр. 110—121.

³ V. Râvan, Un aes grave Olbien à Salsovia, Dacia, II, Bucureşti 1925, стр. 420.

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ МАТЕРИАЛОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА ПОСУЛЬЕ

В. А. ИЛЬИНСКАЯ

Курган у с. Хитцы на р. Удай

В архиве Института археологии АН УССР хранятся неизданные материалы о раскопках скифского кургана у с. Хитцы, Лубенского района, Полтавской обл., произведенные в 1927 г. заведующим Лубенским краеведческим музеем И. Я. Плескачем¹. К рукописному отчету приложены фотографии процесса раскопок, план и разрез раскопанной части кургана (рис. 1), а также фотографии музейных планшетов с вещами, найденными в погребении. Памятник этот представляет несомненный интерес.

Курган расположен в урочище Коломак, в 3 км к востоку от с. Хитцы по краю плато правого берега р. Удай над ее долиной. Высота кургана равнялась 5 м, диаметр — 32 м.

При раскопках сначала была снята верхняя часть насыпи на $\frac{1}{3}$ ее высоты, затем на образовавшейся площадке был заложен раскоп площадью 7 × 7 м, ориентированный по линии СВ—ЮЗ, который тремя последовательными уступами был уменьшен на уровне поля до размеров 3 × 4,5 м.

В насыпи было найдено значительное количество глиняной лепной посуды, главным образом обломков горшков со слабо отогнутыми венчиками, украшенными по краю защипами, косой насечкой, сквозными отверстиями или наколами с выпуклинами на внутренней стороне. Поверхность сосудов шероховатая, незаглаженная (табл. I, 24, рис. 2, 1—6). Один из обломков украшен ниже края налепным валиком с защипами (табл. I, 23). Были встречены также обломки мисок, украшенные по краю сквозными отверстиями или выпуклинами от ямок, нанесенных с внутренней стороны (рис. 2, 7, 8). Кроме того, среди находок в насыпи было встреченено несколько амфорных фрагментов, зубы и обломки костей лошади, овцы, свиньи, три глиняных прядильца, стеклянная бледнозеленая бусина, обломок раковины. Все эти находки являются, повидимому, остатками погребальной тризны, встречающейся обычно в насыпях курганов скифского времени.

Под насыпью кургана, на материке обозначились контуры могильной ямы размером 5 × 3,6 × 1,8 м, ориентированной по линии С—Ю. Яма была перекрыта попerek накатником из толстых дубовых бревен. На дне обнаружено семь ямок от столбов (22,5 см в поперечнике, 50 см глубины) — четыре по углам, одна в центре, две посередине южной и западной сторон. По сторонам ямы шла канавка 0,12 м ширины, 0,5 м глубины, в которой сохранились остатки дерева. Дно ямы было выстлано корой. Деревянной обкладки стен не отмечено. Возможно, что деревянные брусья в боковых канавках служили для закрепления подстилки из коры на дне ямы. Подобный прием

¹ Архив Института археологии АН УССР, дело № 13, Лубенщина, 1927 г.

был отмечен В. А. Городцовым при раскопках курганов у Бельского городища¹.

Погребение было, повидимому, разрушено лисьими норами. От скелета остался лишь костный тлен, обломки костей черепа, несколько фаланг пальцев. Череп оказался занесенным в нору в северной части могилы. В другой норе оказался череп лисицы.

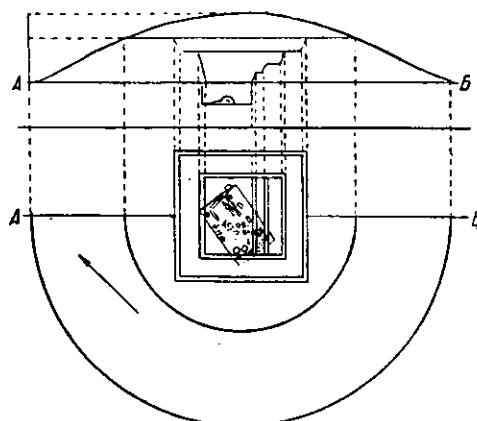

Рис. 1. План и разрез раскопанной части кургана у с. Хитцы

У северной стороны могилы (судя по плану, ближе к восточному углу) лежало два железных наконечника копий. Длина одного из них 0,51, другого 0,4 м. Оба копья (табл. I, 6, 7) с длинными втулками, узким плоским пером, суживающимся от основания к острию. Тут же был найден железный наконечник ножен от кинжала (табл. I, 8).

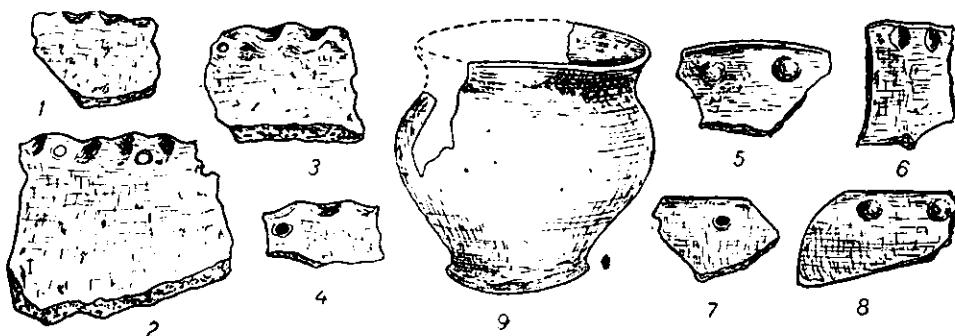

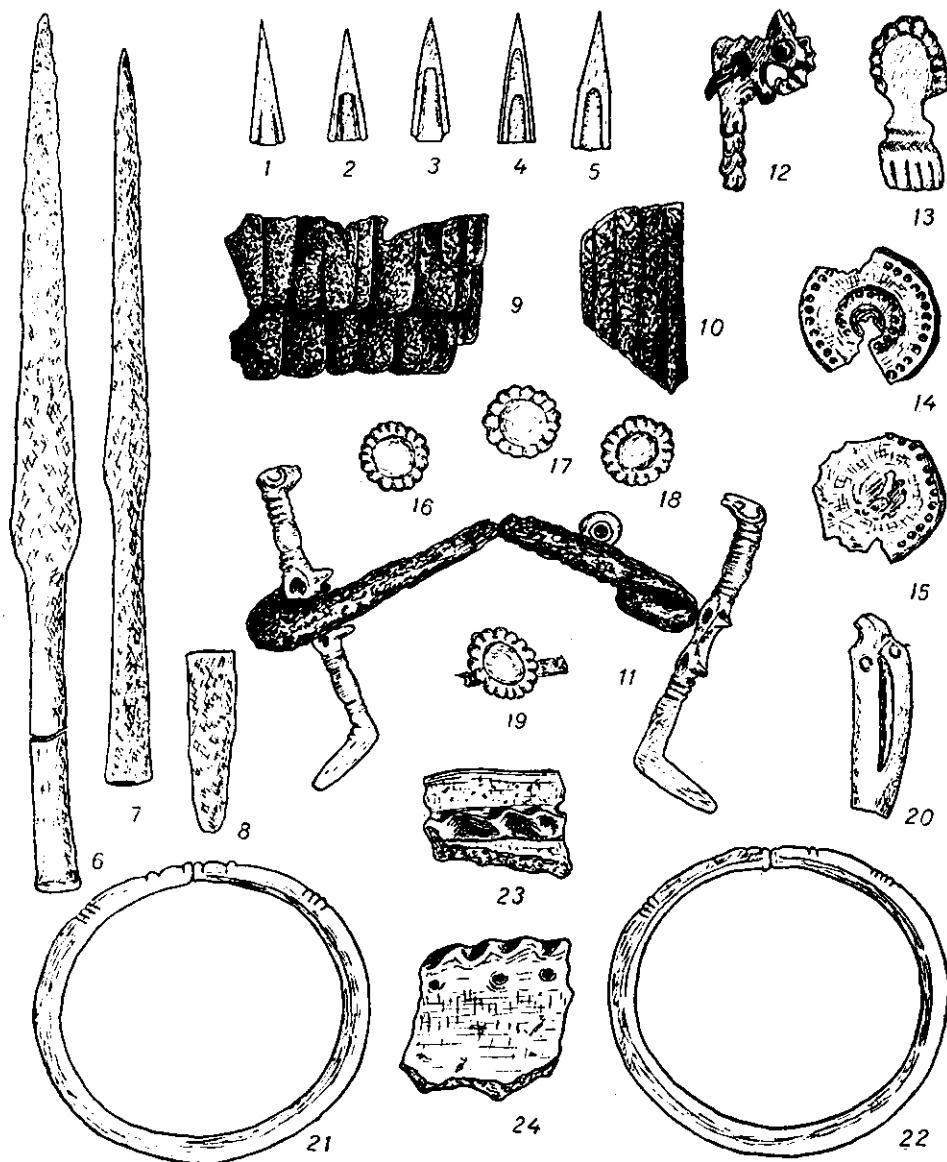
Рис. 2. Глиняная лепная посуда, найденная в насыпи и в могиле.

Наибольшее количество предметов погребального инвентаря было найдено вдоль восточной стороны могилы. Здесь оказалось 43 бронзовых трехгранных пирамидальных наконечника стрел (табл. I, 1—5). Во втулках некоторых из них сохранились кусочки древок. Обломки железного панциря из крупных прямоугольных пластин (табл. I, 9, 10) находились также у середины ямы, ближе к юго-западному углу. У восточной стороны могилы лежали железные удила, к которым прикреплена бронзовая круглая ворврка, с парой бронзовых псалий (табл. I, 11). Концы псалий загнуты в разные стороны, верхний оформлен в виде головки животного (видимо, барана) нижний — в виде длинного копыта. На стержне псалия рельефные рубчики.

¹ В. А. Городцов, Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде, Полтавской губернии в 1906, Труды XIV АС, т. III.

Псаии особенно интересны тем, что у них на боковой наружной стороне в месте восьмеркообразного расширения для отверстий имеется два шилообразных выступа, между которыми закреплялось кольцо для удил. К числу украшений узды относятся четыре круглые бронзовые массивные слегка выпуклые бляхи с рубчатыми краями диаметром 2 см (табл. I, 16—19); бронзовая бляха, воспроизводящая кисть руки или лапу (табл. I, 13); две круглые бляшки из

Таблица I

Предметы, обнаруженные в могиле.

тонкой бронзовой пластиинки (6 см в диаметре), украшенные в центре и по краю ободком из выпуклых шишечек (табл. I, 14, 15); бронзовый наносник в виде стилизованной головы птицы с гребнем (табл. I, 12); обломок железного кольца. Кроме этих предметов, у восточной стенки лежала золотая полая трубочка со следами орнамента, напоминающего голову птицы (табл. I, 20).

Ближе к юго-западному углу найдены: бронзовая ворврка и два массивных ножных бронзовых браслета диаметром 12—13 см, со смыкающимися,

но не спаянными концами, на которых изображены головки животных (табл. I, 21—22). У северной стенки лежали кости животного, а у южной стоял закопченный глиняный горшок со слабо отогнутым гладким венчиком (рис. 2,9).

Погребенный был, повидимому, ориентирован головою на север. На это указывает положение наконечников копий, которые клали обычно остриями вверх в головах погребенных. В этой части могилы оказался также череп, занесенный в нору. Ножные браслеты, которые носили на щиколотках, были найдены в южной половине ямы. Следует отметить, что положение покойников головою на север является редким исключением в курганах Посульской группы, где подавляющее большинство захоронений имеет южную ориентировку.

Археологические материалы из кургана у с. Хитцы находят аналогии среди ряда памятников середины — второй половины V в. до н. э. В бассейне р. Сулы наиболее близкими по составу инвентаря являются погребения в кургане № 2 у с. Аксютинцы¹ и в курганах № 2 и 3 урочища Стайкин Верх у с. Аксютинцы². Эти аналогии позволяют отнести погребение в кургане у с. Хитцы ко времени второй половины V в. до н. э.

Бронзовые уздечные бляхи из раскопок Т. В. Кибальчича

В фотоархиве Института истории материальной культуры АН СССР находится фотография планшета с нашитыми на нем бронзовыми предметами из раскопок Т. В. Кибальчича у с. Аксютинцы³. Большая часть этих предметов представляет собой принадлежности конского убора и остатки уздечных ремней, к которым они были прикреплены. Среди них находится изданный А. А. Бобринским бронзовый скипетр-топорик с концами в виде конских головок⁴ и небольшой обломок края круглой золотой бляшки с рельефным бордюром по краю (табл. II).

Эта фотография принадлежит к числу того немногого, что сохранилось от обесцененных в значительной части, лишенных документации раскопок Т. В. Кибальчича на территории замечательного Аксютинецкого могильника на р. Суле. В опубликованном им каталоге, вещи из раскопок в Аксютинцах составляют свыше 650 номеров (от № 300 до № 950)⁵.

В нем под №№ 722—738 без указания номера кургана, в котором они были найдены, значится: «бронзовые украшения в виде крестиков и блях с орлиными головками, сохранившейся кожей и нитками от уздечки; копьевидные окончания ремней».

Этому описанию соответствует большая часть сфотографированных предметов: 14 крестовидных блях (табл. II, 8—21), семь подобных блях с двойными орлиными головками (табл. II, 1—7) и две бляхи в форме равнобедренного треугольника с вырезом и парными шишечками в основании (табл. II, 28, 29).

К крестовидным бляхам относятся около двух десятков обрывков кожаных ремней, к которым они были прикреплены. Две крестовидные бляхи (табл. II, 14, 15) и одна бляха с орлиными головками (табл. II, 4) сфотографированы с обратной стороны, чтобы показать, как они прикреплялись к ремням. Скорее всего эти бляхи составляют комплекс одного уздечного убора. Все они вполне однотипны, мелкие отличия в деталях могли возникнуть при отливке блях и последующей их обработке.

¹ Раскопки С. А. Мазараки; см. А. А. Бобринский, Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. II, СПБ, 1894, стр. 162.

² Раскопки Д. Я. Самоквасова; см. Д. Я. Самоквасов, Могилы Русской земли, М., 1908, стр. 99 и сл.

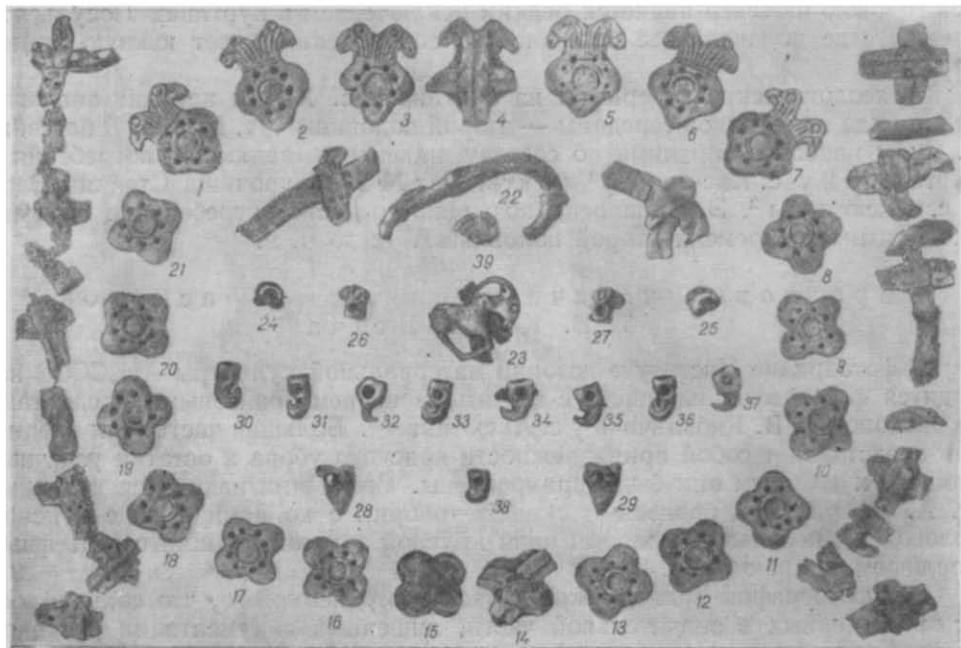
³ Фотоархив ИИМК, № III, 6880/537.

⁴ А. А. Бобринский, Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. III, СПБ, 1901, табл. XI, рис. 2.

⁵ Т. В. Кибальчич, Древности (указатель к археологическим находкам 1875—1876 года), К., 1876, стр. 14—38.

14 крестовидных блях имеют форму плоских четырехлепестковых розеток с округленными концами. В основании каждого из четырех выступов имеется по паре сквозных отверстий для прикрепления к ремню. Центр выделен рельефным кружочком. У бляшек более сложной формы один из четырех концов усложнен изображением двух профильных, обращенных в разные стороны птичьих головок. Головки выполнены в скифском стиле, с подчерк-

Таблица II

Бронзовые предметы из раскопок Т. В. Кибальчича у с. Аксютинцы.

нuto хищным клювом и большим, выделенным кружочком, глазом. Раздвоенная шея прочерчена продольными углубленными бороздками. Головки отделены от крестовидного основания бляхи рельефной поперечной полоской. Все бляхи плоские и не имеют петель для прикрепления с обратной стороны.

Как ясно видно на фотографии, бляхи эти служили для неподвижного скрепления перекрещивающихся уздечных ремней. Для этого бляхи накладывались на место скрещения таким образом, что выступающие концы соответствовали направлению ремней и затем через сквозные отверстия наглухо пришивались к ним четырьмя стежками.

Б. З. Рабинович доказал, что бляхи подобного рода относятся к архаическому периоду скифской эпохи VI в. до н. э.¹. На Суле, кроме публикуемого набора, подобные бляхи были найдены в ранних курганах у с. Герасимовка, Поповка, Аксютинцы, в землянке на Басовском городище². Аналогичные бляхи известны из кургана у станицы Келермесской на Кубани, из курганов у с. Емчиха на Каневщине, у с. Прусы³ и у Глевахи⁴ на Среднеднепровском Правобережье.

¹ Б. З. Рабинович, О датировке некоторых скифских курганов Среднего Поднепровья, СА, I, стр. 92.

² А. А. Бобринский, Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. II, СПБ, 1894, табл. XIV, № 1, 3, 21, 23, 25; Д. Я. Самоквасов, Могилы Русской земли, М., 1908, стр. 107; АП, т. IV, К., 1952, стр.

³ Древности Приднепровья, вып. III, К., 1900, табл. XI III, № 346.

⁴ О. И. Тереножкин, Курган бляя с. Глеваха, Археология, т. IX, К., 1954, стр. 80—96.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ БЛИЗ СМЕЛЫ в 1952 г.

А. И. ТЕРЕНОЖКИН

По поручению Института археологии АН УССР осенью 1952 г. автором были произведены археологические работы в районе г. Смели. Главной целью этих работ было изучение памятников предскифского, чернолесского этапа, выявленного исследованиями последних лет на днепровском Правобережье.

Смела пользуется большой известностью в археологии благодаря многолетним исследованиям А. А. Бобринского¹. Несмотря на некоторые методические недостатки как в проведении самих раскопок, так и в публикации их результатов, они сыграли значительную роль в развитии отечественной археологии. Основная масса из огромного количества раскопанных А. А. Бобринским курганов (более 500) относится к скифскому времени. Можно без преувеличения сказать, что наши знания раннего железного века на Правобережье и до сих пор продолжают в основном базироваться на результатах этих исследований.

Чтобы иметь возможность более уверенно пользоваться данными А. А. Бобринского, необходимо поставить дополнительные раскопки на некоторых важнейших курганных группах, частично раскопанных им. В связи с этим в ходе работ 1952 г. в районе Смели нас интересовал вопрос о современном состоянии этих курганных групп, в первую очередь обширнейших курганных могильников около с. Гуляй-Городка и на р. Тенетинке.

Нашей разведкой были охвачены следующие районы в окрестностях Смели: к западу от Смели по рр. Серебрянке, Балаклейке и Медянке до сел Старосельечко и Теклино; к востоку от Смели по Тясмину от с. Яблоновки до с. Лубенцы, обследованный в 1946 г. экспедицией П. Н. Третьякова², и среднее течение р. Тенетинки.

Разведки показали, что район Смели, несмотря на интенсивную распашку полей, и в настоящее время выделяется среди иных большим количеством отдельных курганов и курганных групп. Следует отметить, что все эти курганные группы, которые в свое время раскапывались А. А. Бобринским, сохранились сравнительно хорошо, например большая курганская группа, находящаяся в лесу около с. Старосельечко³. Неплохо сохранились также замечательные, но, к сожалению, распахиваемые могильники у с. Гуляй-Городка (вернее, близ Чубовки)⁴. Попытки отыскать в окрестностях этих могильников поселения скифского времени положительных результатов

¹ А. А. Бобринский, Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смели, тт. I—III, СПБ, 1887—1904; ИАК, в. 4; в. 14; в. 17; в. 20; в. 35; стр. 67 и сл.; в. 40, стр. 43 и сл.; в. 49, стр. 89 и сл.; в. 54, стр. 90 и сл.; в. 60, стр. 1 и сл.

² П. Третьяков, Звіт про археологічні дослідження 1946 р. в басейні річок Росі і Тясмина, АП, т. I, К., 1949, стр. 230.

³ А. А. Бобринский, Ук. соч., т. III, стр. 12—16.

⁴ Там же, стр. 41—48.

пока не дали. Лучше других сохранились особенно важные для изучения генезиса местной культуры скифского времени обширные курганные группы в лесу на р. Тенетинке¹. В сущности, они не изменили своего вида после раскопок А. А. Бобринского. По отчетливым глубоким ямам хорошо видно, какие курганы были раскопаны им, а какие остались неисследованными, чем сильно облегчается постановка дальнейших исследований этих групп.

Весьма интересно, что даже при беглом осмотре местности между данными курганными группами на р. Тенетинке, на крутом повороте дороги из Смелы в Каменку, удалось обнаружить остатки большого поселения раннескифского времени, к которому (как установлено исследованиями Е. Ф. Покровской)² относится основная масса курганов, раскопанных на Тенетинке А. А. Бобринским. Здесь встречаются обломки простых горшков с защипным валиком по краю и по плечику, чернолощеных корчаг с богатым резным и штампованным орнаментом, черпаков с высокими ручками — в общем, керамика жаботинского и чернолесского типа.

На обследованной территории было обнаружено еще несколько разновременных памятников. На правом берегу р. Медянки, непосредственно к югу от с. Теклина, открыто небольшое неукрепленное поселение чернолесского времени. К скифскому времени относятся остатки трех неукрепленных поселений. Одно находится над Ирдынем у южной подошвы Юровой горы, к северу от Смелы. Другое расположено на мысообразных выступах коренного берега р. Тясмина, между Смелой и с. Залевки. Третье поселение скифского времени, самое большое из числа вновь обнаруженных, находится над балкой, в которой расположено с. Лубенцы, близ Гайдамацкой горы.

На правом берегу р. Балаклейки в с. Старосельечко было обследовано маленькое городище великокняжеского времени, пробные раскопки на котором в свое время были произведены А. А. Бобринским. Среди случайных находок, добывших экспедицией, можно упомянуть два небольших полированных проушных топорика, происходящих из окрестностей с. Лубенцы и Старосельечко.

Из числа памятников чернолесского времени, известных уже в районе Смелы, нас, прежде всего, интересовало городище в с. Залевки, на котором П. Н. Третьяков в 1946 г. обнаружил остатки жилища, клад бронзовых вещей³ и другие культурные остатки чернолесского времени⁴.

Небольшие раскопки, осуществленные нами в центральной части Залевкинского городища, обнаружили незначительные культурные остатки чернолесского времени. В то же время здесь было открыто несколько различных по величине ям, заполненных землей и золой с обломками керамики зарубинецкого типа. Культурный слой за валом и рвом городища оказался сильно нарушенным и содержал в перемешанном виде культурные остатки чернолесской, скифской и зарубинецкой поры.

Вторым особо интересовавшим нас объектом являлось городище, расположенное на одном из мысообразных выступов правого коренного берега р. Тясмин между с. Головятым и Гуляй-Городом, впервые описанным П. Н. Третьяковым в 1946 г.⁵. В Киевском историческом музее хранится железный кинжал из с. Головятино с бронзовой рукояткой и крестовидным перекрестием, одинаковый с кинжалами из Каменномостного могильника на Северном Кавказе⁶.

¹ А. А. Бобринский, Ук. соч., т. II, стр. 62—112.

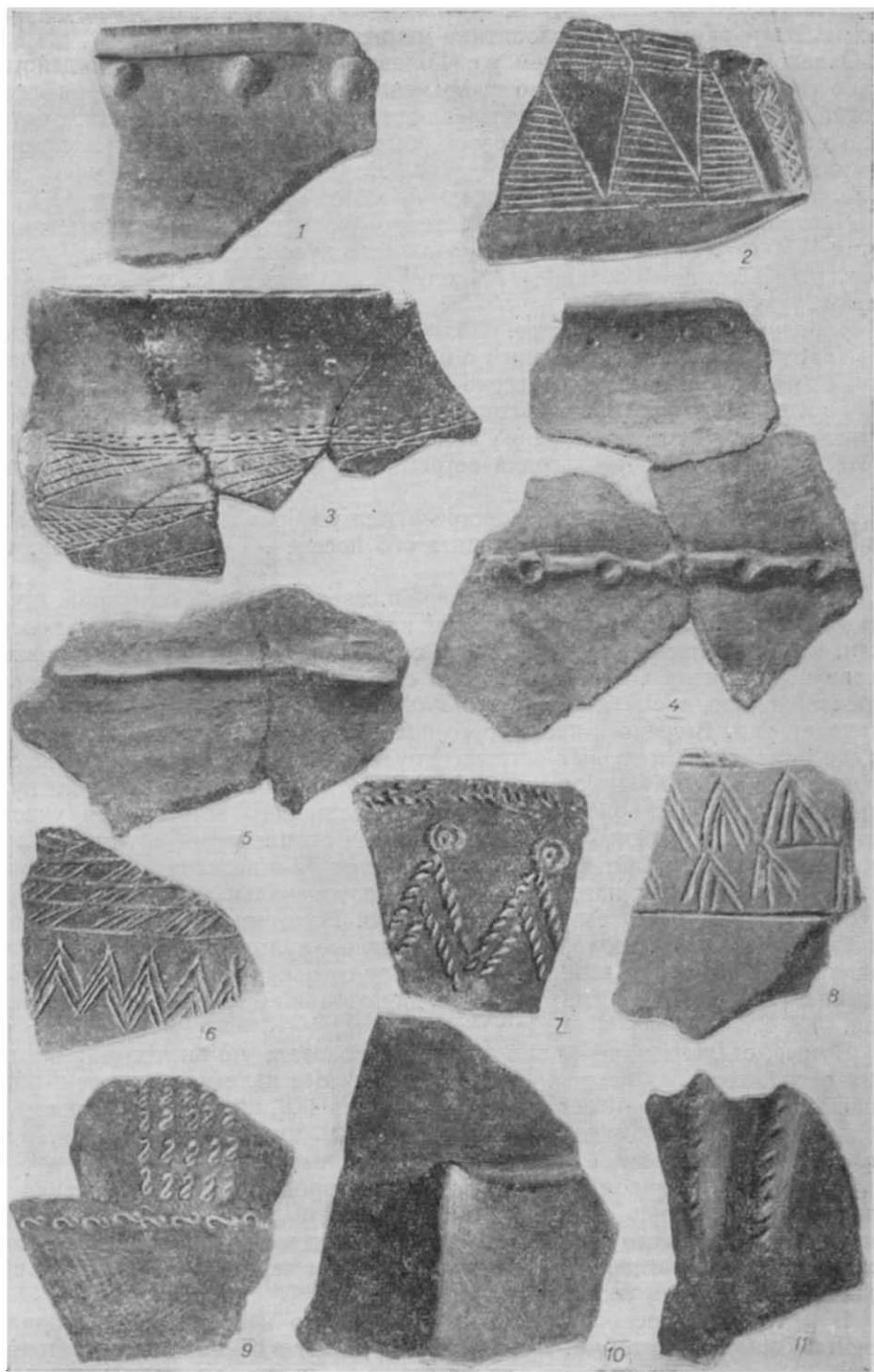
² Е. Ф. Покровська, Поселення VIII—VI ст. ст. до н. е. на Тясмині, Археологія, т. VII, К., 1952, стр. 55 и сл.

³ П. Третьяков, Ук. соч., стр. 228—232.

⁴ Е. Ф. Покровська, Ук. соч., стр. 44 и сл.

⁵ П. Третьяков, Ук. соч., стр. 236.

⁶ Е. И. Крупнов, Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г., Ученые записки научно-исследовательского Института Кабардинской АССР, в. V, Нальчик, 1950, стр. 263.

1—3 — обломки сосудов с поселения раннескифского времени близ урочища Шейнчина шпиля; 4—11 — обломки сосудов с городища чернолесского времени у с. Лубенцы. 1, 2, 6, 7 — $\frac{1}{2}$ н. в.; 3, 4, 5, 8, 9, 11 — $\frac{2}{3}$ н. в.; 10 — $\frac{1}{3}$ н. в.

Этот кинжал является единственным паспортизованным предметом подобного рода с территории УССР, в датировке которого предскифским временем не приходится сомневаться. К сожалению, подробных сведений об условиях находки кинжала из Головятина мы не имеем.

Ознакомление с городищем у с. Головятино показало, что оно действительно относится к чернолесскому времени, но культурный слой на самом городище очень беден. Остатки поселения этого же времени, но с более интенсивно насыщенным культурным слоем, были обнаружены нами на склонах холмов за чертой рва и вала этого крайне небольшого городища. Культурный слой прослеживается здесь на площади не менее 100 м в поперечнике.

Раскопки производились на Лубенецком городище, зарегистрированном нами в 1950 г.¹. Городище расположено около хутора с. Лубенец на правом берегу р. Жаботинки при впадении ее в Тясмин против Онуфриевского монастыря.

В плане городище круглое. Под него был использован край невысокого коренного берега, обведенный с напольной стороны широким глубоким рвом, а само городище было обнесено по краю кругом земляным валом. Диаметр городища внутри 100 м, высота его над поймой р. Жаботинки 8 м. Оно распахивается и не имеет никаких естественных или искусственных обнажений. На его поверхности изредка встречаются фрагменты керамики чернолесского времени.

На полях за рвом городища встречаются материальные остатки той же культуры, однако выяснить площадь этого поселения нам не удалось, так как поля находились под посевами.

Раскопки были произведены в южной и северной частях городища. Культурный слой, как выяснилось, залегает на глубине 20—60 см ниже поверхности. Он слабо насыщен культурными остатками и содержит в себе преимущественно разбитые кости домашних и отчасти диких животных. Керамики встречается мало, кроме того, она сильно фрагментирована, редко встречаются и другие вещи. В средней части городища есть места, почти не содержащие вообще никаких культурных остатков, пустые, ближе к берегу встречаются площади со смытым культурным слоем. Только у вала городища обычно культурный слой бывает более насыщенным. Вдоль него встречаются участки длиной 4—5, шириной 1,5—2 м со сплошными скоплениями крупных и мелких костей животных. Отмечались отдельные очаги и незначительные остатки глинобитных полов от наземных жилищ, первоначальные контуры которых не сохранились. Ям в грунте было немного. Некоторые из них заполнены землей, другие землей с золой и содержат обычные культурные остатки. Только в одной, кроме прочего материала (черепков от посуды и костей животных), оказались еще обломки глиняных форм для отливки браслетов субботовского типа.

Разрез, сделанный через вал городища, показал, что он насыпан из глины и песка, вынутых из рва. Наибольшая высота вала над уровнем погребенной почвы в сохранившейся части равняется 1 м, ширина 4 м. На его поверхности в небольшом количестве встречались культурные остатки, в том числе нижний и верхний камень от большой зернотерки.

Кроме того, за валом, на внешнем склоне городища, непосредственно под дерном, обнаружились скопления костей животных, подобные тем, которые отмечались и вдоль его внутренней стороны. Под валом в погребенной почве находились только отдельные кости животных и черепки посуды, попавшие туда еще до момента сооружения укреплений.

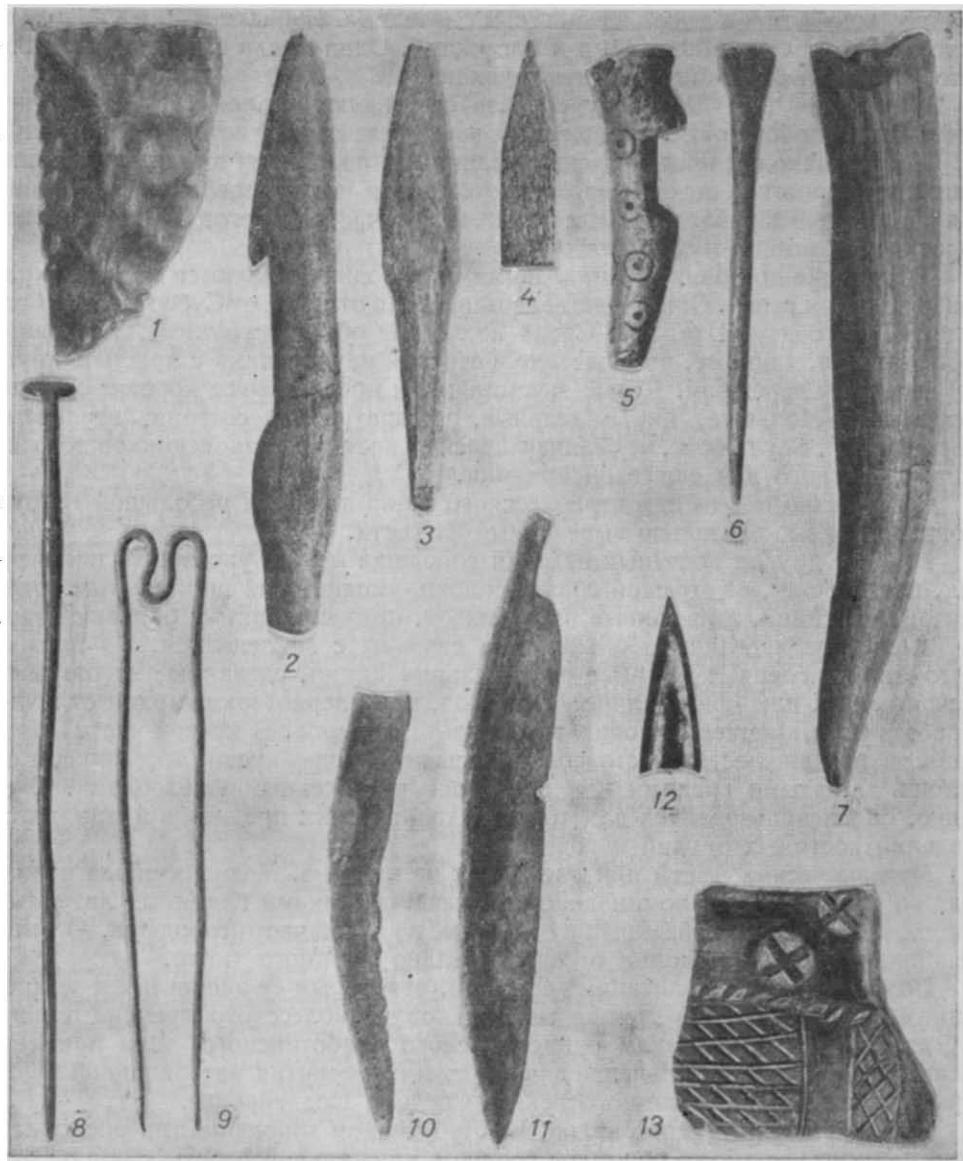
В результате раскопок устанавливается, что на городище находились наземные жилые постройки, которые дошли до нас в очень плохом состоянии;

¹ А. И. Тереножкин. Поселения и городища в бассейне р. Тясмина, КСИИМК, в. XLIII, 1952, стр. 88, рис. 26,5.

кухонные и прочие остатки сбрасывались к валу и даже за вал городища, в его ров.

Керамические материалы из раскопок, как отмечалось, сравнительно

Таблица II.

1—7 — Городище у с. Лубенцы: 1 — кремневый вкладыш для серпа; 2 — костяной гарпун; 3, 4 — костяные наконечники стрел; 5 — костяная поделка; 6 — костяная булавка; 7 — мотыга из рога оленя. Предметы с поселения близ с. Лубенцы (Гайдамацкое I): 8, 9 — бронзовые булавки, 10—11 — железный нож, 12 — бронзовый наконечник стрелы, 13 — обломок черпака с поселения близ с. Лубенцы (Гайдамацкое II). 1, 8—11 — $\frac{3}{4}$ н. в.; 2, 3, 16 — $\frac{2}{3}$ н. в.; 6, 7 — $\frac{1}{2}$ н. в.; 4, 5 — $\frac{4}{5}$ н. в.; 13 — н. в.

малочисленны и сильно фрагментированы. Они представлены формами чернолесских типов, обломками простых сосудов тюльпановидной формы, украшенных сквозными проколами по краю и защипным (изредка гладким) валиком по плечику сосуда. Лощеная керамика имеет черный, желтый и серый цвет. Она украшалась различным резным крупнозубчатым и мелкозубчатым орна-

ментом, иногда инкрустированным белой пастой. Встречаются обломки со- судов, украшенных сосковидными налепами и валиками. Интересны обломки от большого чернолощеного сосуда грушевидной формы, украшенного по плечикам четырьмя массивными выступами в виде клина.

Местное своеобразие в составе керамических форм сказалось в том, что количество обломков мисок здесь весьма невелико. Изредка миски украшены снаружи по краю каннелюрами и насечками. Одна миска снаружи была бо- гато украшена оттисками зубчатого чекана.

Еще более редкую группу сосудов составляют черпаки. Один из них имеет вид глубокой почти круглодонной чашки сленточной петельчатой ручкой.

Прочие находки представлены различными поделками из кости и камня. Длинные отростки рогов благородного оленя использовались постоянно для изготовления кайлообразных мотыг. Очень часто из рогов оленя делались короткие и длинные муфты для орудий.

Такими же постоянными находками на городище являются костяные на- конечники для стрел. Они представлены здесь, в отличие от Субботовского горо-дища, всего двумя типами. Среди них более обычны крупные, грубовато- обструганные, длинные, ромбические в сечении наконечники с простым круг- лым длинным черешком. Двумя экземплярами представлены хорошо отполи- рованные, небольшие, пирамidalные, квадратные в сечении, втулчатые наконечники, в сущности, не отличающиеся от костяных наконечников того же типа, известного для скифской археологии.

Совершенно новым для чернолесского этапа является небольшой гарпун с одним зубцом, тщательно вырезанный из кости.

В числе других костяных изделий городища можно упомянуть наконеч- ник, повидимому, от конской сбруи, сплошь украшенный циркульным орна- ментом, прядица, вырезанные из эпифизов, прямые длинные булавки и др.

Каменные изделия в большинстве связаны с земледелием. Это прежде всего многочисленные круглые растиральные камни, сделанные из плотных песчаниковых или кристаллических пород, реже зернотерки и один отлично обработанный кремневый концевой вкладыш от серпа. В южной части горо-дища в разных местах часто попадались небольшие куски песчаника, со сплошь затертymi гранями или с глубоко проточенными желобками. Очевидно, они использовались для точки металлических предметов и при изго- товлении костяных орудий и поделок.

Металлических вещей при раскопках не найдено. Меднолитейное про- изводство представлено упоминавшимися выше обломками глиняных литейных форм для браслетов, найденных в одной яме в южной части городища. Отсюда же происходят два обломка от сравнительно крупного тигля.

По богатству орнаментации керамики, некоторым ее элементам и компо- зициям это городище в группе памятников чернолесского времени ближе других стоит к памятникам раннескифского (жаботинского) типа и имеет, таким образом, важное значение для понимания развития материальной куль- туры племен начала железного века в Среднем Поднепровье.

Кроме описанных материалов, на Лубенецком городище при раскопках было найдено несколько обломков горшков кружальной работы с волнистым орнаментом и железный нож VIII—IX вв. н. э.

Раскопками на поселении скифского времени около Гайдамацкой горы за южной окольцей с. Лубенцы добыт небольшой материал: обломки горшков с защищенным валиком, ямками и проколами по краю мисок и черпаков, характерных для конца VI—V вв. до н. э.¹, два железных ножа, конец серпа с зубчатым лезвием, бронзовые треугольные наконечники стрел со скрытой втулкой, бронзовую булавку, железную булавку с загнутым концом, брон- зовые шпильки и круглая серьга одинаковая с шарповскими, антропоморф- ная глиняная фигурка в виде короткого столбика.

¹ Сравн. И. В. Фабрициус, Тяминська експедиція 1947 р., АП, т. IV, К., 1952, стр. 21 и сл.

ЗАКАВКАЗСКИЕ УДИЛА, НАЙДЕННЫЕ НА ПОЛТАВЩИНЕ

Г. Т. ТИТЕНКО

В собрании скифского отдела Киевского исторического музея хранится очень интересный экземпляр бронзовых удил. Удила найдены в кургане у г. Лубны, Полтавской области, вблизи Мгарского монастыря, в окрестностях которого в начале текущего столетия были произведены кладоискательские раскопки. Удила эти попали к гражданику Пустовойтенко, которая передала их в Киевский исторический музей в 1949 г.¹.

Удила бронзовые (рис. 1) состоят из двух мундштуков, отлитых вместе с псалиями. Стержень мундштука, круглый в сечении, имеет по ряду пирамидально-острых выступов-шипов, местами стертых при употреблении. Псалии одинаковые, в виде дугообразно изогнутого стержня, заканчивающегося с одной стороны валиком и шишечкой, а с другой — хорошо моделированной нижней частью ноги лошади с копытом. В середине псалия находится петля, служившая для продевания повода; с обеих сторон петли на стержне псалия имеется два отверстия, служившие для продевания ремней, скреплявших удила с уздечкой. Сохранность удил хорошая. Поверхность их частично покрыта окислом.

Удила описанного типа не являются единственной находкой на территории лесостепной Украины. Кроме них известны еще двое таких же удил, хранящихся в Киевском историческом музее, к сожалению без указания места их находки. Одни удила были переданы в музей после революции в составе коллекции Темницкого². Они полностью повторяют лубенские (рис. 2). Другие³ в деталях несколько отличаются от первых (рис. 3). Стержни псалиев менее изогнуты, оба конца заканчиваются изображениями копыта и вместо отверстий на стержне, которые мы видим на лубенском экземпляре и в удилах из коллекции Темницкого, здесь имеем две внешние петли.

Тип удил с неподвижными псалиями широко распространен вне территории Украины, главным образом в Закавказье — в Грузии и Азербайджане; отдельные находки известны на Переднем Востоке (Египет, Нимруд)⁴, в Греции (Афины)⁵, Болгарии (Олинф)⁶ (рис. 4).

Удила, найденные на территории Переднего Востока, отличаются от лубенских наличием кольца в центре удил, соединяющего обе части, и тем, что у них нет копытообразных украшений на концах.

Лубенские удила аналогичны удилам, найденным в пределах Грузии и Азербайджана.

¹ Инвентарный № Б 611.

² Инвентарный № Б 1281.

³ Инвентарный № Б 343.

⁴ Б. А. Кутфтин, Археологические раскопки в Триалети, Тбилиси, 1941, стр. 62 рис. 586.

⁵ Там же, стр. 61, рис. 58а.

⁶ M. Robinson, Excavations at Olynthus, Part. X, Metal and minor miscellaneous Finds, London, 1941, pl. CLXII, CLXIII.

Подобно лубенским, они имеют неподвижные, согнутые под углом псалии, заканчивающиеся на одном конце лошадиным копытом, а на другом — валиком с шишечкой, и острые шипы на мундштуках. Датируются VII в. до н. э.¹.

С территории украинской Лесостепи происходят еще два экземпляра удил, являющихся вариантом данного типа: из кургана № 376 с. Константиновка,

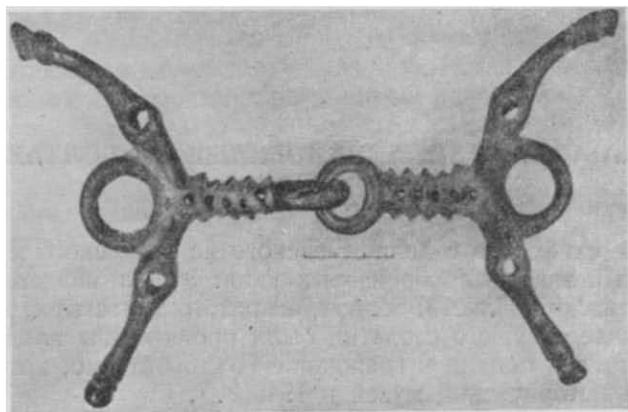

Рис. 1. Бронзовые удила из Лубен. Киевский исторический музей.

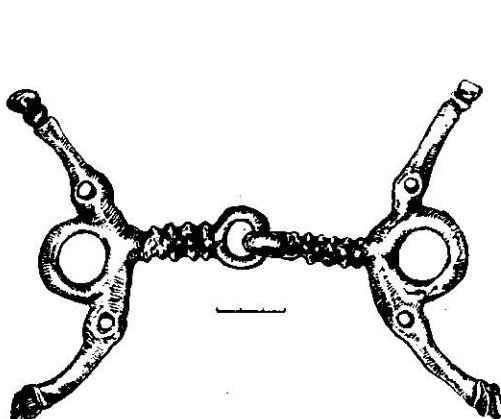

Рис. 2.

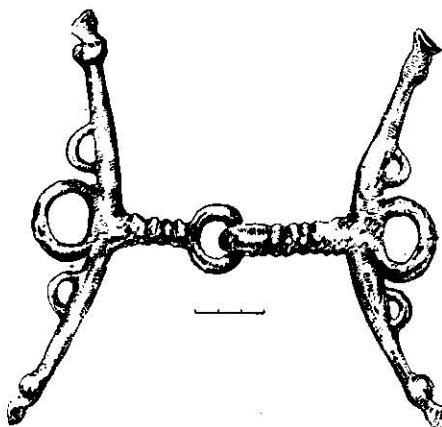

Рис. 3.

Бронзовые удила из коллекции Темницкого. Киевский исторический музей.

Смелянского района, Киевской области, из раскопок А. А. Бобринского², а также удила, хранящиеся в коллекции Кировоградского музея³ (рис. 5). Найдены они в Кировоградской области.

Подобно лубенским, псалии у них отлиты вместе с удилами, но форма последних несколько иная. Псалии их так же изогнуты, но один конец расплющен в виде лопатки, а другой заканчивается гвоздевидной шляпкой. Мундштук удил круглый, в сечении с двойным рядом зубчиков, имитирующих

¹ Б. А. Кутин, Ук. соч., стр. 62.

² Отчет о раскопках А. А. Бобринского в Черкасском и Чигиринском уезде, Киевской губ., в 1901 г., ИАК, в. 4, стр. 32—33, рис. 7.

³ Инвентарный № 750.

шипы. Аналогичные удила известны из кургана № 2 (погребение № 1) у с. Енджи¹ (рис. 6) в Северной Болгарии, где сопровождаются комплексом бронзовых стрел VII—VI вв. до н. э. Болгарские удила, подобно Кировоградским, состоят из двух почти цилиндрических частей, имеющих с одной стороны на мундштуке удил поперечные нарезы. Псаллии на одном конце заканчиваются гвоздевидной шляпкой, противоположный конец несколько расши-

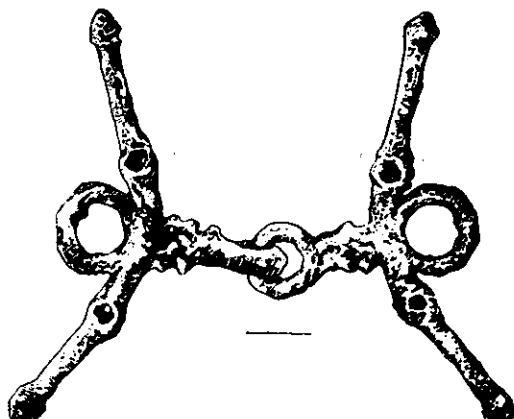

Рис. 4. Бронзовые удила из Олинфа (Болгария).

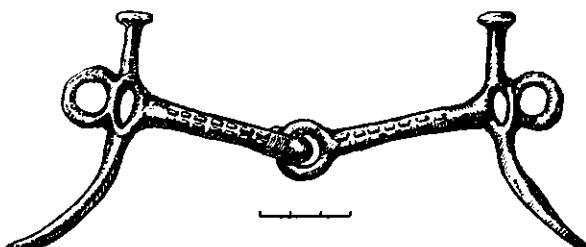

Рис. 5. Бронзовые удила Кировоградского музея.

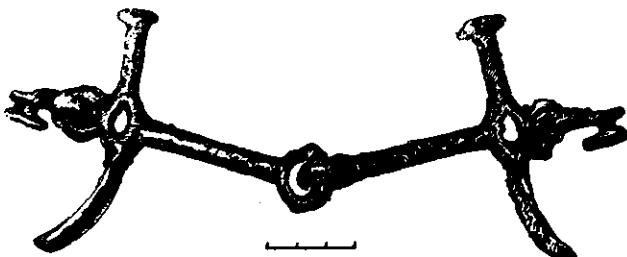

Рис. 6. Бронзовые удила из кургана № 2 у с. Енджи (Болгария).

рен и расплющен. В отличие от кировоградских, эти удила усложнены еще подвесками в виде круглого щитка на изогнутом стержне, заканчивающегося кольцом, которое вдето в наружную петлю удил. Такие же подвески мы встречаем на удилах кобанского типа, находимых в курганах правобережной Лесо-

¹ Р. Попов. Могильните гробове при с. Эндже, Известия на Болгарския археологически институт, София, 1932, т. VI, стр. 97—107, рис. 88.

степи¹. Встречаются они на Кавказе (Кобань)² и в двух случаях известны на Дону³.

Неподвижность псалиев, их форма, наличие острых шипов на стержне, что является характерным для удил Древнего Востока и Кавказа, отличает их от удил, известных на территории Украины, и сближает с удилами закавказскими. Если учесть, что на территории Украины в это время широкое распространение получает другой тип удил — с подвижными псалиями, т. е. псалиями, прикрепляющимися к стержню удил с помощью ремней (это бронзовые удила кобанского типа, сочетающиеся с бронзовыми псалиями с тремя внешними петлями, а также удила с отверстиями в виде стремянки, встречающиеся вместе с бронзовыми псалиями с тремя отверстиями и костяными псалиями, орнаментированными в скифском зверином стиле), то кавказское происхождение этого типа удил, в том числе и лубенских, покажется наиболее вероятным.

Факт находки удил с неподвижными псалиями на территории Украины расширяет наше представление о связях лесостепных племен в начале скифского периода⁴, которые устанавливались путем обмена или осуществлялись непосредственно участниками походов скифских племен в Переднюю Азию через Кавказ на протяжении VII—VI вв. до н. э.

Особый интерес лубенской находки заключается в том, что она свидетельствует о проникновении закавказских вещей в Посулье, для которого памятники подобного рода VII—VI вв. до н. э. до сих пор мало известны.

¹ Курган 375 с. Константиновка, случайная находка из с. Жаботин, из кургана у с. Мошны, приобретенные Хвойко, с. Яблуновка (из Киевского исторического музея).

² Ernest Chantre, *Recherches anthropologiques dans le Caucase*, Paris — Lyon, 1886, т. II. Атлас тб. XXX.

³ Изв. № 1126 из Новочеркасского музея. Найдены на огороде под Новочеркасском; другой на р. Тихой, приток Дона (Труды XIII АС, т. IV, табл. LXXXIII).

⁴ А. А. Иессен, Греческая колонизация Северного Причерноморья, Л., 1947, стр. 25 и сл.

ПОГРЕБЕНИЕ КИММЕРИЙСКОГО ВРЕМЕНИ НА ТИЛИГУЛЬСКОМ ЛИМАНЕ

Э. А. СЫМОНОВИЧ

(Москва)

В последние годы внимание советских исследователей привлекли древние каменные изваяния, изображающие человеческие фигуры, обнаруженные при раскопках Тиритаки в кладке V в. до н. э.¹. Это помогло по-новому подойти к находкам стел, сделанным Г. Л. Скадовским еще в конце XIX в. в курганах Белозерки около Херсона². Один из дальнейших шагов по пути изучения этого типа изваяний позволяют сделать работы в с. Капустино на Тилигульском лимане, где была найдена стела аналогичного типа непосредственно над связанным с ней погребением.

Буго-Днепровской экспедицией Института археологии АН УССР в 1950 г. было предпринято разведочное обследование берегов Тилигульского лимана, лежащего на границе Николаевской и Одесской областей³. В результате обследования был обнаружен ряд памятников разного времени и собран значительный археологический материал. О существовании памятников эпохи поздней бронзы на берегах Тилигульского лимана издавна было известно по находке Коблевского клада, датируемого рубежом или началом I тысячелетия до н. э.⁴. Разведка 1950 г. обнаружила здесь и другие находки додревесского периода.

На поселениях эпохи бронзы у с. Тышковка и Ташино был собран большой подъемный материал.

Неподалеку от с. Тышковка на распаханном поселении, расположенном на высоком обрывистом берегу, собраны обломки стенок сосудов, украшенных параллельными рядами ногтевого орнамента (рис. 1,5). Иногда сосуд опоясывал простой гладкий валик или валик с насечками и вдавлениями (рис. 1,4), которые встречаются и позднее на скифской посуде. На обоих поселениях обнаружена грубая лепная посуда неравномерного обжига со штрихованной поверхностью и полностью отсутствует лощеная керамика. Представляется возможным обратить внимание на эти находки в связи с обнаружением погребения киммерийского времени. Оно было исследовано экспедицией в с. Капустино, расположенным на левом берегу лимана в 12 км от моря.

¹ В. Ф. Гайдукевич, Боспорские города Тиритака и Мирмекий, ВДИ, 1937, № 1, стр. 219—220; Т. Н. Книпович и Л. М. Славин, Раскопки юго-западной части Тиритаки, МИА, 4, 1941.

² Г. Л. Скадовский, Белозерское городище, Херсонского уезда, Белозерской волости, и соседние городища и курганы между низовьем р. Ингульца и началом Днепровского лимана, Труды VIII АС, т. III, М., 1897, стр. 75—160, табл. VII—VIII.

³ Начальник экспедиции чл.-корр. АН УССР Л. М. Славин. Работы проводились отрядом экспедиции под руководством автора.

⁴ А. А. Иессен, Греческая колонизация Северного Причерноморья, Л., 1947, стр. 27.

При работах на приусадебном участке в с. Капустино колхозник Москаленко обнаружил каменную известняковую плиту. Сняв плиту и углубившись на 0,45—0,5 м от современной поверхности, он встретил человеческие кости, среди которых его внимание привлек череп небольших размеров. Хозяин усадьбы забросал яму, а камень оставил на поверхности.

Как удалось установить раскопками, была разрушена только часть погребения. Много костей при этом было выброшено и они не сохранились. Оставшиеся на месте кости ног, обломки таза, локтевые и лучевые кости, э

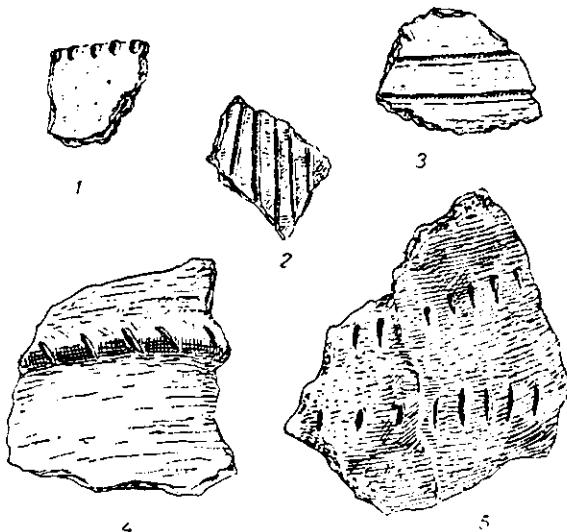

Рис. 1. Керамика из поселения близ с. Тышковка.
Около $\frac{1}{2}$ н. в.

также углубление на месте, где был череп, позволили установить позу погребенного. Он лежал в скорченном положении, на левом боку, с притянутыми к лицу руками и был ориентирован головой на восток. На месте верхней части туловища погребенного был насыпан слой золы. Ниже его ног лежал камень (13×6 см).

Скелет был обнаружен в небольшой яме прямоугольной формы с закругленными углами. Приблизительные размеры ямы, по сохранившейся части — $1,1 \times 1,5 \times 0,75$ м (рис. 2).

Над погребением, как свидетельствует т. Москаленко, и лежала каменная плита трапециевидной формы размером $0,92 \times 0,53$ м в широкой и $0,33$ м в узкой части. Обработка подверглась только ее верхняя часть. Плита представляла собой схематическое изображение женщины (?). Между хорошо обработанными широкими плечами полукруглым выступом выделялась голова, на которой ямками были намечены глаза, нос и рот; бороздки, очерчивающие подбородок, сходились под острым углом. Овальной выпуклостью были показаны грудь и живот. Небольшая ямка ниже выпуклости, возможно, указывала на пол погребенного (рис. 3). Над погребением, повидимому, имелась небольшая насыпь, уничтоженная земледельческими работами. Небольшие размеры костяка (длина около 1,4 м) позволяют предположить, что мы имеем дело с погребением подростка. Плохая сохранность костей и отсутствие многих частей скелета не позволяют сделать более точное определение возраста и пола.

До недавнего времени находки антропоморфных стел в какой-то мере близкого типа в сочетании с погребениями, зафиксированными археологическими раскопками, известны были только в одном случае. Мы имеем в виду упомянутые уже раскопки Г. Л. Скадовского в районе с. Белозерка около Херсона в 1889 г. Необработанные камни и каменные плиты в могилах бело-

зерской курганной группы встречаются весьма часто. Большие камни и плиты, непосредственно связанные с погребениями, отмечены Г. Л. Скадовским в пяти курганах (№ 20, 29, 32, 50, 52). Курганы № 20, 29 и 32 расположены в отдалении друг от друга, а курганы № 50 и 52 входят в одну курганную группу.

Среди погребений можно выделить две группы. Для первой характерны скорченные погребения на спине, ориентированные на юго-запад или иногда на северо-восток (курган № 20). Эти погребения почти лишены инвентаря. Костяки обильно посыпаны красной, а иногда и белой краской. Повидимому, все погребения данной группы являются основными и древнейшими. Об этом свидетельствует центральное или почти центральное положение могильной ямы и глубина залегания (пятый—седьмой слой по Скадовскому).

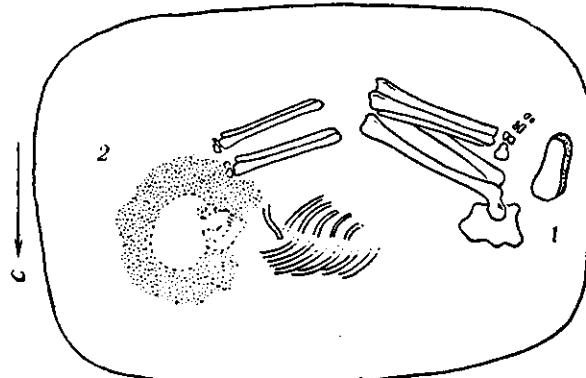

Рис. 2. План погребения в с. Капустино; 1—камень, 2—зола.

Каменные плиты над могилами такого рода иногда сдвоенные (?) (курган № 52, могила 2), строены (курганы: № 20, могила 1; № 29, могила 1) и уложены в ряд над погребением. В форме некоторых плит видны попытки древнего мастера придать им антропоморфные черты (например, центральная трапециевидная плита над погребением в кургане № 29, плиты в кургане № 52).

На изданных Г. Л. Скадовским таблицах с антропоморфными стелами из кургана № 52 отчетливо видна плита, сужающаяся к почти заостренному основанию, снабженная выступом посередине верхней части, подобно плите из с. Капустино¹. Хотя размеры камня и не указаны, но, сопоставляя на фотографии плиту с окружающими предметами, можно предположить, что длина ее не превышала 1,5 м. Были ли намечены на плите черты лица, как на стеле из с. Капустино, сказать трудно, но, вероятно, исследователь обратил бы на них внимание, если бы они были обозначены. Фотографии также показывают полное отсутствие на плите следов изображения лица.

В могильной яме под этой плитой были вскрыты два костяка, ориентированные головами на юг. Один из них, принадлежавший, по мнению Г. Л. Скадовского, подростку, лежал на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками, одна нога была согнута, кости другой сдвинуты с места. Рядом с этим скелетом находился второй, принадлежащий ребенку двухлетнего возраста. Кости ног детского скелета упирались в тазовые кости первого. Оба скелета окрашены красной краской.

Над другим погребением, обнаруженным на ЮЗ от центра этого кургана, лежали две плиты, обработанные в форме правильных вытянутых прямоугольников, из которых одна имела такой же выступ, напоминающий голову, как и плита под описанным выше погребением. Нижний конец ее был несколько сужен и закруглен. Другая плита, гораздо больших размеров, почти строго прямоугольной формы со сглаженными углами, лишь слегка суживалась книзу. Под плитами, в могильной яме почти квадратной формы глубиной

¹ Г. Л. Скадовский, Там же, табл. VII, 2, табл. VIII, а также рис. 71.

0,7 м находились остатки совершенно истлевшего костяка, положение которого определить было невозможно.

К другой группе относятся погребения, в которых костяки, ориентированные на восток или, в отдельных случаях, на запад, лежат в той же позе, что и в первой группе — на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками и подогнутыми ногами (погребение в кургане № 50). В одном случае ноги были

вытянуты (одно из погребений в кургане № 29, 1). С этими погребениями в кургане № 50 связаны находки горшка, скорлупы яиц, хремневого наконечника копья, маленьких камней — дикарей¹ и кремневого нуклеуса в кургане № 29². В них покойник иногда был обставлен небольшими камнями или плитами. Могилы этого типа также находились на большой глубине, но, как правило, не в центре кургана.

В могильных плитах над погребениями второго типа нет никаких признаков скульптурного воспроизведения.

Обзор характерных черт погребального обряда древних могил, сопровождаемых каменными плитами и антропоморфными изваяниями, обнаруженными в районе Белозерки, не позволяет усматривать здесь прямых аналогий находке в с. Капустино. Сравнивая стелы из с. Капустино и курганов Белозерки, мы также не усматриваем между ними большого сходства. Стелу из с. Капустино отличает лучшая моделировка верхней части плиты и отчетливо обозначенное лицо. По нашему мнению, она была установлена вертикально, чего нельзя утверждать о большинстве каменных плит над погребениями в Белозерке.

Рис. 3. Каменная плита, находившаяся над погребением. Около 1/8 н. в.

Больше черт сходства с захоронением в с. Капустино мы находим в крымских погребениях, V—IV в. до н. э., раскопанных Г. Д. Беловым под Херсонесом. Костяки в этих погребениях ориентированы на восток и уложены на бок в скорченном положении с поднятыми к лицу руками. Часто погребенного посыпали золой с углеми. В устройстве могилы применяются камни. На поверхности над погребениями устанавливались антропоморфные надгробия из известняковых плит, которым придавалась форма головы или бюста.

Наряду с единичными погребениями, сопровождаемыми вещами, в большинстве случаев захоронения не имеют инвентаря³. Ориентировка могил на восток, посыпание скорченного костяка золой и углеми, отсутствие инвен-

¹ Г. Скадовский. Там же, стр. 155—157.

² Там же, стр. 140.

³ Г. Д. Белов. Некрополь Херсонеса классической эпохи, СА, XIII, 1950, стр. 275—278.

таря в большинстве захоронений сближают обряд херсонесских погребений с находкой в с. Капустино..

Однако, несмотря на установленное нами сходство, нельзя игнорировать и черт различия между рассматриваемыми памятниками. Стела, найденная в с. Капустино, по своему характеру значительно отличается от херсонесских надгробий¹. Кроме того, погребение в с. Капустино не обставлено камнями, как и могила под Херсонесом.

Впрочем, эти различия не могут быть решающими, так как упомянутая находка камыш-бурунских стел в кладке Тиритаки свидетельствует, что в Крыму, наряду с погребениями, характерными для херсонесского некрополя, вероятно, существовали и более древние захоронения, сопровождаемые изваяниями, близкими к капустинскому.

Вопрос о датировке антропоморфных стел Белозерки, Капустина и Тиритаки (Камыш-Бурун) становится более ясным при типологическом их со-поставлении. Стелы из Белозерки отличаются наибольшей схематичностью, и, кроме того, связаны с центральными глубокими подкурганными захоронениями, которые можно отнести к древнейшей группе. Типичная ориентировка погребений на юг и юго-запад сближает их с катакомбными памятниками Донца². Древность подтверждается и тем, что под стелой (курган № 52) находилось совместное захоронение, вероятно, матери с двухгодовалым ребенком, что характерно для эпохи бронзы степной части Украины³. Поэтому можно считать справедливым мнение П. Н. Шульца о том, что стелы Белозерки являются древнейшими из рассматриваемых⁴.

Антропоморфное изваяние из с. Капустино очень сходно с тиритакскими стелами⁵, а некоторые несущественные отличия могут быть, как нам кажется, объяснены сравнительно легко. Например, размеры мужского изваяния из Тиритаки почти на 50, а женского на 35 см превышают длину стелы из с. Капустино. Однако это может быть связано с тем, что под нашей стелой был похоронен не взрослый человек, а подросток. Отсутствие рук на стеле, возможно, подчеркивало несамостоятельность члена рода, не достигшего совершенолетия. Тем не менее, моделировка плеч изваяния предполагает, что изображен человек с руками,ложенными на грудь, как у камыш-бурунских стел. Такая же поза характерна, по мнению С. Н. Бибикова, и для многих трипольских глиняных статуэток, снабженных вместо рук выступами на плечах. Сравнение последних со стелами из с. Капустино и Тиритаки дает возможность проследить традицию такого рода изображений. Отсюда, чрезвычайно интересным представляется тот факт, что поза изваяния не соответствует положению погребенного. Возможно, что это отражает два этапа идеологических представлений.

Среди надгробий херсонесского некрополя, датирующегося V—IV вв. до н. э., нет близких аналогий тиритакским стелам. В то же время наиболее близкие находки стел из Капустино происходят из Тиритака. Однако там их уже в V в. до н. э. использовали как строительный материал. Поэтому, вероятнее всего предположить, что антропоморфные стелы Тиритаки и Капустина датируются более ранним временем примерно первой половиной I тысячелетия до н. э.

¹ О возможности проследить генетическую связь между антропоморфными стелами и херсонесскими надгробиями, см. А. П. Иванова, Бесспорские антропоморфные надгробия, СА, XIII, 1950, стр. 246.

² В. А. Гороцков, Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии, Труды VIII АС, т. I, 1907, стр. 222.

³ М. И. Артамонов, Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками, ПИДО, 7—8, 1934, стр. 115, 118; А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий, Родовое общество степей Восточной Европы, ИГАИМК, в. 119, 1935, стр. 144.

⁴ Информация о докладе П. Н. Шульца на сессии Ученого совета ИИМК см. Н. Т. Кругликова, ВДИ, № 3, 1946, стр. 235.

⁵ Стелы над разрушенными погребениями из Белогрудовки на Уманщине, из Натальевки на Днепропетровщине и в Гаманджии (Румыния), как и древние антропоморфные изображения Западной Европы, представляются нам имеющими еще более значительные различия с находкой в с. Капустино, и мы на них не останавливаемся.

ВОЙЦЕХОВСКОЕ ПОЗДНЕТРИПОЛЬСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Е. Ф. ЛАГОДОВСКАЯ

В 1924 г. С. С. Гамченко совместно с И. Ф. Левицким производили археологические исследования по р. Случи в с. Колодяжное, Дзержинского района, Житомирской области, и его окрестностях¹. При раскопках курганов первого могильника, вблизи с. Войцеховка (совр. с. Колосовка)², датируемого средним периодом бронзы, были обнаружены вещественные остатки (керамика красного цвета, обломки антропоморфных фигурок, куски печины), которые не могли быть увязаны с находками в погребениях. С. С. Гамченко считал их принадлежащими к трипольской культуре.

Желая в полевых условиях выяснить причины нахождения в курганах этих трипольских остатков, С. С. Гамченко в 1926 г. продолжил исследования раскопанных курганов³ и пришел к выводу, что могильник был насыпан на месте трипольского поселения, залегание остатков которого было связано с верхним слоем лессовидного суглинка. При сооружении курганов, трипольская керамика и другие вещественные остатки этого поселения попадали в их насыпь.

Трипольская культура на территории Волыни была открыта лишь в 1924 г. исследованиями С. С. Гамченко. Он считал, что находки эти еще недостаточно характерны по сравнению с находками Киевщины, Подолии, Бессарабии, но, вместе с тем, позволяют утверждать, что эта культура здесь найдена и специальные раскопки точек по р. Случи дадут ценный материал.

Дальнейшие его раскопки в 1926—1927 гг., а также работы Волыно-Подольской экспедиции Института археологии АН УССР в 1948—1949 гг., работавшей под руководством В. К. Gonчарова, обнаружили ряд трипольских поселений по р. Случи на сравнительно небольшом участке между селом Новая Чортория и Новым Миropольем.

Сам того не осознавая С. С. Гамченко, как в свое время это сделал В. В. Хвойка, выделил позднетрипольские находки среди памятников развитого триполья. Понимание позднего этапа развития триполья для лесостепной полосы Украины пришло несколько позднее, в связи с исследованиями Городска (1936—1937, 1939 гг.) и других аналогичных ему поселений и большой теоретической работы, проделанной по вопросу периодизации трипольской культуры⁴.

В 1949 г. Институтом археологии АН УССР были продолжены раскопки Войцеховского могильника⁵. Некоторые из курганов вновь дали находки

¹ О. Лагодовська, Войцехівський могильник бронзової доби на Волині, Археологія, т. II, К., 1948, стр. 62—77.

² По существующему административному делению, могильник находится на земле с. Колодяжное, но ближайшим населенным пунктом является с. Войцеховка (совр. с. Колосовка), по названию которого С. С. Гамченко обозначил могильник.

³ В этих исследованиях принимал участие также и автор настоящего сообщения.

⁴ Т. С. Пасек, Периодизация трипольских поселений, МИА, № 10, М., 1949.

⁵ В составе Волыно-Подольской экспедиции был организован отряд по изучению памятников бронзы. В него входили: Е. Ф. Лагодовская, Ю. Н. Захарук, П. И. Завада.

трипольского типа. Сделанные нами наблюдения подтвердили выводы С. С. Гамченко об условиях залегания трипольского культурного слоя. Раскопки дали возможность в полевых условиях также убедиться в том, что разрозненные фрагменты керамики с примесью кварца и песка, аналогичные найденной в Городске и на других позднетрипольских поселениях, которые С. С. Гамченко в свое время считал связанными с погребениями в курганах, не принадлежат к ним¹.

Выходы трипольского культурного слоя прослеживались не во всех курганах (рис. 1). Они по преимуществу сосредоточивались в северо-восточной части могильника (курганы № 2, 4, 7, 8, 9). В кургане № 4 были найдены куски печины, представлявшие остатки разрушенных наземных жилищ. Они залегали на глубине 0,25—0,55 м от современного горизонта, но больших скоплений печины не обнаружено. Эти обстоятельства, а также тот факт, что керамика и антропоморфные статуэтки были в очень фрагментированном состоянии, с окатанными гранями, дают основание допускать, что место поселения в течение долгого времени находилось в открытом виде и подверглось разрушению.

Остатки трипольского культурного слоя были представлены фрагментами керамики, кремневыми изделиями и другими каменными орудиями, пряслицами и обломками антропоморфных статуэток.

Основная масса фрагментов керамики имеет желтовато-серый цвет. Керамическое тесто — с примесью песка и кварца. Орнамент состоит из горизонтального отпечатка веревочки, опоясывающего сосуд у основания шейки, или небольших углублений, сочетающихся с рельефными конусовидными шишеками, расположеннымными в том же месте (рис. 2). Керамика этого типа характерна для поздних трипольских поселений лесостепной полосы Правобережья Украины.

Вторую группу составляет керамика красного цвета, хорошо обожженная, из хорошо отмученной глины, с мажущейся поверхностью. Количественно эта группа значительно меньше.

Трипольская посуда кухонного типа с примесью толченых ракушек в керамическом тесте и с полосчатым выглаживанием поверхности представлена одним сосудом, найденным в очень фрагментированном состоянии у края кургана № 16.

В значительном количестве были найдены отщепы кремня, обломки небольших кремневых пластин с ретушью, обломки скребков и др. Надо полагать, что все эти находки, поскольку они найдены вне погребений, должны быть увязаны с позднетрипольским культурным слоем, чему не противоречит и их характер. Типичными являются и кремневые топоры. Один из них представляет небольшой массивный, отесанный клин, прямоугольный в сечении, с широким обухом, со слегка выпуклыми широкими гранями (рис. 3,1). Топор обломан у лезвия и был вторично использован, судя по характерной забитости края. Его размеры: длина 7,2, ширина лезвия 4, ширина обуха 3, толщина обуха 1,4 см. Второй экземпляр представлен клиновидным не-

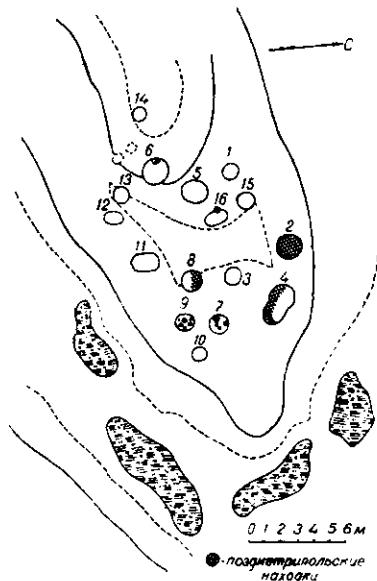

Рис. 1. План Войцеховского курганного могильника.

¹ С. С. Гамченко, стараясь показать, что отдельные фрагменты этой керамики объединяются в группы сосудов, связанные с погребениями, искусственно конструировал «сфериолы» керамики. Раскопки 1949 г. не подтвердили его предположений.

большим топориком с широким обухом, прямоугольным в сечении, с заполировкой (рис. 3,2). В верхней его части есть следы сколов, которые идут от обушка и являются свидетельством того, что по нему наносились удары. Возможно, что орудие это имело значение долотца. Размеры: длина 5,5, ширина обуха 2,1, ширина лезвия 3 см. Кроме того, был еще обнаружен небольшой кварцитовый пестик неправильной цилиндрической формы, один конец его сломан. Размеры: 8,3 × 4 × 3,7 см.

Среди находок имеется большое количество прядильц, обычных для позднетрипольских поселений.

Найдены также глиняные антропоморфные статуэтки, по своему типу хорошо известные для позднего триполя. Все статуэтки сильно фрагменти-

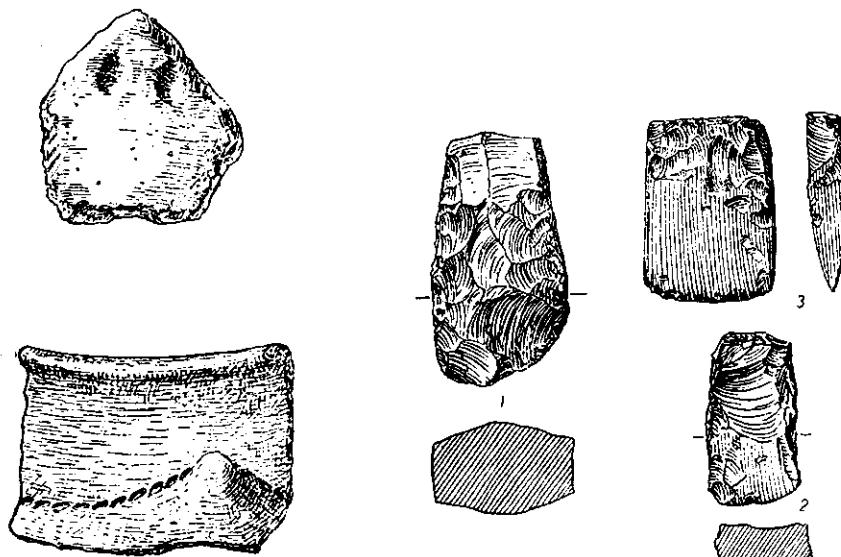

Рис. 2. Керамика. 2/2 н. в.

Рис. 3. Кремневые топоры: 1—с отеской; 2—с отеской и зашлифованным лезвием; 3 — зашлифованный сломанный топорик.

1/2 н. в.

рованы и представлены обломками плоских торсов с оттянутыми плечами, головками, со сделанными защипом носами и проколами по окружности. На нескольких статуэтках с плечей на грудь опускаются две врезанные линии, которые идут под углом, но не соединяются (рис. 4). Глина, из которой сделаны эти фигурки, серовато-желтого цвета и того же качества, что и в посуде, жесткая на ощупь, с примесью песка.

Все перечисленные находки характерны для позднетрипольских поселений южной окраины Полесья и дают основание датировать Войцеховское поселение этим временем. Возможно, хронологически оно должно находиться между позднетрипольским поселением в с. Колодяжное и поселением в с. Городск. С первым его сближают топографические данные. Войцеховское поселение располагается на пологом склоне возвышенности, плавно спускающейся к р. Случи, в противоположность поселению в с. Городск, находящемуся на высоком мысу. Кроме того, найденный в кургане № 16 сосуд кухонного типа свидетельствует о бытовании здесь еще той керамики, которая на этапе Городска уже исчезает.

Интерес описанного памятника не исчерпывается, однако, этой его характеристикой. При раскопках кургана № 8, в верхнем слое суглинка, наряду с трипольскими находками имелись три фрагмента керамики типа, обычного для памятников мегалитической культуры так называемых каменных ящиков

Волыни. Как известно, здесь же, к югу от с. Войцеховки (Колосовки), в 1924 г. И. Ф. Левицким и С. С. Гамченко были открыты две каменные гробницы¹.

В другом кургане (№ 15) также был обнаружен мегалитический комплекс, перекрытый насыпью этого кургана. Таким образом, на этом поле уже известно несколько находок памятников мегалитической культуры. К этим же

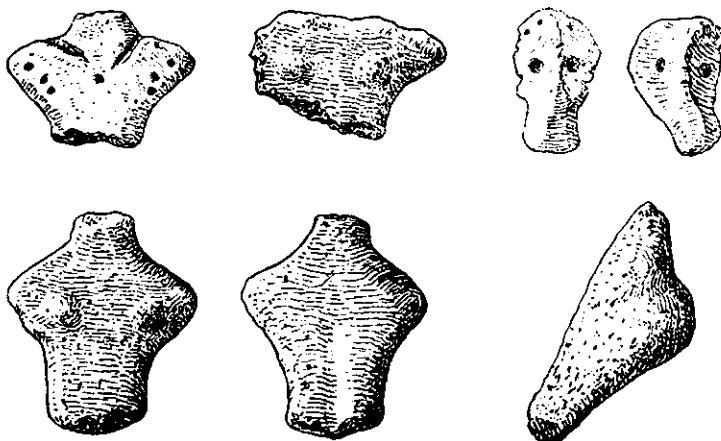

Рис. 4. Антропоморфные фигурки, 2/3 н. в.

находкам, очевидно, нужно присоединить лезвийную часть клиновидного топорика, обнаруженного в кургане № 8, со сплошной заполировкой как по широким граням, так и по узким (длина — 1,6, ширина у лезвия — 4,3 см). Топорик был сломан еще в древности, а после этого вторично использован, о чем свидетельствует его сработанность по линии слома (рис. 3,3). Найдка в кургане № 8 также трех фрагментов керамики мегалитического типа указывает на принадлежность их к какому-то разрушенному мегалитическому комплексу, возможно погребению.

Найдка этих фрагментов в одном культурном слое с позднетрипольскими предметами дает, повидимому, возможность допустить, что этот памятник был уже разрушен в позднетрипольское время, когда мог быть вторично использован и этот обломок топора мегалитического типа.

¹ I. Левицкий, Пам'ятки мегалітичної культури на Волині, Антропологія, т. II, К., 1929, стор. 192—222; Его же, Неолітична домовина, Записки ВУАК, т. I, К., стор. 159—178.

СТАТУЭТКИ ТРИПОЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ САБАТИНОВКА II

М. Л. МАКАРЕВИЧ

Во время наших последних исследований второго раннетрипольского поселения в с. Сабатиновка, Ульяновского района, Одесской области, в 1947—1949 гг. были исследованы остатки трех наземных и двух полуземляночных жилищ. Среди них и своими размерами и лучшей сохранностью, как уже сообщалось¹, выделяется жилище № 3. В нем обнаружено наибольшее количество глиняных антропоморфных статуэток, описанию которых посвящается настоящеэе сообщение.

В западной части жилища № 3 было вскрыто скопление больших обломков печины от специально устроенного настила-площадки из трех-четырех глиняных пластов, общей мощностью до 0,4 м. Этот настил занимал площадь в 2,75 × 6,0 м (рис. 1,2) и несколько возвышался над уровнем пола; местами он представлял собой цельный глиняный массив.

На поверхности настила, главным образом в южной его части, были найдены шесть целых и десять фрагментированных глиняных статуэток (табл. I, 3, 4, 8, 10, 12, 14, 15, 16, 17 и табл. II, 10, 11). Статуэтки сопровождались находками подставок в виде невысоких плоских креслиц круглой формы, без ножек, с рогатыми спинками; некоторые из этих статуэток были обнаружены сидящими на таких креслицах. Одна статуэтка небольших размеров, весьма примитивно изготовленная (табл. I, 7), лежала на боку, а непосредственно рядом с ней находилось креслице. С печным сооружением (рис. 1, 4) связываются находки шести статуэток и одного креслица (табл. I, 7, 11, 13 и табл. II, 3, 4, 7).

У северного края настила были обнаружены фрагменты большого глиняного кресла (рис. I, 3), подобного тем подставкам-креслицам, которые сопровождали статуэтки. Судя по размерам, в кресле мог сидеть человек, совершивший культовые отправления. К креслу, повидимому, относились обломки двух лежавших рядом выступов, формою напоминавших рога быка (табл. II, 12). Кресло было сооружено на деревянном возвышении, о чем свидетельствуют отпечатки дерева на его нижней стороне. Вместе с обломками кресла, находящегося непосредственно у печи, были обнаружены: топорик клиновидной формы, изготовленный из мелкозернистого серого сланца (табл. II, 5), два скребковидных кремня, обломок зернотерки, фрагменты глиняного ковшика-ложки, круглая плитка из красного сланца с крестовидным знаком (табл. II, 2), часть костяной мотыжки из рога оленя, фрагменты миниатюрных сосудиков (табл. II, 8), фрагменты двух сосудов горшковидной формы (табл. II, 1, 9), несколько створок речной ракушки и обломки костей животных (в основном — быка, по определению В. И. Бибиковой).

В трех местах ошлакованной глиниобитной массы настила-площадки были

¹ М. Л. М а к а р е в и ч, Середньобузька експедиція по дослідженю пам'яток трипільської культури, Археологічні пам'ятки УРСР, т. IV, К., 1952, стр. 89.

отмечены небольшие пустоты, содержащие орнаментированные сосуды¹, последние по формам и характеру орнамента отличались от обычной бытовой керамики и, видимо, предназначались для культовых целей. В этих фрагментированных сосудах были найдены обломки пережженных кремневых скребков, отщепов и сильно деформированные огнем фрагменты статуэток (табл. II, 10). Найдки сопровождались золистой массой, содержащей кусочки обожженной глины и отдельные мелкие обломки обожженных костей.

В центральной части жилища обнаружены три зернотерки, расположенные по прямой линии против глиняного настила-площадки (рис. 1, 5). Рядом с зернотерками находились три статуэтки (табл. I, 7) и фрагменты креслица. Две статуэтки найдены в восточной части жилища (табл. II, 6), из

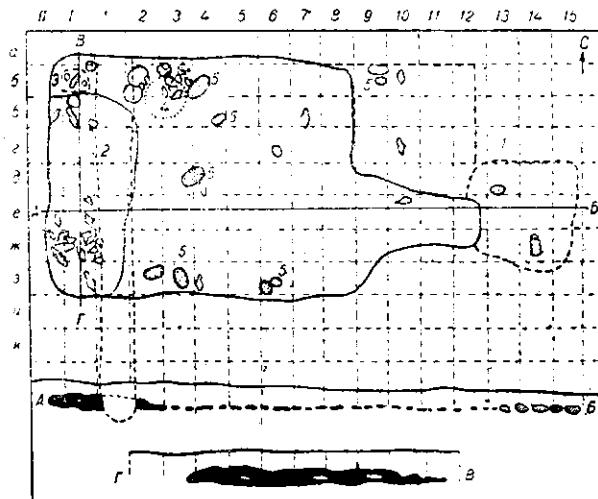

Рис. 1. План и разрезы жилища № 3: 1 — каменная вымостка перед входом в жилище и предполагаемый навес у северо-восточного угла; 2 — глиняный настил в западной части жилища; 3 — остатки большого глиняного кресла в северо-западном углу жилища; 4 — остатки печи, 5 — зернотерки.

которых одна вместе с фрагментом расписного креслица (табл. I, 5) — в северо-восточном углу, а другая (табл. I, 9) под северной стенкой коридорчика, связывающего каменную вымостку перед жилищем с самим помещением.

За пределами жилища обнаружено две статуэтки и фрагмент креслица, находившиеся у наружной восточной стены (табл. I, 2). Между камнями предпорожной вымостки (рис. 1) была обнаружена фигурка, вырезанная из тонкой костяной пластинки с отверстием в верхней части для подвешивания (табл. I, 6). Этот предмет имеет некоторое сходство с глиняной плоской статуэткой, также с отверстием для подвешивания и отпечатком пшеничного зерна, найденной во время раскопок Атаса у Гигоэшти (Трудешти, Румыния) и напоминающей костяные статуэтки Болгарии, найденные в Руссе, Глиняне, Ямбол и ряде других мест².

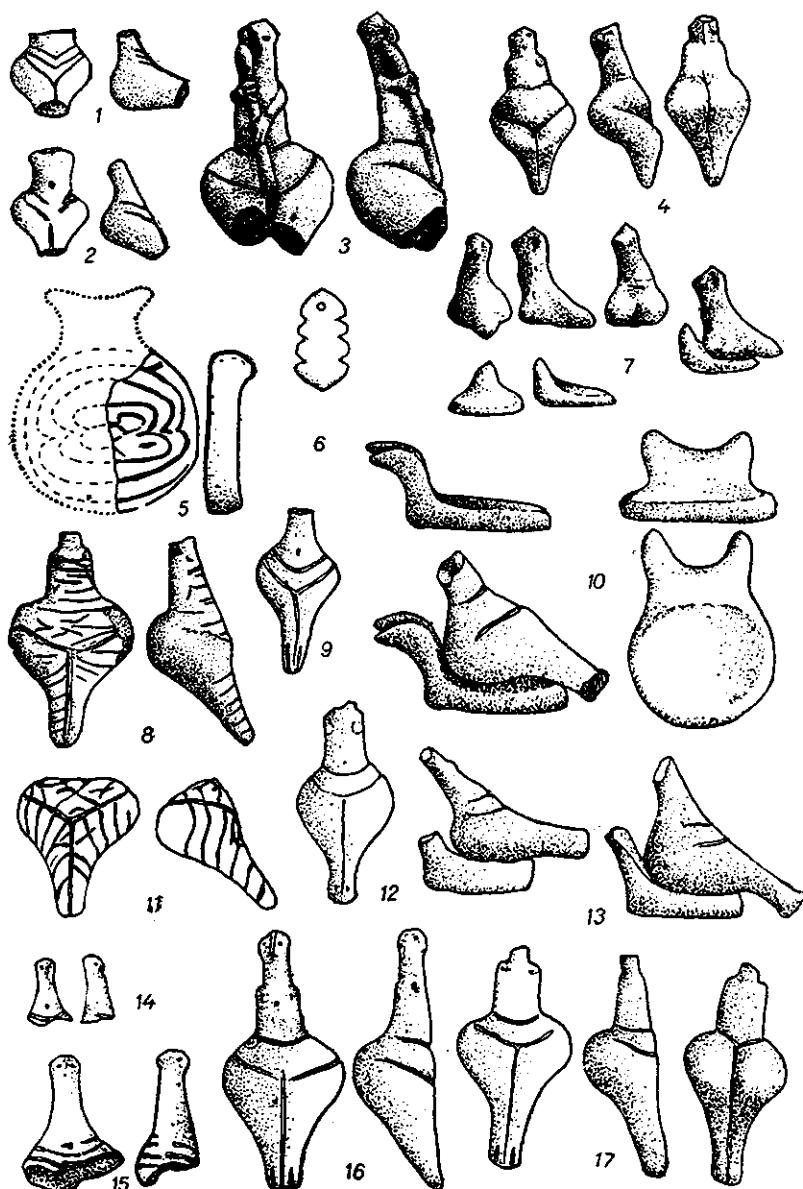
Относительно амулетов из кости необходимо отметить, что в 1952 г. Т. С. Пассек, при раскопках позднетрипольского могильника в с. Выхватинцы (Молдавская ССР), среди культового материала обнаружила костяную статуэтку, которая по форме «повторяет известные антропоморфные изображе-

¹ М. Л. Макаревич, Середньобузька експедиція по дослідженню пам'яток трипільської культури, Археологічні пам'ятки УРСР, т. IV, К., 1952, стор. 90, табл. I, 22.

² В. Микова, Идолната пластика през ново-каменната епоха в Болгария, Известия на Българския археологически институтъ, т. VIII, 1934, София, 1935.

ния из кости, найденные в Дунайском бассейне (в Румынии и Болгарии)»¹. По сравнению с названным, наш экземпляр передает изображение человека более условно и относится к раннетрипольскому времени.

Таблица 1

Статуэтки трипольского поселения Сабатиновка II.

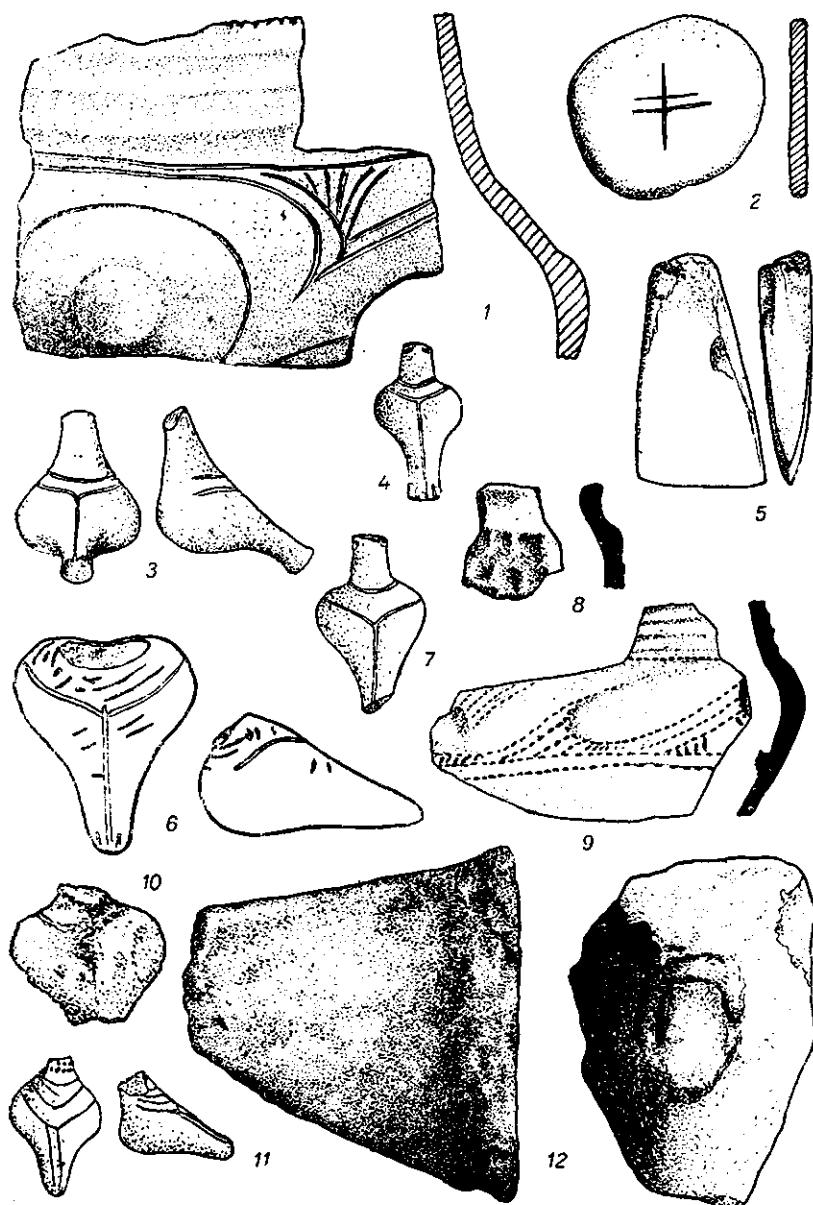
Основной характерной чертой рассматриваемых нами статуэток второго сабатиновского раннетрипольского поселения является то, что все они без исключения изображают женщину, сидящую на плоской подставке-креслице с рогообразной спинкой. На многих статуэтках, как и на некоторых подставках-креслицах, сохранились следы росписи: белый фон (ангоб) и красный ри-

¹ Т. С. Пассек, Новые данные об археологических исследованиях в Молдавии. Тезисы доклада на сессии Отделения истории и философии и пленуме Института истории материальной культуры, посвященные итогам археологических исследований 1952 г., М., 1953, стр. 53.

унок. Сходные статуэтки известны в районе нижнего Дуная, на близких по времени поселениях типа Денев, например Коджа Дермен¹.

Все статуэтки жилища № 3 могут быть подразделены на три группы.

Таблица II

Статуэтки и инвентарь поселения Сабатиновка II.

В наших статуэтках, относимых к первой группе, стеатопигия выражена особенно ярко. Статуэтки первой группы (табл. I, 7, 9, 14, 15 и табл. II, 3) передают главным образом бедренную часть туловища, подчеркнутую углубленными линиями или росписью красной краской по белому ангобу. Грудь, шея и голова слабо или совсем не выражены. Они изображаются одним, плавно изгибающимся кверху, удлиненным выступом. Примитивностью трактовки головы сабатиновских статуэток несколько напоминают птицы. Другой,

¹ В. Миковъ, Ук. соч.

немного меньший выступ, идущий под небольшим углом от бедренной части статуэтки, изображает ноги, протянутые вперед. К первой группе относятся только пять статуэток из общего числа 23, найденных в культурном слое жилища. Они представляют наиболее ранние формы культовой пластики.

Ко второй группе относится большинство обнаруженных статуэток. Все они, с теми же признаками стеатопигии, имеют тонкую шею и небольшую схематически переданную голову, несколько напоминающую птичью или змеиную. Тулово трактовано более реалистично. Спина прямая, тонкая, грудь едва обозначена посредством маленьких налепов или небольших углублений (табл. I, 4, 17). Ноги также протянуты вперед. Лишь у одной статуэтки они согнуты в коленях (табл. I, 4). Переход от груди к животу и от него к бедрам отмечен углубленными линиями; таким же образом подчеркнуты и ноги. Ступни не оформлены, пальцы ног обозначены вертикальными черточками. Рук нет вовсе, плечи едва отмечены. На статуэтках второй группы повторяется роспись красной краской по белому ангобу.

К третьей группе можно отнести две статуэтки, отличающиеся от статуэток второй группы тем, что у одной из них (табл. I, 2) плечики получают вместо рук еле заметные коротенькие отростки, а другая статуэтка (табл. I, 3) имеет пластическое рельефное изображение рук, прижатых к груди и держащих какой-то предмет змеевидной формы (табл. I, 3). Аналогичные статуэтки с рельефно выраженнымими руками, но в стоячей позе, были обнаружены в с. Лука-Врублевецкая при исследовании поселения раннетрипольского времени. Между прочим, там же были найдены статуэтки, в глине которых установлена значительная примесь зерен пшеницы¹.

Большинство статуэток из Луки-Врублевецкой, представленных в сидячей позе, сплошь орнаментировано бороздчатым рисунком, весьма близким по своей трактовке к орнаменту статуэток из раннетрипольского поселения с. Берново-Лука, Черновицкой области², а также из с. Ленковец³, с. Михайловки, Ямпольского района, Винницкой области⁴, и других пунктов.

Большинство статуэток из перечисленных пунктов относится к 3-й группе сабатиновской пластики. Почти все они имеют небольшие плечевые отростки — выступы вместо рук. Следует напомнить, что ни в одном из приведенных раннетрипольских местонахождений не было обнаружено столь характерных и обязательных для сабатиновских статуэток всех трех групп подставок-креслиц.

Ближайшие и прямые аналогии статуэткам второго сабатиновского поселения, бесспорно, отражающим представление о женском божестве, богине-матери-прародительнице, мы находим в статуэтках трипольского поселения у с. Кирилловка (урочище Александровка), Кодымского района, Одесской области⁵, инвентарь которого полностью повторяет археологический комплекс второго сабатиновского поселения.

Условия нахождения глиняных статуэток в жилище № 3 дают основания выделить его из числа жилищ не только этого трипольского поселения, но и других исследованных до настоящего времени жилищ трипольской культуры, и видеть в нем — во всяком случае, в его западной части — особое культовое сооружение, своеобразное святилище, для отправления обрядов, связанных с культом древнеземледельческой богини плодородия — матери-прародительницы.

¹ С. Н. Бибиков, Культовые женские изображения раннеземледельческих племен Юга СССР, СА, XV, 1951.

² Т. С. Пассек, Археологическое изучение трипольских поселений на Днестре, Доклады VI научной конференции Института археологии АН УССР, К., 1953, стр. 232.

³ Е. К. Черныш, Раннетрипольское поселение у с. Ленковец, КСИИМК, вып. XLVII, стр. 45.

⁴ Разведки учителя истории местной школы И. Э. Баландюк-Опалинского в 1950 г. Материалы разведки хранятся в фондах Института археологии АН УССР.

⁵ Поселение открыто и частично исследовано Л. А. Есиенко в 1950 г. Археологический материал находится в Одесском археологическом музее.

ДРЕВНЕЙШЕЕ ЯМНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ В ЮЖНОМ ПРИДНЕПРОВЬЕ

A. B. БОДЯНСКИЙ

(Днепропетровск)

Во время археологических раскопок 1951 г. в с. Федоровка, Верхнекортицкого района, Запорожской области, на мысу правого берега балки Квитяна, при впадении ее в Днепр, автор обнаружил интересное неолитическое погребение.

Каменная закладка, под которой оно находилось, округлая в плане и несколько выпуклая в разрезе, имела диаметр 8,6 м. Она была сложена более чем из 3000 кусков гранита разного размера, в среднем 0,30 × 0,35 м (рис. 1).

К юго-востоку от нее, соединяясь с периферией этой закладки, находилась другая небольшая, плоская, округлой формы каменная закладка. В ней было открыто погребение в яме, которая была частично заложена камнями. Неокрашенный скелет лежал на спине головой на юг, с подогнутыми в коленях ногами. Погребение не имело инвентаря. Относится оно к эпохе поздней бронзы.

Погребение, обнаруженное в большой закладке, было впускным. Погребальная яма имела овальную форму и была заполнена камнями. Скелет находился в неглубоком подбое и лежал в вытянутом положении головой на северо-запад. По форме погребального сооружения и обряду это погребение, повидимому, следует датировать эпохой раннего железа. Инвентаря не обнаружено.

В заполнении погребальной ямы впускного погребения найдены обломки верхней челюсти и плечевой кости, имевшие следы окрашивания охрой. Эти остатки принадлежали основному центральному погребению, которое было древнее впускного и было разрушено им.

На расстоянии 1,4 м к северо-западу от центрального погребения под каменной закладкой, на глубине 0,25 м, в слабо гумусированном слое выявлено погребение неолитического времени. Следов погребальной ямы не заметно. Погребение произведено в супесчаном грунте, окрашенном в процессе грунтообразования в бурый цвет. Погребенный лежал на правом боку, головой на северо-запад, с согнутыми в коленях ногами (рис. 2). У головы костяка стоял остродонный сосуд (рис. 3). Сохранность костяка плохая. Череп погребенного имеет целый ряд архаических черт, в том числе сильно развитые надбровные дуги.

На расстоянии 1,5 м к югу от этого погребения, под камнями обнаружены обломки большого, высотою до 60 см, остродонного сосуда такой же формы и такого же состава керамической массы, как и сосуд, найденный в погребении (рис. 4). Тут же были обнаружены скребок и кремневый нож, типичные для развитого неолита.

Есть основания предполагать, что это неолитическое погребение не связано с закладкой. Его следует, повидимому, связывать с находящейся поблиз-

ности неолитической стоянкой є кучами створок ракушки-жемчужницы, где обнаружен ряд типичных для развитого неолита изделий, как например, кремневое острье неолитической техники двусторонней обработки поверхности, так называемый «човник» из жировика и др.

По форме, орнаментации, по цвету и составу керамической массы, сосуд, найденный в погребении, а также обломки другого большого сосуда являются

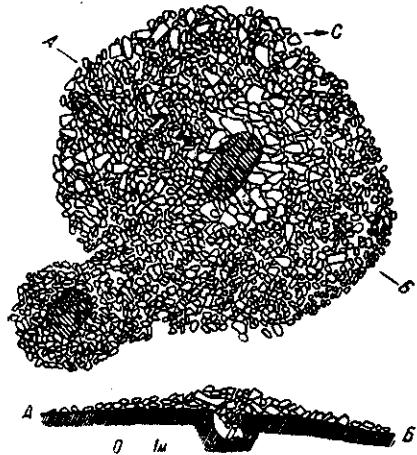

Рис. 1. Каленій захладка над погребенням.

Рис. 2. План погребения.

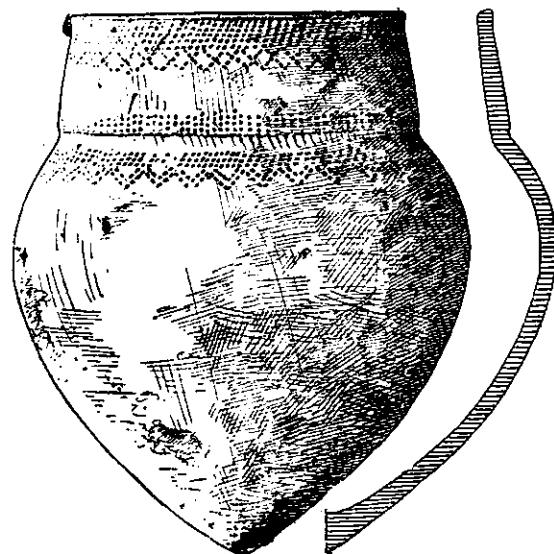

Рис. 3. Сосуд, найдений у голови костяка. $\frac{1}{3}$ н. в.

изделиями одного мастера. Они отличаются один от другого лишь деталями орнамента. Целый сосуд представляет собой глубокий остродонный горшок, с высокой, несколько суженной кверху шейкой, с едва намеченными плечиками, которые подчеркнуты углублением от энергичного «расчесывания» зубчатым инструментом поверхности выпуклых стенок (рис. 3). Поверхность сосуда, почти равномерного серожелтоватого цвета, тщательно выровнена и слажена мелкой зубчаткой; на ней имеются небольшие пустоты от выгоревшей примеси толченых ракушек, которой поэтому на поверхности сосуда почти не видно. Керамическая масса в изломе темносерого цвета, однообразная,

со значительной примесью мелко истолченных ракушек. Она относится к типу легких. Сосуд орнаментирован лишь в верхней части — под венчиком и на плечиках — мелкозубчатым штампом. Техника изготовления сосуда весьма высокая. Его размеры: высота 20 см, диаметр отверстия 13 см, диаметр наиболее широкой части 16 см, толщина стенок 0,8 см.

Аналогий найденному сосуду, правда, с несколько иной профилировкой венчика, в Приднепровье известны; в обломках наиболее ранние из сосудов этого типа обнаружены нами в материалах ранненеолитических стоянок бывшей порожистой части Днепра.

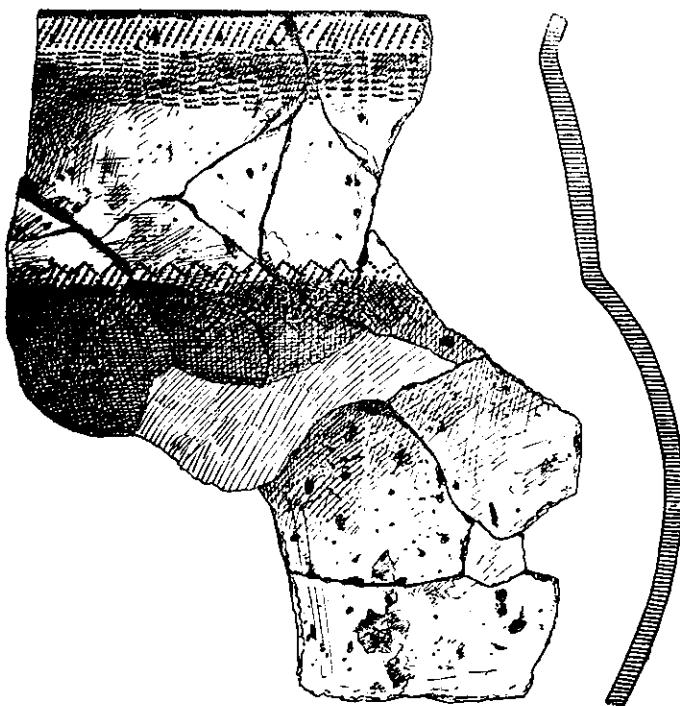

Рис. 4. Обломки большого остродонного сосуда, найденного на расстоянии 1,5 м от погребения. $\frac{1}{4}$ н. в.

Обломки керамики этого типа, в виде незначительной примеси к основным неолитическим комплексам типа Средний Стог I, обнаружены на неолитических стоянках: Вовнигской, Васильевской, на о. Кодачок, на Малом Дубсовом острове, на о. Демском и в других местах. Отдельные находки такой керамики в чистых комплексах были выявлены на высоких пунктах побережья Днепра при впадении в него р. Вильнянки, на левом мысу берега в устье р. Осокоровки и в таких же условиях в устьях балок Гадючей и Вильной, где они встречены вместе с наконечниками стрел эпохи раннего металла, а в одном случае с обломком трипольской монохромной керамики.

Характерными признаками этой неолитической керамики является пористость и легкость керамической массы, глубокая остродонная форма сосудов и орнаментация их мелкозубчатым штампом¹.

Открытие погребения в скорченом положении, сопровождаемого неолитической посудой, является пока что единственным на территории Надпоро́жья.

¹ На огромной неолитической стоянке в с. Васильевке был найден стакановидный кубок с плоским дном, по составу глиняной массы аналогичный федоровскому, орнаментированный отисками мелкой зубчатки.

По ориентации и по физическому типу погребенного, насколько мы можем судить о нем, это неолитическое захоронение следует поставить в связь с памятниками, оставленными нам населением неолитических стоянок бывшей порожистой части Днепра, отмеченных скоплением раковин.

Весьма вероятно, что у населения Надпорожья уже в эпоху развитого неолита произошло выделение групп кочевых скотоводов из массы оседлых племен. Эти древнейшие кочевники создали поздненеолитическую культуру типа памятников Средний Стол II, за которой позднее и развилась древне-ямная культура курганного периода.

ОТДЕЛЕНИЕ РЕМЕСЛА ОТ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И РАЗВИТИЕ ТОРГОВЛИ В РАННЕАНТСКОМ ОБЩЕСТВЕ¹

А. Т. БРАЙЧЕВСКАЯ

Большой интерес для изучения истории восточных славян представляет время первой половины I тысячелетия н. э., предшествующее формированию Руси — крупнейшего государства средневековой Европы.

Южная группа восточнославянских племен, обитавших в то время в Среднем Поднепровье и Поднестровье и известных нам под именем антов (наименование «ант» встречается в эпиграфических и письменных источниках III—VII вв. н. э.), представлена в археологическом отношении памятниками культуры полей погребений.

Открытая свыше 50 лет тому назад, культура полей погребений насчитывает сейчас в Восточной Европе свыше 400 памятников. В число их входит более 250 поселений, около 100 могильников и отдельные находки. Систематически изучается культура полей погребений в наше время. Существует немалое количество трудов историков и археологов, посвященных памятникам этой культуры.

Советскими учеными были разоблачены и отвергнуты враждебные антинаучные утверждения буржуазно-националистических немецких историков, пытавшихся приписать памятники полей погребений германским племенам, а также украинских буржуазных националистов, отождествлявших антов с украинцами.

Памятники культуры полей погребений Восточной Европы принадлежат значительной группе восточнославянских племен, сыгравших во второй половине I тысячелетия н. э. важную роль в образовании древнерусской народности; и лишь много веков спустя произошло разделение единой древнерусской народности с единственным языком, культурой и государством на три родственных народа — русский, украинский и белорусский.

Вопросом большой важности является изучение хозяйственно-экономической жизни восточных славян в I тысячелетии н. э. С каждым годом накапливается все больше и больше археологического материала, свидетельствующего о высоком уровне хозяйственного развития восточнославянских племен в эту эпоху. В частности, значительный археологический материал был накоплен в результате изучения памятников культуры полей погребений. Вместе с тем, в историко-археологической литературе мы не имеем еще специальной работы, освещющей экономическую жизнь этой группы племен.

Ряд исследователей в своих работах касался вопросов хозяйства (земледелия, ремесла или торговли) племен культуры полей погребений Восточной

¹ Кандидатская диссертация А. Т. Брайчевской на тему «Отделение ремесла от земледелия и развитие торговли в раннеантском обществе» была защищена на заседании Ученого совета Отделения общественных наук АН УССР 29 мая 1952 г. Руководитель — действ. член АН УССР П. П. Ефименко. Официальные оппоненты: доктор истор. наук М. Я. Рудинский, канд. истор. наук В. И. Довженок.

Европы, как например, Б. А. Рыбаков в труде «Ремесло древней Руси» или К. Маевский в монографии «Importy grymskie na ziemiach słowiańskich» и др. Однако эти вопросы в существующих работах не были центральными. Они затрагивались, как правило, при освещении иных вопросов.

Задача настоящей диссертации — показать на археологическом материале ряд экономических достижений у антских племен, обитавших в лесостепной полосе Восточной Европы. При этом главное внимание уделялось раннеантскому времени, лучше представленному археологическими материалами. В работе рассматривается отделение ремесла от земледелия в самостоятельную хозяйственную отрасль, развитие торговли, а также значение этих явлений в общественном развитии антских племен.

Огромное значение для изучения древней истории славянских народов и их экономической жизни имеют труды И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкоznания» и «Экономические проблемы социализма в СССР». Высказывание И. В. Сталина о существовании товарного производства при рабовладельческом строе и феодализме ставит перед историками и археологами задачу проследить зарождение товарного производства в более раннюю эпоху — в рамках первобытно-общинной формации.

Источниками для работы послужили отдельные публикации памятников культуры полей погребений, материалы ряда музеев, фондов и научного архива Института археологии АН УССР.

Антские племена в первой половине I тысячелетия н. э. достигли высокого для своей эпохи уровня пашенного земледелия, которое было основной отраслью хозяйства. Успехи в области земледелия и ремесла, увеличение количества ремесел, усложнение ремесленной техники приводят к отделению ремесла от земледелия. Этот процесс протекал в первые века нашей эры на широких территориях, заселенных славянами — и у северных восточнославянских племен и у западных славян (имеются в виду исследования в г. Пскове и в районе г. Krakova).

Процесс отделения ремесла охватил у антских племен, прежде всего, три наиболее развитые ремесленные отрасли. Первым на самостоятельный путь развития становится железообрабатывающее ремесло, наиболее важное в условиях земледельческого хозяйства. Начало его обособления следует относить еще к позднескифской эпохе IV—III вв. до н. э. На рубеже нашей эры наблюдается разделение металлобабатывающего ремесла на железообрабатывающее и меднолитейное (ювелирное) дело. Со II в. н. э. появляются уже явные признаки отделения гончарного ремесла.

Отделение ремесла у антских племен характеризуют следующие факты. Известны поселения культуры полей погребений, специализировавшиеся на определенном виде ремесленного производства, осуществляемого в значительных размерах (железообрабатывающего, гончарного или ювелирного). В качестве примеров можно назвать поселки в Иванковцах, Лепесовке, Неслухове, Грищенцах и др. Ремесленники, жившие на таких поселениях, изготавливали продукцию в массовом количестве, рассчитанную на обмен.

Об отделении ремесла свидетельствует также ряд технических усовершенствований. Появление горнов специального сложного устройства (двухъярусных гончарных и железоплавильных с применением дутья), распространение гончарного круга — все это было связано с работой специалистов-ремесленников, обладавших профессиональным опытом и перешедших уже к массовому изготовлению продукции.

Наконец, выделившееся ремесло характеризует многочисленная и очень разнообразная ремесленная продукция, находимая в памятниках полей погребений. Изготовление ее требовало определенной специализации и не могло выполняться одним и тем же лицом. Отделение ремесла от земледелия, появление специалистов-ремесленников, перешедших к массовому изготовлению продукции, предназначеннай в значительной степени для обмена, свидетельствуют о зарождении товарного производства.

Вместе с отделением ремесла от земледелия появляются первые зачатки постоянного внутреннего обмена, жизненно необходимого для общества. Обмен, надо полагать, совершался в индивидуальном порядке между отдельными производителями, поскольку в это время отдельные семьи были уже самостоятельными хозяйственными единицами общества.

В первые века нашей эры у славянских племен лесостепной полосы совершается переход к денежной торговле. В качестве металлических денег в обращении использовались римские монеты.

Большой интерес представляют торговые и культурные связи между южными, лесостепными, и северными—соседними и более далекими—восточнославянскими племенами. С развитием ювелирного ремесла у славянских племен Среднего Приднепровья определенные типы их ювелирных изделий, главным образом предметы с выемчатой эмалью, поступали в области северных славянских и неславянских племен. Судя по местам находок, этот торговый путь шел вверх по Днепру и Десне до верховий Оки. Эти связи, существовавшие еще в первые века н. э. и усилившиеся в середине тысячелетия, свидетельствуют о сближении древних групп восточных славян.

В первой половине I тысячелетия н. э. расширяются внешние торговые связи восточнославянских племен лесостепной полосы. Значительное место в их экономической жизни занимала торговля с рабовладельческим миром. Предметами славянского вывоза были главным образом предметы сельского хозяйства. Предметы ввоза из рабовладельческих государств представлены значительным числом археологических памятников. Они свидетельствуют о трех основных направлениях торговых связей.

В южном направлении связь лесостепных славян осуществлялась с городами Северного Причерноморья. Об этой очень интенсивной связи, существовавшей на протяжении всей рассматриваемой эпохи, свидетельствуют находки амфор, краснолаковой и красноглиняной керамики, некоторых типов металлической посуды, культовых фигурок, предметов с инкрустацией (всего 65 пунктов находок). Из северопричерноморских городов следует выделить Херсонес, а также соседнее с ним поселение в Инкермане, где найдено немало аналогий для указанных изделий.

В юго-западном направлении осуществлялись связи лесостепных славян с Римской империей — Италией и некоторыми провинциями—в период наибольшего распространения владений империи на северо-восток в I—II вв. н. э. Этим путем попадали главным образом римские монеты. Привоз других изделий был невелик.

Большой интерес представляет окружной, северо-западный путь, который можно проследить по распространению некоторых типов стеклянных и бронзовых сосудов. Изделия эти проникали из Рейнской области через Балтийское море и земли западных славян по р. Висле. Этот путь показывает оживление торговых связей, начиная с III—IV вв. н. э., между восточными и западными славянами. Успехи в области земледелия, ремесла и торговли привели к важным последствиям в общественном развитии антских племен. В целом, их значение сводилось к разрушению основ первобытно-общинного строя и созданию базиса нового классового общества.

Развитие общественного разделения труда создавало условия для имущественного расслоения. Торговля содействовала разрушению патриархальных отношений. Она стимулировала накопление излишков продуктов, углубляла отношения неравенства, господства и подчинения.

В особенностях экономического и социального развития антских племен, подкрепленных упоминаниями письменных источников о появлении в VI—VII вв. н. э. славянских государственных образований, мы видим уже самый конец первобытно-общинного строя и начало перехода к классовому феодальному обществу, полностью сложившемуся к концу I тысячелетия. Общественные сдвиги у восточных славян явились итогом их экономических достижений.

**ГОРОДИЩА, ПОСЕЛЕНИЯ И МОГИЛЬНИКИ БУГСКОГО ЛИМАНА
VII—II вв. до н. э.¹**

Ф. М. ШТИТЕЛЬМАН

Темой диссертации является подведение итогов изучения археологических памятников побережья Бугского лимана скифской эпохи. В работе сведен и систематизирован весь археологический материал, добытый в результате случайных находок, эпизодических сборов и систематических разведок и раскопок, в значительной своей части оставшийся до сих пор не опубликованным. Изучались археологические коллекции, архивные и рукописные фонды в Николаевском и Херсонском областных музеях, Государственном Эрмитаже, Институте археологии и Ольвийском заповеднике Академии наук УССР, а также значительная литература, имеющая отношение к изучаемому району.

Особенно важной группой источников явились материалы полевых исследований Ольвийского заповедника и экспедиций Института археологии АН УССР за послевоенные годы (по 1949 г. включительно). Некоторые из этих исследований проводились при непосредственном участии автора диссертации и под его руководством.

Первое, что обращает на себя внимание исследователей Бугского лимана, это густая заселенность его берегов в скифскую эпоху. В настоящее время здесь зафиксировано уже свыше 50 древних поселений. Некоторые из них возникли еще в VII—VI вв. до н. э., однако значительное большинство поселений относится к IV—III вв. до н. э. Большая часть их, в особенности те, которые были расположены в непосредственной близости к Ольвии, прекращает свое существование во II в. до н. э., некоторые поселения продолжают существовать и в более позднее время — в первые века н. э.

Основная масса поселений не имела искусственных оборонительных сооружений. В скифскую эпоху на Бугском лимане преобладают открытые поселения, расположенные, как правило, на ограниченных естественными преградами (глубокими балками и оврагами) участках побережья.

Наиболее полное представление о характере поселений раннего времени (VI—V вв.) дают остатки поселения у Широкой Балки (южнее Ольвии). Среди открытых здесь памятников первостепенного внимания заслуживают остатки шести жилищ-полуземлянок сравнительно небольших размеров, впущенных в материк на глубину 0,4—0,9 м. По своему устройству их можно разделить на два типа. К первому относятся остатки прямоугольных жилищ, при сооружении которых применялся камень. Ко второму — жилища, сооруженные без применения камня. К ним принадлежат основания четырех полуземлянок

¹ Кандидатская диссертация Ф. М. Штительман на тему: «Городища, поселения и могильники Бугского лимана VII—II вв. до н. э.» была защищена 24 апреля 1952 г. на заседании Ученого совета Института истории материальной культуры АН ССР. Официальные оппоненты: доктор истор. наук Б. Н. Граков и канд. истор. наук Н. Н. Погребова.

прямоугольного плана (площадью $3,8 \times 3,6$ и $2,8 \times 2,3$ м) и круглой формы (диаметром в 3 и 3,5 м). Все жилища имели глинобитный пол. Почти всюду обнаружены остатки очагов. К каждой полуzemлянке примыкали хозяйственны ямы. На одном из участков открыто значительное количество зерновых ям. Преобладают ямы больших размеров ($1,3$ — $1,8$ м глубины и $1,6$ — $2,15$ м в диаметре). Некоторые ямы имели каменные венцы и горловины.

Остатки поселений того же времени известны и в ряде других мест побережья Бугского лимана. Все они, за исключением рассмотренного поселения у Широкой Балки южнее Ольвии и поселения, находящегося севернее с. Сары-Камыши, расположены на левом берегу лимана.

Местная керамика на поселениях VI—V вв. до н. э. состоит из двух больших групп — лепной и кружальной. Лепная керамика представлена в основном обломками горшков и мисок. По своим формам эти сосуды очень близки к скифской керамике этого же времени из других районов. Особенно показательна в этом отношении их орнаментация. Обломки горшков в значительной мере украшены налепным валиком, обычно расчлененным глубокими вдавлинами. Сосуды подобного типа имеют аналогии в керамике из поселения у устья р. Обиточной вблизи Бердянска, а также из городищ Тысминского бассейна и других местонахождений. В скифской керамике находят свои ближайшие аналогии и другие виды орнамента на сосудах из ранних поселений Бугского лимана, например, ямки или косье насечки по венчику, а иногда и на плечиках сосудов, врезные линии, заполненные белой пастой, проколы под срезанным венчиком, округлые выступы — «соски» и т. д.

Среди местной керамики значительное место занимает посуда, изготовленная на гончарном круге. Здесь найдены фрагменты сосудов из серой и красной глины, аналогичные сосудам, обычно находимым в Ольвии.

Значительное место среди керамических находок на этих поселениях занимает привозная керамика. Здесь встречаются в большом количестве обломки амфор, чернофигурных и ранних чернолаковых сосудов из многих античных центров.

Поселения IV—III вв. до н. э. изучены значительно лучше, чем поселения предыдущего времени.

На поселении у Закисовой балки открыты многочисленные строительные остатки, принадлежавшие в основном трем большим зданиям. Одно из них имеет в плане форму, приближающуюся к прямоугольнику, и состоит из замощенного камнем дворика и девяти помещений, вытянутых по одной линии. Площадь здания — $26,3 \times 7,6$ м. Другое здание имело два мощенных камнем дворика и несколько примыкающих к ним помещений. Один из двориков предназначался для хозяйственных нужд. Здесь была сооружена зерновая яма с тщательно сложенной каменной горловиной, перекрытой круглым плоским камнем. Под одним из помещений был устроен подвал, в который вела каменная лестница.

Остатки наземных каменных зданий и зерновые ямы встречены на многих других поселениях этого времени как на правом, так и на левом берегах лимана.

Основная масса находок на поселениях IV—III вв. до н. э. принадлежит керамике, представленной такими же группами, как и в предыдущее время.

Почти полной аналогией для лепных сосудов прилиманских поселений IV—III вв. до н. э., а особенно из поселения у Закисовой балки, являются лепные сосуды из Каменского городища на Днепре, а также из Елизаветовского городища на Дону. Такую же близость к керамике Елизаветовского городища отмечает Б. Н. Граков и для керамики Каменского городища. Повидимому, можно, вслед за Б. Н. Граковым, полагать, что для IV—III вв. до н. э. существует определенная типологическая близость лепной керамики от Буга до Дона.

Наряду с лепными сосудами, на поселениях Бугского лимана IV—III вв.

до н. э. найдено значительное количество изготовленных на круге серых и красноглиняных сосудов, аналогичных ольвийским.

Широкое распространение имела привозная посуда. Она представлена большим количеством обломков амфор, значительная часть которых с клеймами (преимущественно астиномными и энглифическими), а также обломками краснофигурных, чернолаковых и других высокосортных сосудов.

Из металлических изделий на поселениях IV—III вв. следует отметить такие типично скифские предметы, как например, нож с костяной рукояткой и бронзовые наконечники стрел.

Могильники на побережье Бугского лимана, за исключением Ольвийского некрополя, изучались очень мало. В конечном счете мы располагаем сведениями преимущественно о случайных находках, происходящих из курганов и бескурганных могильников, разрытых во время земляных работ, или добытых любительскими раскопками.

Планомерные раскопки велись только в районе сс. Аджигол, Петуховка и х. Марицыно. Они обнаружили погребения разного времени и с различным погребальным обрядом.

Основной отраслью хозяйства населения побережья Бугского лимана было земледелие. На это указывают письменные источники (Геродот, IV, 17) и многочисленные археологические документы: остатки злаков (пшеницы, вики, ржи и проса), железные серпы, зернотерки и растиральные камни, каменные ступы. О больших размерах зернового производства свидетельствуют открытые почти на всех подвергавшихся раскопкам поселениях зерновые ямы, представляющие собой вместительные зернохранилища. Едва ли они являлись местами хранения запасов, необходимых только для личных потребностей. Вероятнее всего, что в этих ямах сохранялось зерно, предназначенное для торговых операций.

Жители прилиманых поселений занимались огородничеством (Геродот, IV, 17), и, повидимому, виноградарством, о котором свидетельствуют остатки винodelен, открытых в Ольвии.

Важной отраслью хозяйства населения Бугского лимана было скотоводство. В стаде прилиманых поселений преобладают виды, характерные для хозяйства, экономической основой которого является развитое земледелие. Основное место в стаде занимал крупный и мелкий рогатый скот, являвшийся также и важной статьей вывоза (Полибий, IV, 38). Весьма существенную роль играло рыболовство.

Определенное место среди хозяйственных занятий занимали домашние производства и ремесла. К ним следует, прежде всего, отнести изготовление лепной глиняной посуды и ткачество.

Интенсивное каменное домостроительство, достигшее широкого размаха и высокого технического уровня, требовавшего, несомненно, определенной специализации, дает основание полагать, что строительное и каменное дело было постоянным занятием части населения.

В экономике населения побережья Бугского лимана значительное место занимала торговля с Ольвией.

Но Ольвия вместе с тем была и крупным производящим центром, продукция которого, наряду с греческими товарами, имела широкий сбыт в Скифии.

Характер торговли Ольвии с населением побережья Бугского лимана, в отличие от ее торговли с другими, более удаленными от нее районами Скифии, отражен в значительном числе находок медных ольвийских монет на многих прилиманых поселениях. Таким образом, на побережье Бугского лимана меновые отношения, являвшиеся типичными для ольвийско-скифских отношений, вытеснялись, повидимому, товарно-денежными.

Особенно тесные отношения были между Ольвией и близко к ней расположеными поселениями Побужья. Чтобы обеспечить бесперебойное снабжение населения разрастающегося города продуктами, в первую очередь

хлебом, и не зависеть от случайностей рынка, Ольвия в IV—III вв. до н. э., подобно Херсонесу, Танаису и другим античным центрам, должна была позаботиться о создании вокруг города своей сельскохозяйственной округи. Возможно, что такие поселения, как поселение у Закисовой балки, у Волошской косы, у сел Чертоватое и Кателино и некоторые другие, и входили в сельскохозяйственную округу Ольвии, которая, вероятно, представляла вместе с ней единое целое не только в хозяйственном, но и в политическом отношении.

Отношения населения Бугского лимана с Ольвией не ограничивались только спорадическими, кратковременными отношениями в процессе торговых сделок; они заключались также в постоянном и длительном общении.

Все это наложило свой отпечаток на процесс исторического развития, на культуру и быт местного населения. Это нашло свое выражение, в частности, в устройстве поселений, домостроительстве и других сторонах их жизни.

Если жилища поселений Бугского лимана VI—V вв. до н. э. имеют свои аналогии в жилищах ранних поселений более северных районов Скифии, то наземные многокомнатные каменные дома IV—III вв. до н. э. резко отличаются от жилищ этого времени в других районах Скифии и представляют собой специфическую особенность поселений побережья Бугского лимана и прилегающих к нему районов Северного Причерноморья.

Интересные данные для характеристики культуры и быта населения побережья Бугского лимана в скифскую эпоху дают вещественные находки, в частности керамика. Прежде всего, следует отметить местную керамику, сочетающую керамику лепную скифского облика с керамикой кружальной, аналогичной кружальной керамике Ольвии.

Очень показательно соотношение этих видов местной керамики на приливанных поселениях на протяжении скифского времени. На поселениях левого берега Бугского лимана, расположенных дальше от Ольвии, лепная керамика преобладает над керамикой, изготовленной на круге. Что же касается поселений правого берега, то на более удаленных из них, расположенных в 30—40 км севернее Ольвии, лепной керамики встречено больше, чем на поселениях, находящихся в непосредственной близости к Ольвии.

На поселениях Бугского лимана удельный вес привозной греческой керамики значительно больший, чем на всех других известных нам скифских городищах и поселениях. При этом количество ее находится в прямой зависимости от большей или меньшей близости поселения к Ольвии: в близлежащих поселениях правого берега ее больше, чем в удаленных. На поселениях левого берега греческой керамики во много раз меньше, чем на правом берегу.

Сложившаяся на побережье Бугского лимана картина быта местного населения существенно отличается от других районов Скифии.

Весьма важным является вопрос об этнической принадлежности населения побережья Бугского лимана. К сожалению, имеющихся в нашем распоряжении данных далеко не достаточно для решения этого вопроса.

В привлеченном нами материале отчетливо видно слияние двух элементов — скифского и греческого, что отражает исторический процесс скрещивания двух культур — местной и пришлой. Это и является той характерной особенностью быта и культуры населения изучаемого района, которая давала основание древним авторам считать часть населения побережья Бугского лимана каллипидами, а новейшим исследователям видеть в миксэллинах декрета Протогена потомков этих каллипидов.

Обитателями многочисленных поселений Бугского лимана, очевидно, были те каллипиды — эллиноскифы — миксэллины, которые, благодаря своему соседству с греческим населением Ольвии, ближе других скифских племен стояли к рабовладельческому классовому обществу.

ИВАН ФЕДОРОВИЧ ЛЕВИЦКИЙ (1896—1952)

Советская археология понесла большую утрату — умер Иван Федорович Левицкий.

В его лице археологи потеряли одного из видных полевых исследователей УССР.

И. Ф. Левицкий был большим мастером полевых изысканий и раскопочной техники. Глубоко осознав огромную ответственность исследователя археологических памятников, он ставил перед собой предельно строгие требования к их раскрытию в том убеждении, что, раскрывая памятник и со всею бережностью извлекая полученные документы, археолог прекращает его существование, а в иных случаях и полностью его уничтожает.

Именно поэтому внимание И. Ф. Левицкого, как археолога, всегда было сосредоточено прежде всего на процессе исследования памятника и его документировании.

Хорошо подготовленный к полевым исследованиям, И. Ф. Левицкий полностью владел всеми основными средствами собственноручного закрепления своих наблюдений в соответствующих документах и всеми необходимыми навыками в обработке добытых исследованиями вещественных остатков. Однаково требовательный к себе и в процессе раскопок и в ходе изучения полученных материалов, он буквально не отрываясь следил за раскрываемой в исследовании картиной и возможно полным уяснением ее деталей. Ничего не забыть, ничего не пропустить — таков его основной принцип.

Представленные Академии наук УССР отчеты И. Ф. Левицкого о проведенных им археологических исследованиях являются образцовыми работами этого рода, как по полноте документирования исследования, так и по четкости исполнения иллюстрирующих его отчеты графических и фотографических документов.

В исследовательской работе в поле и в условиях лаборатории в музее И. Ф. Левицкий прошел очень серьезную археологическую школу. В 30-х годах И. Ф. Левицкий становится одним из видных представителей советской археологии в области изучения палеолита, неолита и эпохи бронзы на территории УССР.

В научно-исследовательской деятельности И. Ф. Левицкого необходимо отметить два периода. Наиболее значительным — и по территориальному

охвату и по результатам его изысканий — был житомирский период (1923—1931).

Систематические исследования И. Ф. Левицкого, развернувшиеся в зоне северо-восточной Волыни по Случи, Тетереву, Ирше, на побережьях Ужа, Жерева, Норыни и Уборти, начинаются с раскопок Войцеховской гробницы у с. Колодяжное (1924). Самыми крупными из исследованных им местонахождений неолитического времени и эпохи меди — бронзы на этой территории были стоянка в ур. Песчаное у м. Народичи, Овручского района, являющаяся одним из опорных пунктов в изучении неолита Северной Украины, и поселение позднетрипольского времени на торфянике Моства у с. Липлян, Житомирской области, а также ряд памятников волынской мегалитической культуры. С исследовательской деятельностью И. Ф. Левицкого на Волыни связаны и его первые работы по палеолиту (с. Колодяжное, позднепалеолитическое местонахождение у с. Довгиничи, Коростенского района).

В харьковский период (1931—1952) вопросы изучения позднего палеолита на территории УССР становятся в центре исследовательского внимания И. Ф. Левицкого.

В широко развернувшихся работах по сооружению Днепрогэса в 1931—1932 гг. И. Ф. Левицкий возглавил палеолитическую группу Днепрогэсской экспедиции, которой были обнаружены и исследованы многочисленные позднепалеолитические стоянки в порожистой части Днепра, в первую очередь, многослойная стоянка в Осокорковской балке у с. Петрово-Свиштуново, изучавшаяся И. Ф. Левицким на протяжении ряда лет (1931—1932, 1946). В середине 30-х годов под его руководством были осуществлены и последние раскопки Гонцовской палеолитической стоянки, имеющей исключительно важное значение для правильного понимания явлений позднего палеолита на территории УССР. В изучении палеолита Украины с именем И. Ф. Левицкого связаны работы в Амвросиевке, Богодухове, Кодаке, Коростене и на других украинских местонахождениях.

В связи с созданием Харьковского центрального исторического музея в конце 30-х годов И. Ф. Левицкий проводит ряд археологических исследований в самом Харькове и в Харьковской области, среди которых следует назвать исследования поселений эпохи поздней бронзы и скифского времени у с. Безлюдовка, Харьковского района, в Саржином Яру, под Харьковом, и особенно интересного поселения у ст. Мерефа.

Научные достижения И. Ф. Левицкого, раскрытые в его публикациях, всегда глубоко продуманных и очень тщательно обработанных, вошли в широкий научный обиход советской археологии как достижения большой научной значимости в изучении древнейших периодов исторического прошлого территории УССР.

Характеристика И. Ф. Левицкого как исследователя и ученого должна быть дополнена указанием о его музееведческой деятельности.

Кроме большой организационной работы по охране памятников культуры на Волыни, а затем и в республиканских масштабах в Укрнауке Наркомата просвещения УССР, необходимо отметить достижения И. Ф. Левицкого в комплектовании музейных собраний и их экспозиций, а в особенности в организации и хранении значительных археологических фондов ряда волынских музеев (Овруч, Коростень, Житомир) и Харьковского исторического музея.

Память об Иване Федоровиче Левицком будет долго жить в коллективе советских археологов.

М. Рудинский

Список научных работ И. Ф. Левицкого

Печатные работы

1. Предисловие к изданию «Археологічні першоджерела, способи їх реєстрації та за-
соби охорони», Житомир, 1925, стр. 5—6.
2. З приводу знахідки в с. Колодяжному, Бюллетень кабінету антропології та етнології
УАН, К., 1925, стр. 35—39.
3. Бондарівська неолітична стоянка — майстерня кремінних виробів, Зб. Волинського
наук.-дослідч. музею, т. I, Житомир, 1928.
4. Пам'ятки мегалітичної культури на Волині, Антропологія I, К., 1928, стр. 192—222.
5. Довгинецька палеолітична стоянка, Антропологія III, К., 1929, стр. 153—160.
6. Розкопки могильника біля Ново-Мар'ївки, Артемовськ, 1930.
7. Стоянка в ур. Пісчаному біля Народич, Антропологія IV, К., 1930, стр. 191—235.
8. Домовина кінця неолітичної доби на побережжі середньої течії р. Случі (с. Колодяжне
на Волині), Записки ВУАК, т. I, К., 1930.
9. Розкопки залізоплавильного горна II—III ст. ст. н. е. в с. Покровському, Чугуїв-
ського району, Харків, 1935.
10. Следы палеолитической стоянки близ Богодухова, Бюллетень Комиссии по изучению
четверт. периода, 1940, № 6—7, стр. 70—73.
11. Гончарівська палеолітична стоянка, Палеоліт і неоліт України, т. I, вып. 3, К., 1949,
стр. 197—238.
12. Сліди палеоліту коло Богодухова, Палеоліт і неоліт України, т. I, вып. 5, стр. 289—293.
13. Розкопки палеолітичної стоянки на балці Осокоровій в 1946 р., Археологічні пам'ятки
УРСР, т. II, К., 1949, стр. 289—291.
14. Про вік стоянки, відкритої В. В. Хвойком в Іскорості, Археологія, т. IV, К., 1950,
стр. 156—162.
15. Дослідження стоянки на торфовищі Моства в 1948 р., Археологічні пам'ятки УРСР,
т. IV, К., 1952, стр. 70—77.

Рукописи

1. До вивчення археологічних першоджерел в околицях с. Колодяжного на Житомир-
щині, 1925.
 2. Археологічні досліди на Коростенщині, 1925.
 3. Археологічні досліди в Коростенській і Житомирській округах, 1926.
 4. Археологічні досліди в Коростенській і Житомирській округах в 1927 р.
 5. Археологічні досліди в Коростенській і Волинській округах в 1928 р.
 6. Археологічні розшуки на Коростенщині в 1929 р.
 7. Гончарівська експедиція 1935 р., Харків—Київ, 1936.
 8. Стоянка мустєрської доби в с. Старий Кодак, Дніпропетровської області, Соснов-
ка, 1938.
 9. До вивчення палеоліту в с. Амвросіївка, Сталінської області, Сосновка, 1938.
 10. Стоянка Абастумани-яйла (Западная Грузия), Харьков, 1944.
 11. Археологічні дослідження на території м. Харкова та в його околицях в 1946 р.,
Харків, 1946.
 12. Позднепалеолитические стоянки порожистой части Днепра, Харьков, 1947.
 13. Итоги исследований палеолитической стоянки на Осокоровой балке, Харьков, 1948.
 14. Раскопки в Саржином Яру, Харьков, 1948.
 15. Раскопки в с. Андреевке, Харьковской области, Харьков, 1948.
 16. Исследования стоянки возле г. Мерефа, Харьковской области, Харьков, 1948.
 17. Раскопки стоянки на торфянике Моства в 1948 г., Харьков, 1949.
 18. Мерефянское поселение, Харьков, 1949.
 19. Стадиальные черты раннего неолита на Волыни (без даты).
- Перечисленные рукописи хранятся в научном архиве Института археологии АН УССР.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи и сообщения

Итоги и задачи археологического изучения Украины.	3
М. Ю. Брайчевский, Некоторые данные об участии восточных славян в событиях на Дунае 248—251 г. н. э.	8
В. А. Богусевич, Мастерские ХІв. по изготовлению стекла и смальты в Киеве	14
П. А. Раппопорт, К вопросу о системе обороны Киевской земли	21
А. М. Шовкопляс, Некоторые данные о костерезном производстве в древнем Киеве	27
Р. И. Выезжев, Новые материалы из раскопок Леплявского могильника	33
К. В. Бернякович, Исследования древнеславянского поселения VIII—IX вв. в г. Ужгороде.	39
Л. М. Славин, Поселения первых веков нашей эры на среднем и нижнем Ингульце	49
А. И. Фурманская, Ассы из раскопок Ольвии 1948 г.	60
В. А. Ильинская, Из неопубликованных материалов скифского времени на Посулье	66
А. И. Тереножкин, Археологические исследования в окрестностях Смели в 1952 г.	71
Г. Т. Титенко, Закавказские удила, найденные на Полтавщине	77
Э. А. Сымонович, Погребение киммерийского времени на Тилигульском лимане .	81
Е. Ф. Лагодовская, Войцеховское позднетрипольское поселение	86
М. Л. Макаревич, Статуэтки трипольского поселения Сабатиновка II	90
А. В. Бодянский, Древнейшее ямное погребение в южном Приднепровье	95

II. Рефераты диссертаций

А. Т. Брайчевская, Отделение ремесла от земледелия и развитие торговли в раннеантском обществе	99
Ф. М. Штильман, Городища, поселения и могильники Бугского лимана VI—II вв. до н. э.	102
Иван Федорович Левицкий (некролог)	106

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АП—Археологічні пам'ятки УРСР
АС—Археологический съезд
ВДИ—Вестник древней истории
ВУАК—Всесоюзный археологический комитет
ВУАН—Всесоюзная Академия наук
ИА АН УССР—Институт археологии Академии наук Украинской ССР
ИАК—Известия археологической комиссии
ИГАИМК—Известия государственной академии истории материальной культуры
КСИИМК—Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАР—Материалы по археологии России
МИА—Материалы и исследования по археологии СССР
ПИДО—Проблемы истории докапиталистических обществ
СА—Советская археология

